

УЧРЕДИТЕЛЬ – САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2015 Том 15

ISSN 1814-733X
ISSN 1818-9601

Издается с 2001 года

Серия Социология. Политология, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918 и «Ученых записок СГУ» 1923–1962

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

- Бегина И. А., Ивченков С. Г., Шахматова Н. В.** Социальная инфраструктура города через призму общественного мнения саратовской молодежи 5
- Великий П. П.** Ресурсы стойкости сельского социума в кризисных ситуациях 10
- Плешаков А. П.** Социальные обязательства Российского государства в условиях экономического кризиса и обострения геополитической ситуации 15
- Калинникова М. В.** Генезис рисков в молодежной среде: социологический анализ 18
- Коваль И. В., Забуга Е. В., Кармацкая Э. В., Коваль О. И.** Социолого-исследовательский «форсайт-аспект» к использованию креативности в подготовке конкурентоспособных специалистов 22
- Елютина М. Э., Трофимова О. А.** Конструирование исследовательского дизайна в современной социологии старости 28
- Титова Е. Ю.** Корпоративная культура регионального вуза: к определению понятия 33
- Калинникова М. В., Карелин М. А.** Роль музыкальной культуры в формировании ценностных установок молодежи 36
- Сайганова Е. В.** Особенности трудовых ценностей молодежи в региональном ракурсе (на примере г. Саратова) 40
- Нагимова А. М., Зайнуллина М. Р.** Общественная оценка экономической ситуации в Республике Татарстан: опыт социологического исследования 45

Слово молодым социологам

- Юренков И. Н.** Факторы социальной стабильности: исторический опыт теоретического осмысления 49
- Калинкин А. А.** Конструирование социальной реальности: социолингвистический аспект 52
- Кудаев А. В.** Социальные гарантии в условиях перехода российского общества на инновационный путь развития 55
- Герасимова М. А.** К вопросу о возникновении социальных фланеров в эпоху постмодерна 60

Политология

- Вилков А. А.** Российские партии на выборах в сентябре 2015 года: итоги и перспективы 63
- Семенова В. Г.** Моноцентризм региональной власти: политико-правовое исследование региональных политических режимов (на примере Саратовской области) 69
- Скороходова О. С.** Реформирование местного самоуправления в Саратовской области: городское измерение 73
- Петров Д. Е.** Институциональные основы обеспечения территориальной безопасности в субъектах Российской Федерации и на муниципальном уровне 79
- Зевако Ю. В.** Политико-административное регулирование межнациональных (межэтнических) отношений в городе Байконур: современное состояние и перспективы 86
- Сукиасян А. Х., Евстифеева О. Г.** Политическая культура как имманентный механизм институционализации социальной ответственности бизнес-сообщества 92
- Дубровская С. В.** Кейс-технология в профессиональной подготовке политологов 97
- Голуб Ю. Г.** СССР и Великобритания на пути к операции «Согласие», август 1941 г. 99

Слово молодым политологам

- Черодайко Д. М.** Роль традиций и новаций в социально-политической динамике современного общества 109
- Мишин К. Ю.** Теоретическая продуктивность и ограниченность применения экономической категории «эффективность» для оценки легитимности власти 112

Приложение

Хроника

Сведения об авторах

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56124 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36016, раздел 41 «Философия. Социология. Психология. Религия». Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Степанова Наталия Ивановна

Верстка

Багаева Ольга Львовна

Технический редактор

Ковалева Наталия Владимировна

Корректор

Гаврина Марина Владимировна

Адрес учредителя и редакции:

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 20.12.15.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,60 (15,25).

Тираж 500 экз. Заказ 198-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский государственный университет, 2015

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков с пробелами).

Статья должна содержать аннотацию (до 5 строк), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: www.soziolit.sgu.ru/dlya-avtorov.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты;
- «внешнюю» рецензию, заверенную в установленном порядке.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегия серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал рецензии и договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: www.soziolit.sgu.ru.

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS**Scientific Part****Sociology**

Beginina I. A., Ivchenkov S. G., Shahmatova N. V. The Social Infrastructure of the City Through the Prism of Public Opinion of the Saratov Youth	5
Velikiy P. P. Stableness Resources of the Rural Socium in Crisis Situations	10
Pleshakov A. P. Social Obligations of the Russian State in the Economic Crisis and Worsening Geopolitical Situation	15
Kalinnikova M. V. Genesis of Risks in the Youth's Environment: Sociological Analysis	18
Koval I. V., Zabuga E. V., Karmatskaya E. V., Koval O. I. Sociology-research «Forsayt-aspect» to Use Creativity in Training of Competitive Experts	22
Elutina M. E., Trofimova O. A. Engineering of Research Design in Modern Sociology of Elderly	28
Titova E. Yu. Corporate Culture at the Regional University: Defining the Concept	33
Saiganova E. V. Features Values Youth Employment in Regional Perspective (on the Example of Saratov)	40
Nagimova A. M., Zainullina M. R. Public Assessment of the Economic Situation in the Republic of Tatarstan: Experience of Sociological Research	45

A Word to Young Sociological Scientists

Yurenkov I. N. Factors of Social Stability: Historical Experience of Theoretical Reflection	49
Kalinkin A. A. The Construction of Social Reality: Socio-Linguistic Aspect	52
Kudaev A. V. Social Guarantees in the Conditions of Transition of the Russian Society on an Innovative Way of Development	55
Gerasimova M. A. On the Question of Social Flaneur Origin in the Postmodern Period	60

Politology

Vilkov A. A. Russian Parties at Elections in September 2015: Results and Prospects	63
Semenova V. G. Monocentrism Regional Authorities: Political and Legal Study of Regional Political Regimes (on the Example of Saratov Region)	69
Skorohodova O. S. The Reform of Local Government in Saratov Region: the Urban Dimension	74
Petrov D. E. Institutional Framework Ensure the Territorial Security Concerns of Russian Federation Subjects and Municipal Levels	79
Zevako Yu. V. Political and Administrative Regulation of International (Inter-ethnic) Relations in the City of Baikonur: Current State and Prospects	86
Sukiasyan A. Kh., Evstifeeva O. G. Political Culture is as an Immanent Mechanism Institutionalization Social Responsibility Business Community	92
Dubrovskaya S. V. Case Technology in Professional Training of Political Scientists	97
Golub Yu. G. The USSR and Great Britain on their Way to Operation «Countenance», the August, 1941	99

A Word to Young Politological Scientists

Cherodayko D. M. Role of Traditions and Innovations in Socio-political Dynamics of Modern Society	109
Mishin K. Yu. Theoretical Productivity and Restriction Usage of Economical Category «Efficiency» for Assessing Authority Legitimacy	112

Appendices

Chronicle	117
------------------	-----

Information about the Authors	120
--------------------------------------	-----

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»**

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Стальмахов Андрей Всеволодович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»**

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Stalmakhov A. V. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

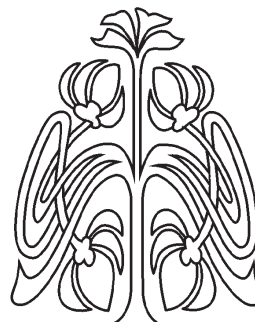
Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

Usanov D. A. (Saratov, Russia)

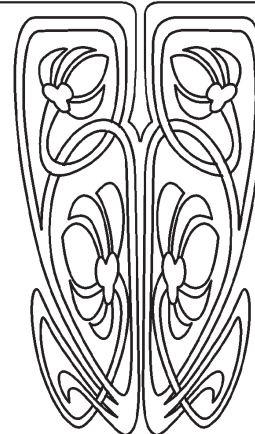
Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia)

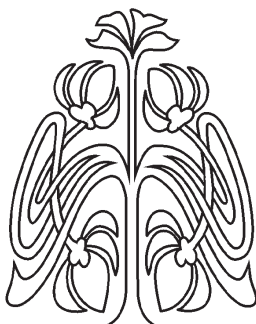
Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

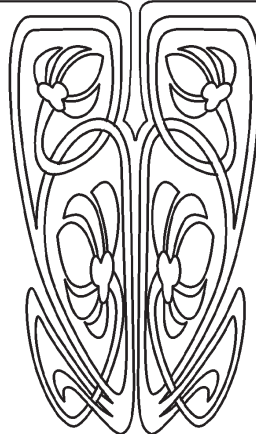

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Бегина Ирина Александровна, кандидат филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аникин Леонид Сергеевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Айтчисон Брайан, докторант политологии (Лондон, Великобритания)

Баттерфилд Джим, доктор полит. наук, профессор (Каламазу, США)

Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)

Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)

Маркович Данило Ж., академик Сербской академии образования

(Белград, Республика Сербия)

Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: SOCIOLOGY. POLITOLOGY»**

Editor-in-Chief – Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Vilkov A. A. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Beginina I. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Anikin L. S. (Saratov, Russia)

Itchison B. (London, Great Britain)

Butterfield G. (Kalamazoo, USA)

Golenkova Z. T. (Moscow, Russia)

Kalinnikova M. V. (Saratov, Russia)

Komkova G. N. (Saratov, Russia)

Kuznetsov I. I. (Moscow, Russia)

Markovich D. Zh. (Belgrade, Republic of Serbia)

Shhmatova N. V. (Saratov, Russia)

Shestov N. I. (Saratov, Russia)

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.728

СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА ГОРОДА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ САРАТОВСКОЙ МОЛОДЕЖИ

И. А. Бегина, С. Г. Ивченков, Н. В. Шахматова

Саратовский государственный университет

E-mail: begininaia@info.sgu.ru, ivchenkovsg@mail.ru, nadezhdashakhmatova@yandex.ru

В статье по результатам эмпирического социологического исследования анализируется отражение городской социальной инфраструктуры в общественном мнении саратовской молодежи. Выявляются критерии престижности районов проживания и наиболее значимые для молодежи социальные проблемы общественного транспорта, строительства дошкольных учреждений, экологической и криминогенной ситуаций.

Ключевые слова: город, социальная инфраструктура, общественное мнение молодежи, престижность места жительства.

The Social Infrastructure of the City Through the Prism of Public Opinion of the Saratov Youth

I. A. Beginina, S. G. Ivchenkov, N. V. Shahmatova

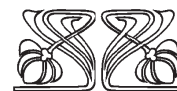
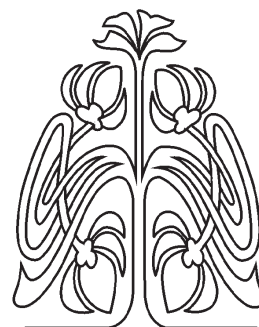
Article based on the results of empirical sociological research examines reflection of urban social infrastructure in public opinion of the Saratov youth. Identifies criteria for prestige neighbourhoods are the most significant for youth social problems of public transport, the construction of pre-school institutions, environmental and criminal situations.

Key words: city, social infrastructure, public opinion youth, kudos to the residence.

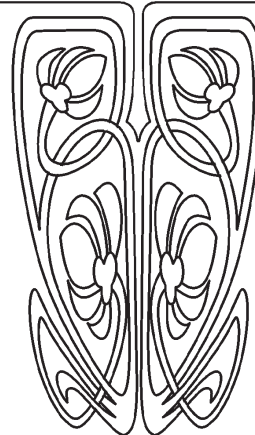
DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-5-10

Современные российские города переживают сложный период своего развития. Трансформационные процессы, затронувшие все сферы жизни российского общества, оказали существенное влияние на социально-экономическое положение горожан, уровень, стиль и образ их жизни. В средних российских городах изменяются материальные, социальные, демографические, политические и духовные условия жизни различных социальных групп, их потребности в различных сферах жизнедеятельности и возможности их удовлетворения. Изменяется социальное самочувствие этих групп, их субъективное восприятие и оценка условий жизни. В сложившихся условиях достижение важнейшей цели муниципального развития – коренное улучшение условий и качества жизни каждого горожанина – требует рационализации образа жизни городских жителей, что, в свою очередь, невозможно рассматривать без основы и базы данного процесса – социальной инфраструктуры.

Однако следует отметить, что первое употребление понятия «инфраструктура» появилось в конце 40-х гг. XX в. в военной науке и применялось для обозначения совокупности объектов стратегического назначения, тыловых организаций и инженерных коммуникаций, обеспечивающих успешную реализацию собственно военных целей и задач. Одновременно теория экономического роста и теория общественных товаров стали предпосылками появления первых концепций инфраструктуры, авторами которых были ведущие американские и европейские экономисты, такие, например, как У. Ростоу¹, П. Самуэльсон². Они первыми обратили внимание на то, что для интен-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

сификации экономического роста необходимо проведение комплекса социальных мероприятий и создания вспомогательных объектов, которые образуют инфраструктуру, обосновывали первоочередность создания инфраструктурного обеспечения экономики, дали классификацию объектов инфраструктуры, проанализировав их основные характеристики.

Степень развитости социальной инфраструктуры является показателем уровня и качества жизни населения страны, так как оптимизирует деятельность человека во всех сферах общественной жизни. «Социальная сфера это, по сути, сфера общественных отношений и взаимодействий», – справедливо отмечает М. М. Акулич³. Развитие социальной структуры непосредственно связано с развитием социальной инфраструктуры, от уровня и темпов развития которой зависят создание оптимальных условий быта, труда и отдыха, укрепление здоровья, повышение культурно-образовательного и профессионально-квалификационного уровня населения. В современной России в функционировании социальной инфраструктуры существуют определенные проблемы, большинство из которых связано с жилищной проблемой, предоставлением государственных услуг и услуг здравоохранения. Развитие социальной инфраструктуры – многоаспектная проблема, которая требует применения научных методов управления, а также инновационных методов развития. Поэтому переход на инновационное развитие социальной инфраструктуры является актуальной задачей⁴.

Современное состояние социальной инфраструктуры российских городов характеризуется сложной ситуацией – гигантскими темпами трансформируется ее потенциал. Вследствие отсутствия возможностей для содержания, капитального ремонта и поддержания дееспособности ликвидируется множество инфраструктурных объектов различного назначения, изменяются их целевая направленность, спектр предоставляемых ими услуг и т. д. Эти проблемы приобретают особую важность в крупных российских городах, в которых отсутствие развитой социальной инфраструктуры резко снижает качество жизни, деформирует ее образ. В их развитии и функционировании с наибольшей наглядностью обнажаются недостатки и просчеты в организации социальной инфраструктуры, испытывающей на себе воздействие современной рыночной экономики. Современный город характеризуется такими признаками, как высокая концентрация населения на ограниченном пространстве и большая его численность, что влечет за собой определенные последствия, представляющие интерес для социологического анализа города. Иначе говоря, актуальность данной проблемы обусловлена, во-первых, тем, что темпы изменений социальной инфраструктуры в круп-

ных городах (как ни в каком другом поселении) отстают от общих темпов социально-экономических и культурных изменений, происходящих в обществе, во-вторых, проявлением существенных противоречий между процессом создания полноценных условий для жизни миллионов людей в данных городах и реальностями рыночных преобразований, которые не всегда согласуются с потребностями населения.

Социальная инфраструктура города представляет собой совокупность материально-вещественных элементов, создающих и обеспечивающих условия для пространственной и временной организации жизнедеятельности населения в контексте его потребностей, ценностных ориентаций, социальных, демографических и других особенностей. Такое определение является эффективным инструментом анализа и позволяет выявить отставание социальной инфраструктуры от реальных потребностей горожан. Сегодня, в период переоценки ориентиров городского развития, связанной с выдвижением человека в качестве центрального звена данного процесса, это становится объективным препятствием для повышения уровня и качества жизни населения, рационализации городского образа жизни, открывающей и расширяющей новые грани жизнедеятельности человека в современном городе, и индикатором престижности города, места жительства горожан.

В настоящее время общество развивается в сторону поляризации социальных слоев горожан, следовательно, актуализируется и проблема социальной сегрегации (городской в том числе) Это актуализирует социологическое исследование тенденций и закономерностей расселения в городах (в зависимости от размера города, его культурной среды и происхождения, его модели), особенностей мышления жителей различных частей города, специфики различных частей города с точки зрения их роли в общегородском пространстве и социальной инфраструктуре. Это и вызвало необходимость социологического опроса, который был проведен методом анкетирования в 2014 г. по бесповторной, вероятностной, трехступенчатой квотной выборке. Критерии квот: возраст, пол, район проживания. Объем выборки составил 488 жителей г. Саратова в возрасте от 18 до 30 лет (от 18 до 22 лет – 39,8%, 23–26 лет и 27–30 лет – соответственно 29,5 и 30,7%). В гендерном соотношении 52,3% составили женщины, 47,7% – мужчины, что соответствует распределению генеральной совокупности и принципам репрезентативности.

На момент опроса наибольший процент опрошенных (31,8%) проживают в Ленинском районе, что соответствует статистическим данным о количественном распределении жителей г. Саратова по административным районам. Что касается непосредственно условий проживания, то наибольшая часть респондентов (29,5%) про-

живали в двухкомнатной квартире. Значительный процент (25%) составили жители общежитий и коммунальных квартир; 22,7% проживали в трехкомнатной и 18,2% – в однокомнатной квартире. И только 4,5% являлись жителями квартир с количеством комнат четыре и более или частных домов.

Застройка г. Саратова носит зональный характер. Первая зона – историко-архитектурный центр города с множеством зданий, являющихся памятниками истории и культуры. Это престижная территория с развитой инженерной и социальной инфраструктурой, удобным транспортным сообщением с любой частью города. Вторая зона прилегает к центру города с северной, западной и восточной сторон, имеет развитую транспортную инфраструктуру. Здесь расположены по большей части жилые дома постройки 1950–1975 гг., а также промышленные предприятия. Третья зона включает в себя спальные микрорайоны города, большая часть которых расположена в северной части города и частично в южной. Также здесь имеются промышленные предприятия, построенные в послевоенный период. Жилой фонд в третьей зоне был введен в эксплуатацию в 1960–1985 гг. Четвертую зону можно охарактеризовать как преимущественно промышленную. В этой зоне количество жилищного фонда сравнительно меньше, это связано с тем, что на ее территории большую площадь занимают заводы, склады и хранилища. Микрорайоны, находящиеся в пятой зоне, значительно отдалены от первой и объем жилищного фонда в ней самый маленький в городе.

Для большей части саратовской молодежи проживание в престижном районе характеризуется как желаемое и позитивное (55,7% молодежи хотели бы жить в престижном районе). Однако существенным является тот факт, что более трети (35,2%) высказали либо равнодушное отношение к проблеме престижности места жительства, либо вовсе не задумывались о данном вопросе. С одной стороны, это может свидетельствовать о том, что для значительной части молодежи при выборе места жительства на первый план выходят другие факторы, нежели престижность. С другой стороны, можно сделать вывод, что для относительно большей части современной молодежи проблема престижного адреса не является актуальной по причине отсутствия самой возможности выбора места жительства.

Под престижным районом 47,7% молодежи понимают район, который они выбрали бы при неограниченных материальных возможностях, 35,2% молодежи понимают престижный район как район, где проживает «верхушка общества». Таким образом, несмотря на то что значительная часть молодежи равнодушно относится к вопросу престижности места жительства, в представлении основной массы (82,7%) данное качество

вызывает, прежде всего, позитивные ассоциации, такие как материальное благосостояние и высокий социальный статус жителей. В целом престижное место жительства можно охарактеризовать как желаемое и предпочтительное в представлении основной части изучаемой нами социальной группы.

Самым престижным районом г. Саратова, в представлении молодежи, оказался Волжский район – 55,7% молодежи охарактеризовали его таким образом. Как самые престижные были особо выделены следующие территории в Волжском районе: район, обозначенный Набережной космонавтов, ул. Московской, Лермонтова и Волжской, район ул. Чернышевского от пересечения с ул. Радищева вплоть до въезда в Заводской район, а также отдельно был отмечен район городского парка им. М. Горького. На втором месте по престижности, в представлении молодежи, находится Кировский район (21,6%), а именно: район Проспекта Кирова, парка «Липки», а также территория, очерченная улицами Рахова, Радищева, Зарубина и Вавилова. Достаточно высокий процент предпочтений также получили район Соколовой горы, пос. Юбилейный. На третьем месте по престижности оказался Фрунзенский район – только 18,2% назвали его «наиболее престижным».

Отдельно отметим, что ул. Московская в целом была выделена как престижное место жительства, что не удивительно, так как она является центральной улицей города. Менее часто, но также были выделены как престижные следующие районы: район 1-й Дачной, ул. Вишневой, Студгородка, Театра оперы и балета, ул. Советской, ул. Рабочей, 5-й Дачной, ул. Радищева.

В целом результаты показали, что представления о престижном районе не зависят от района фактического проживания человека. Наблюдается явная тенденция к определению центральной части города как наиболее престижного района проживания, это объясняется тем, что центральное ядро города сосредоточивает в себе наиболее богатую инфраструктуру, следовательно, занимает наиболее престижные позиции на шкале ценностей, признаваемой и активно формируемой городским сообществом, в частности молодежью. Выявленные тенденции подтверждают результаты подобных исследований, проведенных в 1990-х гг.⁵

В категории «наименее престижных» районов оказались два района. 82,9% молодежи охарактеризовали Заводской район как «наименее престижный». Также в этот разряд попал Ленинский район – 14,7%. Остальные административные районы города не были упомянуты в данной категории. Октябрьский район не попал в разряд «наименее престижных», однако получил только 1,1% выборов, следовательно, данный район можно скорее отнести к непрестижным, чем к престижным.

Среди качеств, свойственных престижному району, по мнению молодежи, наиболее распространенными оказались следующие: удаленность от промышленных объектов (93,2%); близость к центру (84,1%); близость к месту работы/учебы (80,7%); новая застройка района (80,7%); близость парков (78,4%); близость театров/музеев (77,3%); высокая концентрация мест развлечений (61,4%); многоэтажные дома (53,4%); низкая плотность заселения района (50%). В дополнение к перечисленным качествам престижного района были названы такие характеристики, как чистота на улицах, обилие зеленых насаждений, наличие подземных автостоянок, хороших подвалов и пр.

Теперь важно проанализировать, какие из этих качеств являются определяющими или наиболее значимыми при оценке. При ранжировании были учтены только основные качества как заведомо более основательные и существенные. Средние тенденции показали, что по степени важности большинство респондентов оценили как «очень важные» следующие характеристики района: криминогенная обстановка (59%), экологическая ситуация (57%), развитость системы общественного транспорта (45%), качество квартир в районе (38%).

Подобный набор свидетельствует о наиболее актуальных для саратовской молодежи аспектах жизни на современном этапе развития города и общества. Очевидно, что уровень преступности и экологическая ситуация вышли на первый план как реальная и потенциальная угроза безопасности. Что касается качества квартир, то важность данного параметра объясняется тем, что характеристики непосредственного жилого окружения являются составной частью удовлетворенности городской средой в целом. Вполне понятно, что повышение внимания к жилой среде обуславливается постепенным насыщением потребностей в сфере собственно жилища, расширением квартирных возможностей, которым во многих случаях отдается предпочтение по сравнению с «внешними» городскими условиями.

Вместе с тем для жителей все возрастающую роль играют общегородские связи (посещения других районов города составляют одну из самых примечательных черт функционирования современной городской среды). Поэтому естественно, что развитая система общественного транспорта оказалась одним из ключевых параметров определения престижности района для почти половины молодежи.

Анализ свидетельствует, что пропускная способность наличного городского транспорта не в состоянии обеспечить растущий пассажиропоток. К примеру, перевозки пассажиров троллейбусами, наиболее распространенным в российских городах транспортом, с 1990 по 1997 г. возросли в Волгограде на 50%, Саратове – на 94%, Самаре – на 30%, в Тольятти – на 43%.

Тогда как численность троллейбусов увеличилась в Волгограде лишь на 30%, Самаре – на 1%, в Саратове и Тольятти сократилась на 4 и 17%. Аналогичная ситуация сложилась и в отношении других видов городского транспорта. С 1995 по 1997 г. в Волгограде, Самаре, Тольятти, Кемерово, Саратове не было проложено ни одного километра эксплуатационного пути популярных у населения трамвая или троллейбуса⁶.

Поездки от места жительства до места работы 35,1% респондентов предпочитают совершать на троллейбусе и 35,6% – на трамвае. Для сравнения, автобусом в этих целях пользуются 29,9% опрошенных, а личным автомобилем – 20,6%. Значительная часть опрошенного населения тратит на дорогу свыше 30 мин. А известно, что если человек затрачивает на трудовую поездку в одном направлении более 30 мин., это отрицательно сказывается на производительности труда, она падает на два и более процента⁷.

Транспортная напряженность уже переросла в разряд закономерности, характеризующей развитие российских городов. Причины сложившегося положения следует искать не только в резком сокращении капиталовложений в развитие городского транспорта и значительном износе основных фондов его предприятий, но и в управлении этой сферой. Рациональная организация функционирования транспортной системы предполагает использование не только экономических рычагов, но и методов социального управления, которые не являются приоритетными для органов муниципального управления.

В категорию «важные» большинством респондентов были отнесены такие характеристики, как: развитая инфраструктура в районе (53% ответов), близость парков, лесопосадок и пр. (43%), расстояние до центра (40%), расстояние до места работы/учебы (39%). Интерес представляет тот факт, что 43,2% молодежи определили такое качество, как развитая социальная инфраструктура в районе, как «очень важное» при оценке престижности района. Данные цифры реально превышают аналогичные показатели по параметру «качество квартир в районе». В последнем случае анализ средних тенденций относит «качество квартир» в категорию «очень важных» параметров (модальное значение равно ответу «очень важно»), что в процентном выражении составляет лишь 37,5% с частотой повторения, равной 33. Таким образом, «развитую инфраструктуру» оценили как «очень важную» 43,2% респондентов, а «качество квартир» подобным образом оценили 37,5%. И, тем не менее, последнее качество по модальному значению занимает более высокие позиции по сравнению с первым. Таким образом, учитывая все приведенные показатели, можно сделать вывод, что «развитость социальной инфраструктуры» является не менее важным качеством для оценки престижности района, чем «качество квартир».

Аналогичный вывод можно сделать относительно такого качества, как «близость лесопосадок и парков». В категорию «очень важные» данное качество отнесли 37,5% молодежи. Значение дисперсии составляет 1,02. Что касается расстояния до места работы (39%), то к полученным результатам необходимо добавить, что анализ результатов других исследований в области городского расселения показывает – в целом выбор районов работы определяется в значительной мере фактором интереса, а не близостью тех или иных предприятий и учреждений к дому, сокращающей время на дорогу. В данном отношении практически любой, даже самый удаленный район города становится фокусом притяжения горожан.

Как «не очень важные» большинством молодежи оцениваются следующие качества престижного района: степень концентрации культурно-исторических памятников (42,1%), степень концентрации мест отдыха и развлечений (41%), давность застройки района (37,5%). Полученные данные позволяют сделать вывод, что при выборе места жительства такие критерии, как наличие музеев, театров, других культурно-исторических памятников в районе, не представляют особой важности для основной части молодого поколения г. Саратова. Однако это не свидетельствует однозначно о том, что подобные ценности исключены из сферы интересов современной саратовской молодежи. Что касается степени концентрации различных мест отдыха и развлечений, к которым у молодежи должен отмечаться особый интерес, то относительно низкие показатели по данному параметру могут объясняться достаточно высокой степенью развитости сети развлекательных учреждений во всех районах города, что обуславливает выпадение этого качества из списка определяющих критериев престижности района.

Действительные предпочтения саратовской молодежи в отношении районов проживания распределились следующим образом: 35% опрошенных хотели бы жить в Волжском районе. Почти столько же (34% молодежи) предпочли бы жить в Кировском районе. В совокупности с вопросом о том, какой район города респонденты считают наиболее престижным, данный вопрос о предпочтениях, являясь контрольным, позволил получить более адекватную картину о действительном отношении молодежи к престижности места жительства.

Что касается непосредственно условий проживания, то, в представлении большинства молодежи, престижным жильем является многоуровневая квартира – так ответили 52,3% респондентов. Значительная часть молодежи оценивает как престижное проживание в частном доме, коттедже (25%). Чуть меньшая доля опрошенных (20,5%) считает престижным жить в четырехкомнатной квартире. В совокупности

три перечисленные варианта ответов составляют 97,7% всех выборов, что вполне понятно.

До недавнего времени в г. Саратове, как и в других российских городах, наблюдалось масштабное сокращение детских дошкольных учреждений. За период с 1990 по 1997 гг. их число уменьшилось в Волгограде на 24%, Саратове – на 29%, Кемерово и Самаре – на 28%, Тольятти – на 15%, Уфе – на 23%. Вследствие этого значительно снизился охват детскими дошкольными учреждениями детей в возрасте от 1 до 6 лет. Сократилась и численность детей, приходящихся на 100 мест в данных учреждениях⁸.

Опросы показывают, что в группе респондентов, состоящих в официальном браке, только 15% опрошенных считают необходимым иметь в своем микрорайоне школу и 8,9% – детский сад. В других группах этот показатель еще более низкий. Исключение составляют только респонденты, проживающие в гражданском браке. Именно они поставили на второе место школу (21%), на третье – поликлинику (15%), а на четвертое, с разницей лишь в 1%, – детский сад (14%). Потребности населения становятся более определенными, в первую очередь, вследствие акцентированной позиции респондентов отдельных возрастных групп. Так, например, опрошенные жители, относящиеся к группе 31–40 лет, сделали твердый выбор в отношении необходимости наличия в микрорайоне школы, поставив ее на второе место (20%). Эту позицию разделяют респонденты в возрасте 26–30 и 41–50 лет (по 14%). Из групп молодежи, отдающих предпочтение детскому саду, выделяются горожане в возрасте 21–25 и 26–30 лет, хотя для них он и не входит в число приоритетных объектов социальной инфраструктуры микрорайона (11,7 и 11,8% соответственно). Наиболее популярными ответами стали: «продовольственный магазин» (31% опрошенных), «детский сад» (26%), «поликлиника» (26%), «остановка общественного транспорта» (21%). Потребности в организации условий для воспитания и образования детей наиболее актуальны в основном для той группы населения, которую составляют горожане в возрасте от 21 до 50 лет, состоящие в официальном или гражданском браке. Но если учесть, что от этого зависит полноценная жизнедеятельность еще 20% населения города, которое составляют дети, то проблемы развития системы образования приобретают статус первостепенных, а соответствующие потребности рассматриваются в числе ведущих.

Таким образом, в представлении молодежи, престижность как общее понятие и престижность места жительства в частности связываются, прежде всего, с высоким материальным достатком. Престижное место жительства и прочие подобные атрибуты представляют собой лишь следствия, индикаторы высокого социального статуса их обладателя. «Размер кошелька – вот,

что важно» – таков один из ответов, полученных на вопрос о том, какое конкретно жилье респондент считает престижным. Наиболее престижные районы города, в представлении местной молодежи, – Волжский и Кировский районы. Как самые престижные были особо выделены следующие территории: район, обозначенный Набережной космонавтов, ул. Московской, Лермонтова и Волжской, район ул. Чернышевского от пересечения с ул. Радищева вплоть до въезда в Заводской район, район городского парка им. М. Горького (в Волжском районе); район Проспекта Кирова, парка «Липки», а также территория, очерченная ул. Рахова, Радищева, Зарубина и Вавилова, район Соколовой горы, пос. Юбилейный (в Кировском районе). Наблюдается явная тенденция к определению центральной части города как наиболее престижного района проживания.

Средние тенденции показывают, что, в представлении саратовской молодежи, престижным считается район, расположенный близко к центру города, отличающийся высокой концентрацией различных мест развлечения, наличием театров, музеев, а также обилием зеленых насаждений, близостью парков, лесопосадок, реки и чистотой. Кроме того, престижному району присущи такие качества, как удаленность от промышленных объектов и преобладание новых многоэтажных домов в застройке. Причем такое представление о престижном районе характерно для молодежи в целом, независимо от пола и возраста, образования и других статусных характеристик.

Говоря о престижности жилья, отметим, что престижной, в представлении изучаемой социальной группы, независимо от пола и возраста,

образования и других статусных характеристик, считается многоуровневая квартира или частный коттедж. Особую важность среди перечисленных качества имеют криминогенная обстановка, экологическая ситуация, развитость системы общественного транспорта, качество квартир в районе. На втором месте по важности находятся: развитая инфраструктура в районе, близость парков, лесопосадок, расстояние до центра, расстояние до места работы/учебы.

Примечания

- 1 См.: Блауг М., Ростой У. // Блауг М. 100 великих экономистов после Кейнса. СПб. : Экономикс, 2009. С. 248–251.
- 2 См.: Самуэльсон П. Экономика : в 2 т. М. : НПО «Алгон», 1992.
- 3 Социология социальной сферы : учеб. пособие для вузов / ред. М. М. Акулич, В. Н. Кузнецов. М. : Гардарики, 2007. С. 14.
- 4 См.: Перевозкина Ю. Е. Инновационное развитие социальной инфраструктуры современного города // Современные научные исследования и инновации. 2013. № 10. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2013/10/26733> (дата обращения: 09.12.2014).
- 5 См.: Мазаев А. И. Концепция «производственного искусства» 20-х годов. М. : Наука, 1975. С. 49.
- 6 См.: Федулов С. П. Социальная инфраструктура современного российского города // Социс. 2000. № 4. С. 123.
- 7 См.: Тоценко Ж. Т. Социальная инфраструктура : сущность и пути развития. М. : Мысль, 1980.
- 8 См.: Федулов С. П. Указ. соч. С. 124.

УДК 316.334.55

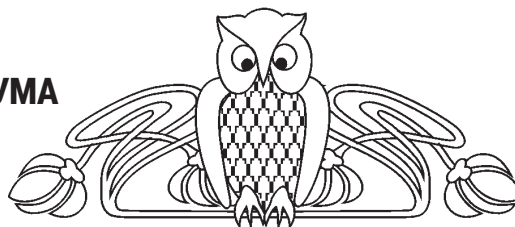
РЕСУРСЫ СТОЙКОСТИ СЕЛЬСКОГО СОЦИУМА В КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЯХ

П. П. Великий

Институт аграрных проблем РАН, Саратов
E-mail: iagpran@mail.ru

В статье обосновывается специфика преодоления сельскими жителями жизненных трудностей в периоды резкого обострения их в обществе (кризисах). Показана роль традиционализма и архаики в реализации способов получения ресурсов выживания, а также новых практик, освоенных мобильными группами сельского населения в пореформенный период жизни села. Дано обоснование факторов возникновения эффекта культурной травмы, полученной сельскими жителями на этапе разрушения модели колхозного уклада, и защитных механизмов против ее повторения в ситуации современного кризиса.

Ключевые слова: экономический обмен, семейное хозяйство, сельскохозяйственное предприятие, сельские жители, стойкость, способы выживания, информационная компетентность.

Stableness Resources of the Rural Socium in Crisis Situations

P. P. Velikiy

In the article the specifics of life difficulties overcoming by rural population in the period of their sharp aggravation in the society (crises) is grounded. The role of traditionalism and archaic character in realization of ways of getting the resources of surviving, and also new practices mastered by mobile groups of the rural population in the reforms period of rural life is shown. The grounding of the factors of arising the effect of cultural shock received by rural population in the stage of the modal of collective farm tenor and protective mechanisms against its repetition in the situation of modern crisis is given.

Key words: economic exchange, household, rural enterprise, rural population, stableness, ways of surviving, information competence.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-10-15

Кризис как социальное явление, вызванное совокупностью внешних и внутренних причин, проявляется в сбоях функционирования финансовой системы, сферы производства, обеспечения продуктовыми ресурсами рынка, ростом дороговизны разного рода благ и ценностей для жителей. Стойкость (жизнестойкость) можно определить как способность индивидов, семей, сообществ сохранять и поддерживать сложившийся образ жизни по основным характеристикам, несмотря на сужение некоторых его полей. В стойкости реализуется феномен субъектов живой материи – желание жить, несмотря ни на какие ограничения в пище, тепле, защищенности от внешней опасности. Это демонстрируют все виды живых существ и, естественно, homo-sapiens, у которого к тому же в стойкость вкладывается неотъемлемый атрибут – преобладание высоких духовных состояний над биологическими. Поэтому во всех цивилизованных обществах жестко осуждаются факты лишения детей еды (последнего куска хлеба) в экстремальных ситуациях, оставление слабого без помощи, каннибализм.

Российский сельский социум на своем историческом пути постоянно испытывался на стойкость. Вызовы природного характера, войны, болезни, бедность сопровождали крестьянскую семью в досоветское время. Не меньше их выпало на ее долю в ранне-, средне- и позднесоветский периоды. За последние почти четверть века, с начала 90-х гг. XX в., стойкость к переменам в пространстве жизненной среды потребовалась от всех категорий жителей села. Власти более 70 лет дисциплинировали крестьянство, чтобы приучить его жить в «тепле родного коллектива», и оно с определенными коррективами стало идентифицировать себя с колхозными устоями, которые, казалось, не исчезнут никогда, но реалии перестройки оказались другими.

П. Штомпка определил резкий разрыв между старым и новым укладами жизни как культурную травму, обратив внимание на последовательность самопреобразований, включая широкий исторический контекст, на протяжении большого отрезка времени¹.

На протяжении всей истории крестьянства государство было заинтересовано в том, чтобы получать из его состава человеческие ресурсы, из деревни – материальные блага. Соответственно, требовалась поддержка сельского населения, опираясь на его внутренний потенциал, о чем писал еще и М. В. Ломоносов².

Контекст стратегий поддержки стойкости человека в условиях обострения вызовов, влияющих на материальную и социокультурную составляющие его жизни, может реализоваться в рамках либо прямой помощи (например, введение продуктовых карточек, мера, которой не стыдятся власти самых развитых стран Запада), либо совершенствования процесса социального взаимодействия людей в общностях, коллективах, терри-

ториях по обмену ресурсами. Эти подходы могут быть объединены, осуществляться совместно. И если первый представляет собой одностороннюю раздачу узкого набора благ, то второй включает такие взаимосвязи обмена, которые предполагают формирование взаимности и рациональности поведения контактирующих между собой акторов. При этом с учетом неравновесности обмениваемых ресурсов складываются структуры, обладающие эмерджентными свойствами, которые оформляются во властные отношения, легитимизацию социального порядка.

Рассмотрим подробнее перспективы использования теорий обмена в контексте осмысления стойкости сельских жителей к вызовам кризиса. Согласно Дж. Хомансу и П. Блау, создателям теории социального обмена, общий контекст макро- и микроструктур основывается на тесной взаимосвязи этих уровней анализа. Оба они дают свой багаж знаний для выявления такого проявления социальных отношений, как зависимость одного актора от других через доступность ресурсов, которая определяется многими факторами как на микро-, так и на макроуровне³.

Ценным методологическим положением является выход Блау и Хоманса за пределы принципов бихевиористских подходов, которые односторонне оценивают механизмы взаимосвязи акторов через механизм «стимул – действие». Хотя в обменных отношениях можно обнаружить сходство с данным механизмом, так как получение или неполучение неких благ одного индивида от другого корректирует действия нуждающейся и потому заинтересованной стороны, которая находится в зависимости от того, кто может (хочет или не хочет) их предоставить, однако это внешнее сходство, поскольку нуждающаяся сторона входит в контакт с обладателем благ лишь при отсутствии альтернатив. Она остается достаточно свободной от действия механизма «стимул – действие». Кроме того, и обладатель благ находится в некоей зависимости от нуждающихся акторов, так как имеет интерес в получении определенной, как экономической, так и социальной, политической, моральной, выгоды от взаимодействия⁴. В этой ситуации интересы того, кто хотел бы получить некие блага, и того, кто их предоставляет, как правило, не совпадают между собой. Вознаграждение их как участников данного обмена может иметь опосредованный характер, откладываться во времени или вообще не состояться.

Важно различать специфику обмена социального, который отличается от экономического, хотя и последний включает черты первого. Понятие социального обмена относится, согласно Хомансу и Блау, к добровольным действиям, которые не жестко обусловлены ответными действиями акторов, получивших блага. Если ответных действий не происходит, контакты прекращаются или прерываются до наступления новой

ситуации и новой потребности контрагентов в обмене.

В экономическом обмене обязательства сторон реализуются четко: блага переходят из рук в руки на основе институционализации гражданских отношений. Однако неадекватность ответных действий присутствует и здесь. Среди пяти сил (или угроз) Майкла Портера, одного из теоретиков стратегического управления, названы рыночная власть поставщиков и рыночная власть покупателей⁵. Если к поставщикам, в чем-то изменивших свою позицию, фирма может попытаться применить санкции, опираясь на правовые нормы, то покупателя трудно заставить приобретать товар (исключая ситуации монополизма).

В сельской реальности также можно наблюдать немало проявлений неадекватности действий акторов предлагаемым им разного рода экономическим проектам.

В социологических публикациях отмечался факт отсутствия желания местного сельского сообщества отплатить агрохолдингу ожидаемой от них трудовой активностью. Например, в ответ на блага, осуществленные агрохолдингом, – распашку заросших кустарником пашен, постройку предприятия по переработке сырья (т. е. создание рабочих мест), местные жители обратились в прокуратуру с жалобой на то, что нарушены условия сбора дикоросов и ведения пчеловодства⁶. Такую позицию можно объяснить ничем иным, как представлениями местного сообщества о надежных и ненадежных резервах, позволяющих выжить, т. е. о стойкости, исходя из проверенных опытом реалий пореформенной жизни, приучивших семьи надеяться только на самих себя, поскольку иные формы организации совместного труда после ликвидации колхозов здесь не прижились. Внешний инвестор случайно пришел в среду обитания сельского сообщества и может уйти в любой момент, не считаясь с потребностями местных жителей.

Следует обратить внимание и на феномен баланса обмена. Актор, предоставляющий необходимое другим, делает их зависимыми от себя, они попадают в ситуацию добровольного подчинения, и это распространяется на большинство областей жизнедеятельности – от бытовой до политической.

Рассмотрим далее, какой характер имел обмен в сельских сообществах с позиции разной временной удаленности от сегодняшнего дня. В условиях общности, находящейся в традиционной общине, обмен опосредовался установлениями, созданными исторически сложившимися обычаями с ориентацией на свои нужды и на обязательства перед государством и помещиком. Их направленность: от общины – к семье, отдельному человеку. Кроме того, существовал обмен между соседями, родственниками, друзьями, который строго учитывал все правила дарения и отдаривания, т. е. отличался точным ба-

лансом (хотя отдаривание могло откладываться, а немедленный возврат дара, будь то гостевание или подарки, не вызывало одобрения).

В колхозную бытность, как и в настоящее время, хотя и сохранилось многое из данного традиционного обмена, но появилось много нового. Именно в колхозные десятилетия в жизни крестьянства укоренилось представление (хотя и не сразу), что из колхоза правомерно брать больше, чем отдавать от себя на общее благо, предпосылкой чему, особенно в сталинское время, явилось почти полное изъятие всей продукции, созданной трудом крестьян, в пользу государства. После ослабления рычагов дисциплинирования этот подход со стороны колхозников прочно вошел в их культуру, что некоторыми учеными было артикулировано как превращение колхоза в филиал семейного хозяйства. Хотя это утверждение и является явным преувеличением, так как государственные органы правопорядка, да и руководители хозяйств наказывали за неправомерное перемещение колхозных благ в ЛПХ. Однако существовали вполне легитимные практики: либо на основе контракта («выписать», т. е. получить продукт с последующим вычетом его стоимости из зарплаты), либо купить по льготной цене. Личные отношения, безусловно, активно вторгались в экономический обмен. Они строились на кровно-родственных обязательствах (руководитель по традиции отдавал предпочтение родственникам), на распределении индивидов по социальной значимости в соответствии с различиями их позиций и статусов.

Последнее рубежное состояние стойкости сельских сообществ связано с аграрной реформой, начатой в начале 1990-х гг. После жестких (в сталинское время), затем мягких форм дисциплинирования (брежневский период) к выполнению строго заданного каждому трудоспособному объема работы, по модели аграрной реформы 90-х гг. XX в. вопрос занятости перешел на уровень личного выбора «не хочешь работать – не работай». Этим воспользовались немногие, кто и раньше паразитировал в колхозных реалиях. Подавляющей массе семей нужно было искать источники выживания. Тогда же зародились повсеместно модели стойкости в условиях обрушения опривыченных связей и отношений. Хотя государство декларировало несколько новых форм хозяйственных укладов, но доступ к ним оказался ограниченным по несоответствию ресурсов семей условиям вхождения в новую экономику. Этот фактор оценен некоторыми аналитиками как «нежелание работать». Среди тех, кто не вошел в хозяйственные уклады, сформировавшиеся в местах жизни, доля таких «пассивных» индивидов с 2000 по 2008 г. составляла от 26,5 до 33,4%. Эти люди сосредоточились на проверенном опыте поколений таком поле выживания, как семейное хозяйство, не переходя в официальные фермеры. В чем причина? По данным мони-

торинга 2009 г., оказалось: нет достаточного капитала, а льготный кредит не получить – 40,7%; боюсь рисковать, можно «прогореть» – 30,9%; «годы уже не те, а помощников в семье нет» – 14,6%⁷. Суммарно 86,2% опрошенных жителей, потенциальных фермеров вовсе не от лени, а от точной оценки рисков не пожелали связывать себя с фермерством. Ведь за годы, предшествующие данному опросу, разорилась не одна тысяча фермеров, и это укрепляло сознание, что с позиции сохранения устойчивого положения семьи фермерство ненадежно. Низкий уровень распространения фермерства на сегодняшний день (на одно сельское поселение и только крупное или среднее приходится по 2–3 фермерских хозяйства) можно интерпретировать как факт недоступности данного уклада для узкого круга лиц, разными способами получивших ресурсы для вхождения в него на ранних этапах аграрной реформы⁸. Поэтому сельские жители и в обозримой перспективе кризиса сохраняют ориентацию на традиционную крестьянскую модель «опоры на собственные ресурсы», использование доступных, не слишком отягощенных рисками, мест приложения своего человеческого капитала, чаще всего – физического, реже – интеллектуально-образовательного. Крупные хозяйства новых укладов не обеспечивают персонал стабильной зарплатой («Зимой работы почти нет, дай бог тысячу рублей поднимут» (старейший механизатор, отмеченный в 2015 г. орденом Почета)). Отсюда расширение ЛПХ семьями, в которых имеются трудоспособные члены, распространение неаграрного отходничества и таких редких видов индивидуализированной деятельности, как пчеловодство, народные промыслы и ремесла.

Квалифицированные механизаторы широкого профиля нашли источники выживания через вахтовую занятость в энергодобывающих организациях Севера, на предприятиях областных городов, неквалифицированные – в качестве охранников, работников коммунального хозяйства. Стойкость, присущая человеку, живущему с детства в некомфортных условиях села, помогает этой категории селян преодолевать трудности маятниковой миграции, вынужденный отрыв от семьи на длительное время, неустроенный быт. Однако снижение доли людей молодых возрастов в составе сельского населения постепенно приведет к ослаблению практики неаграрного неотоходничества. Сельская молодежь, обучающаяся в вузах и колледжах, независимо от полученной специальности, сосредоточивается в основном в сфере торговли областных городов и, как многие категории селян, вынуждена кочевать между родным селом и городом, стойко перенося трудности мобильности. Все эти практики выживания стали устойчивыми формами проявления стойкости групп, находящихся в активном трудовом возрасте.

Индивиды предпенсионного возраста и люди, не склонные «в поте лица добывать хлеб», выживают за счет пенсий родственников, небольшого участка обрабатываемой земли в семейном хозяйстве. Их стойкость реализуется в ограничении потребления продуктов питания, переходе на печное отопление (поскольку за хроническую неуплату их дома отключаются от снабжения газом).

Завершая описание картины сельской реальности, отметим, что все отмеченные черты ее, сочетая традиционные и новые характеристики, имеют длящийся характер. Это означает, что коридор возможностей для некоего прорыва из «травоядного состояния», по образному выражению Ф. Энгельса, который был предопределен всем строем тех социально-экономических отношений и институализацией аграрной сферы, в котором она находится и в настоящее время, остается узким. Если в среднестатистической области Поволжья усилиями властей всех уровней создается около 1000 рабочих мест в год (т. е. по 30 рабочих мест на муниципальный район), то это свидетельство статичности ситуации. Конечно, и в такой ситуации изменения происходят, но только небольшая их часть имеет восходящую, инновационную направленность. Сельский социум страны стареет, смертность превышает рождаемость.

Именно в данном состоянии сельский социум вступает в очередной кризис, который ощутимо переживает страна с 2015 г. Помимо утешительных прогнозов, в печати приводятся доводы о длительности наступающего смутного времени.

Так, ученый из ИМЭМО РАН Я. Миркин считает, что вытеснение России с европейского рынка энергоносителей – вопрос 3–5 лет. Переключение на страны Востока потребует времени. Другие исследователи уточняют ситуацию: даже если санкции против России будут отменены, то западные партнеры, взаимодействовавшие с отечественными предприятиями, к нам не скоро вернуться, так как войдут в другие ассоциации и деловые контакты. Поиск новых партнеров – непростая задача, т. е. жизнь городского и сельского населения в условиях длительного кризиса осложнится.

Наступающие трудности отразились уже и в общественном сознании. Интернет-опрос 1704 респондентов показал, что 33% их измеряет длительность кризиса несколькими годами, а 39% ответили: «Боюсь, кризис не закончится никогда».

В связи с возможностью затяжного кризиса и появлением новых сложностей в функционировании сельских сообществ и АПК и с учетом тех перемен, которые произошли в жизненном пространстве села, можно сформулировать несколько допущений относительной стойкости сельского населения.

1. Несмотря на ожидаемое появление новых тягот жизнеобеспечения (рост цен на продукты питания, удорожание коммунальных расходов и др.), это не станет большим шоком, чем переворот жизненных устоев, осуществленный в первые годы аграрной реформы.

2. Консервация тех способов выживания, которые традиционно присущи крестьянству, и опыта, полученного в годы пореформенного существования сельского населения, явится моделью стойкости и в очередных кризисных условиях. Сущностными элементами модели являются: закрепление представлений о полном отсутствии перспектив восходящей мобильности в сельском жизненном пространстве и снижение доступности лифтов мобильности за его пределами. Приспособительные схемы сельской семьи будут ориентированы на минимизацию неопределенности в минипространстве, усилятся недоверие к инновационным предложениям, предполагающим ситуации риска.

3. Неизбежны некоторое снижение мобильности, обусловленное увеличением расходов на бытовые услуги в местах обитания, консервация доходов на фоне роста цен. Эти же причины вызывают необходимость перераспределения нагрузок и социальной ответственности внутри семей и в целом в сельских сообществах. Пенсионеры, ныне живущие по модели «нуждающейся старости», будут отдавать еще большую долю своих пенсий на общие затраты членов семей и родственников. Увеличение удельного веса групп обездоленных поставит под вопрос институты «солидарности сострадания». Хотя чувство сострадания, являясь сущностной чертой жителей устойчивых сообществ, так или иначе будет проявляться, но при этом усилятся тенденции патернализма, ожидания от властных структур льготного обеспечения продуктами питания.

4. В образе жизни натуралистическая составляющая усилится, поскольку необходимость заботы о хлебе насущном оставит меньше места освоению ценностей духовных. Интеллектуальная атмосфера сельских сообществ будет находиться между двумя полюсами. Информационная компетентность семей не ослабеет и даже усилится через расширение сети электронных средств связи в домашней сфере⁹, но это извне направленная информация, не вызывающая обратной связи с ее создателями. На другом полюсе – живом общении с интеллектуалами сельской среды – никаких сдвигов не может произойти из-за автономности групп и индивидов, находящихся в составе производственных организаций и вне их.

5. Стойкость выпускников вузов и колледжей, как и до настоящего времени, проявится в том, чтобы не отвечать адекватным поведением на меры стимулирования государства по укреплению их в сельской среде. Хотя относительность лишений (относительная депривация) уси-

лится в связи с кризисом и в городе, но в селе она будет еще ощутимее. Одного миллиона рублей выпускнику медицинского вуза может быть и достаточно, чтобы построить жилье, но нужно принять и остальные атрибуты сельского образа жизни, например, завести скот и птицу на подворье, так как зарплата врачей, как и технологов сельского хозяйства, мала. Других источников, чтобы жить относительно благополучно, кроме ЛПХ, на селе нет, но молодые специалисты за годы учебы и жизни в городе опривычили другие стереотипы. Кроме того, данный образ жизни в целом больше подходит человеку физического труда, чем специалисту высшей квалификации.

Неизбежна также консервация устоявшихся отношений с официальными структурами: государственной и муниципальной властью, партиями, профсоюзами, НКО. К ним сельские жители крайне редко обращаются, поскольку, по словам респондентов, это бесполезная трата времени. Провальную оценку имеют местные органы власти, профсоюзные органы (согласие с тем, что они способны помочь, выразили лишь 8% опрошенных). Из поля рационального восприятия вычеркнуты политические партии – только 2,1% выразили мнение, что к ним можно обратиться за помощью¹⁰. Ответы респондентов еще раз подтверждают мысль, что в обозримой перспективе сельским сообществам не удастся преодолеть отчуждение от структур, институционально ответственных за развитие села, так как утрачены коллективные механизмы, неформальные и формальные, посредством которых ясно формулируется общее понимание ситуации и индивиды мобилизуются и вовлекаются в коллективные действия и процессы¹¹.

Заключая, нельзя не обратить внимания на то, что понятийно-терминологический комплекс: консервация, неизменность, устойчивость, присутствующий в тексте статьи при описании длящихся состояний сельского социума (которые с небольшой корректировкой перенесены нами и на условия кризиса), включает и созидательный смысл, как бы парадоксально это ни выглядело. Дело в том, что такие проявления традиционной культуры крестьянства, как самопомощь и самоадаптация, являются более надежными ресурсами с позиции будущего, чем сильная зависимость от внешних структур. Кроме того, при изменении ситуации многие из законсервированных элементов ресурсного потенциала способны включиться в реализацию и масштабных социальных целей.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-03-00033).

Примечания

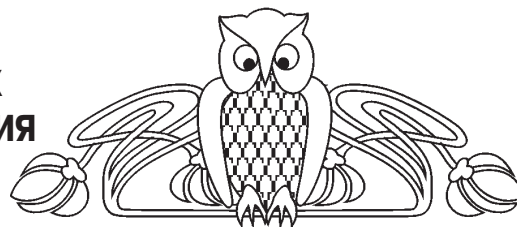
¹ См.: Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 286–287.

- ² См.: Ломоносов М. В. О сохранении и размножении русского народа. М.: Парад, 2011.
- ³ См.: *Homans G.* The Human Group. N.Y., 1950. P. XVIII.
- ⁴ См.: *Blau P.* Exchange and Power in Social Life. N.Y.: Wiley, 1986.
- ⁵ См.: *Портер М.* Воздействие конкуренции на стратегию фирмы // Минцберг Г., Куини Дж. Б., Гошал С. Стратегический процесс: концепции, проблемы и решения. СПб.: Питер, 2001. С. 88.
- ⁶ См.: *Великий П. П.* Российское село: процессы постсоветской трансформации. Саратов: Научная книга, 2012. С. 63.
- ⁷ См.: Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга 2009 г. (одиннадцатый выпуск). М., 2010. С. 72.
- ⁸ В Татарстане, где с 2012 г. реализуется при масштабной государственной помощи проект реанимации фермерства в форме семейных животноводческих ферм, не только широко оповещается население о доступности этого уклада, но договор с каждым получившим грант на открытие такой формы подписывает лично министр сельского хозяйства и продовольствия. К настоящему времени в Республике Татарстан фактически за три года создано и функционирует около 500 таких ферм.
- ⁹ См.: *Мореханова М. Ю.* Социальные аспекты распространения информационно-коммуникационных технологий в сельской местности // XVII Никоновские чтения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М.: ВИАПИ им. А. А. Никонова; Энциклопедия российских деревень, 2012. С. 173–175.
- ¹⁰ См.: *Тощенко Ж. Т.* Экономическое сознание и поведение: четверть века спустя (конец 1980 – начало 2010 г.) // Социс. 2014. № 7. С. 61.
- ¹¹ *McAdam D., McCarthy J. D., Mayer N. Z.* Introduction Comparative Perspectives on Social Movements Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999. P. 3, 5.

УДК 323.2; 304.4

СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА И ОБОСТРЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

А. П. Плешаков

Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: plaleks55@mail.ru

В статье рассматриваются процесс и специфика становления социального государства в Российской Федерации. Особое внимание уделяется анализу реализации социальных гарантий государства в условиях экономического кризиса и обострения геополитической ситуации.

Ключевые слова: социальное государство, правовое государство, гражданское общество, социальная политика, экономический кризис, геополитика.

Social Obligations of the Russian State in the Economic Crisis and Worsening Geopolitical Situation

A. P. Pleshakov

The article discusses the process and specificity of formation of the social state in the Russian Federation. Particular attention is paid to the analysis of the implementation of social guarantees of the state in the economic crisis and worsening geopolitical situation.

Key words: social state, legal state, civil society, social policy, economic crisis, geopolitics.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-15-18

В 1993 г. Российская Федерация на конституционном уровне провозгласила себя правовым и социальным государством, рассчитывая тем самым на мобилизацию социокультурного потенциала и активизацию человеческого фактора.

Хотя тогда было очевидным, что Российское государство еще не может взять на себя широкие социальные обязательства.

Уместно напомнить о различии условий формирования социального государства в ныне индустриально развитых странах Запада, с одной стороны, и тех условий, в которых начиналось становление социальной государственности в постсоветской России, – с другой.

Во-первых, вопрос о социальном государстве в странах Запада возник тогда, когда там была создана мощная экономическая база, которая позволяла, не ущемляя значительно интересы собственников, осуществлять перераспределение доходов. В России становление социальной государственности началось в экстремальных условиях резкого падения производства.

Во-вторых, вопрос о социальных функциях государства на Западе возникает, как известно, в условиях, когда на смену периоду агрессивного «первоначального накопления капитала» приходит рынок, действующий, в конечном счете, в рамках правового поля. В России же становление социальной государственности происходит в обстановке, когда страна еще не обрела опоры в праве, в реальных правах человека, в условиях правовой нестабильности и разрегулированности, а нередко – правового нигилизма.

В-третьих, процесс становления социальной государственности в западном мире осу-

ществляется в уже сформировавшемся зрелом гражданском обществе, создающем благоприятные условия для решения задач по гармонизации общественных отношений, предотвращению катаклизмов и резкого социального противоборства. В России же она оказалась лишённой своей опоры – зрелого гражданского общества, формирование которого непомерно затянулось¹.

У нас немало сказано о том, к каким негативным последствиям привело ослабление российской государственности в период президентства Б. Н. Ельцина, в результате которого произошло дальнейшее углубление и обострение кризиса в стране, возросло недоверие населения к власти, усилились факторы социальной дезорганизации, а обещанная конституционная модель возрождения России оказалась, по существу, блефом.

С приходом к власти нового руководства появились признаки оздоровления ситуации. Его ориентация на укрепление государства, законности, социальной справедливости дала людям надежду на улучшение жизни. Так, в конце 2005 г. правительство объявило о реализации четырех национальных проектов, которые должны совершить прорыв в медицине, образовании, строительстве доступного жилья и сельском хозяйстве. Предполагалось, что эти цели станут долгосрочными задачами Концепции развития Российской Федерации до 2020 г. (ее параметры, впрочем, постоянно корректировались).

Следует признать, что улучшение ситуации отмечалось по всем направлениям. За последние годы властью в сфере социальной политики было сделано немало: увеличилась средняя продолжительность жизни, почти в два раза сократилась смертность, выросла рождаемость, повышены пенсии, введены гарантии по банковским вкладам, открыт доступ к материнскому капиталу, вырос объем вводимого в строй жилья, во всех субъектах Российской Федерации для молодых семей были открыты ипотечные программы, национальный проект в сфере агропромышленного комплекса продемонстрировал серьезные возможности российского села, организованы общественные работы, наконец-то обратили внимание на моногорода.

Так состоялось ли в России социальное государство? Сказанное выше позволяет, на наш взгляд, сделать вывод, что сегодня можно говорить пока только о создании необходимых предпосылок для формирования первичных условий для становления социального государства в нашей стране, для гармонизации отношений между государством и обществом.

Следует отметить, что на реализации социальных программ негативно сказался глобальный финансово-экономический кризис, который первоначально возник в США, а затем охватил

почти все страны мира. Несмотря на то что мировой кризис серьезно усугубил социальные проблемы, Российское государство гарантировало выполнение всех взятых на себя обязательств. Принятая правительством масштабная программа антикризисных мер позволила к середине 2010 г. стабилизировать ситуацию.

Однако в 2013 г. в России, без западных санкций и холодной войны, наступил период экономической стагнации, которая была обусловлена копившимися десятилетиями структурными проблемами российской экономики, т. е. преимущественно внутренними причинами. Приходится констатировать, что прежняя модель экономического роста в России оказалась исчерпанной. К тому же ситуацию ухудшило негативное развитие экономики в ЕС, тогда как на него приходится 50% внешнеторгового оборота нашей страны. Кроме того, «Россия по-прежнему осталась “добывающей цивилизацией”, в структуре экономики которой преобладают добывающие отрасли над перерабатывающими»².

В конце 2014 г. экономическая обстановка в России резко ухудшилась. Виной тому обвальное падение цен на нефть, непосредственно отражающееся на жизни россиян, а также экономические санкции стран Запада. Обвал цен на нефть повлек падение рубля по отношению к мировым валютам, привел к росту цен на продукты и потребительские товары, создал угрозу дефолта государственного бюджета, доходы которого напрямую зависят от нефтегазового сектора. Таким образом, экономическая война с Западом обостряет российский кризис, но не является его причиной. По мнению экспертов, среди факторов, усугубляющих кризис, санкции занимают 3–4-е места после обвала цен на нефть и структурных проблем в экономике. Поэтому экономическое значение санкций вторично, а вот политическое – весьма существенно. Если представить, что украинского кризиса не случилось бы, то нашей стране все равно не удалось бы избежать замедления экономического роста, взлета инфляции и падения курса национальной валюты.

Ситуация осложняется тем, что пока не ясна возможная глубина и продолжительность кризиса. По мнению экспертов, в 2015 г. нас ожидает существенное снижение реальных зарплат и доходов, повышение ставок по кредитам. К тому же на гражданах может негативно отразиться коммерциализация целого ряда государственных услуг. Из-за кризиса вполне реальна угроза разорения значительной части малого и среднего бизнеса³.

Особую угрозу для развития общества сегодня представляет бедность. В последние годы ситуация с бедностью в России заметно улучшилась. По данным исследования, проведенного Финансовым университетом при Правительстве РФ, количество бедных в нашей стране за

последние 11 лет уменьшилось более чем втрое. Если в 2003 г. доля населения, относящего себя к бедным, составляла 37%, то в 2014 г. – 11%. Однако из-за экономических сложностей в декабре 2014 г. к малообеспеченным отнесли себя уже 54% жителей, проживающих в крупных городах. По данным заместителя председателя Правительства РФ О. Ю. Голодец, в России ныне насчитывается 15,7 млн бедных. В условиях роста инфляции и снижения покупательной способности зарплата их число неизбежно увеличится⁴.

Что в нынешней ситуации намерены делать власти для выполнения взятых на себя социальных обязательств? В январе 2015 г. Правительством РФ был опубликован антикризисный план, состоящий из 60 пунктов и предусматривающий сокращение бюджетных расходов на 10%. При этом социальные обязательства государства подлежат выполнению в полном объеме. Для реализации мероприятий по борьбе с кризисом предусмотрены следующие основные направления: поддержка малого и среднего бизнеса; содействие импортозамещению и экспорту несырьевых, в первую очередь высокотехнологичных товаров; возмещение дополнительных инфляционных издержек наиболее уязвимым категориям граждан, к которым, в частности, относятся семьи с несколькими детьми и пенсионеры; снижение напряженности на рынке труда; повышение устойчивости банковской системы и оптимизация бюджетных расходов; создание условий для финансирования ведущих секторов экономики, в том числе и государственного оборонного заказа⁵.

Несмотря на сложное экономическое положение, в бюджете на 2015 г. и на период 2016–2017 гг. не предусмотрено сокращения социальных расходов. Аналогичным образом в свое время поступали и власти целого ряда европейских государств, столкнувшись с экономическими трудностями, которые сегодня переживает Россия. В бюджете предусматривается не только индексация на 5,5% социальных обязательств по поддержке семей с детьми, но даже увеличение бюджетных расходов по ряду позиций. Так, в 2015 г. расходы федерального бюджета на выплату материнского капитала составят 344,5 млрд рублей, а размер материнского капитала – 453 тыс. рублей. Кроме того, с 2015 г. начнутся выплаты материнского капитала в Республике Крым и г. Севастополе. Также предусмотрено существенное увеличение субсидий бюджетам тех субъектов РФ, в которых сложилась неблагоприятная демографическая ситуация. В 2015 г. на эти цели планируется выделить 29 млрд рублей, что на 10 млрд рублей больше, чем в 2014 г., а в 2016 г. – свыше 32 млрд рублей.

В 2015 г. почти вдвое, с 3,5 млрд до 6,8 млрд рублей, увеличены расходы на финансирование программы «Обеспечение жильем молодых семей», ставшей для регионов важным инстру-

ментом улучшения жилищных условий молодых семей. Кроме того, предусмотрено увеличение субсидий субъектам РФ для предоставления жилья детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей. В 2015–2017 гг. размер субсидий увеличится до 7 млрд рублей ежегодно, что на 700 млн рублей в год больше ранее предусмотренного⁶.

Итак, формирование социального государства в Российской Федерации в условиях кризиса предусматривает решение следующих основных задач: модернизация и технологическое обновление всей производственной сферы, сокращение бедности; создание новых рабочих мест, способствующее снижению напряженности на рынке труда; повышение пенсий; выполнение предусмотренных государством социальных гарантий в сфере здравоохранения, обеспечения жильем, в области ЖКХ.

Таким образом, становление социального государства невозможно без высокоразвитой, эффективной и социально ориентированной экономики. Однако сегодня этот процесс происходит на фоне осязаемого падения производства. Поэтому необходимо приложить немало усилий, чтобы переломить ситуацию в важнейших направлениях экономики. Приоритетными должны стать высокотехнологичные отрасли: информационные и ядерные технологии, электроника, машиностроение и т. д., которые в перспективе могли бы стать локомотивом для тех отраслей экономики, которые ориентированы на выпуск потребительских товаров. Реализация этих мер призвана способствовать преодолению уязвимости российской экономики, которая во многом зависит от конъюнктуры цен на энергоресурсы на мировом рынке. По мнению экспертов, в ближайшие годы из-за снижения цен на сырье и энергоносители российская экономика не сможет развиваться высокими темпами. Сегодня бюджет страны уже столкнулся с дефицитом, что чревато обострением социальных проблем: ростом безработицы, падением уровня жизни населения, замедлением развития социальной сферы.

Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что становление социального государства в России – процесс длительный, сложный и противоречивый. Глубокий экономический кризис и обострение геополитической ситуации, безусловно, осложняют, но никоим образом не дезавуируют этот процесс.

Примечания

1. См.: Плешаков А. П., Шабалин В. А. Предпосылки и особенности становления в России социального государства // Правовая культура. 2009. № 2 (7). С. 52–53.
2. Горбачев М. В. Цивилизационная методология в политической компартиvistике. Саратов, 2011. С. 136.

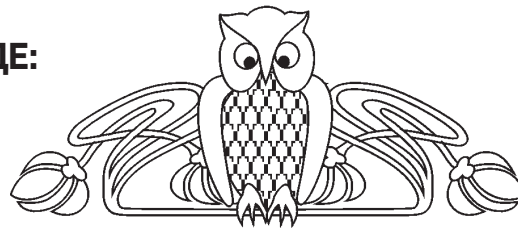
3. См.: *Товкайло М.* Россия назад : экономику ожидают три года рецессии. URL: <http://www.forbes.ru/sobytiya/ekonomika/276597-rossiya-nazad-ekonomiku-ozhidayut-tri-goda-retsessii> (дата обращения: 25.12.2014).
4. См.: Аналитики назвали самый бедный город России. URL: <http://nevs.mail.ru/economics/20775062/?frommail=1> (дата обращения: 05.02.2015).
5. См.: Правительство опубликовало план антикризисных мер на 2015 год. URL: <http://www.news.ru/com/finance/28jan2015/plananticrisis.html> (дата обращения: 05.02.2015).
6. См.: Ольга Баталина: В проекте бюджета, несмотря на тяжелые экономические условия, не было урезания социальных расходов. URL: <http://inform-24.com/3145-olga-batalina-v-proekte-byudzheta-nemotrya-na-tyazhelye-ekonomicheskie-usloviya-ne-bylo-urezaniya-socialnyh-rashodov.html> (дата обращения: 30.01.2015).

УДК 316.014

ГЕНЕЗИС РИСКОВ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

М. В. Калининкова

Саратовский государственный университет
E-mail: kalinnikova1@rambler.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования риска в повседневной жизни молодежи г. Саратова. Определены мотивы совершения риска и выявлены факторы, которые влияют на отношение респондентов к риску, к которым можно отнести возраст, род занятий респондентов, а также наличие желания рисковать и создавать искусственную ситуацию риска. Кроме того, выделено пять типов людей: «гиперазартные», «азартные», «рискованные», «умеренно рискованные» и «нерискованные», показаны особенности каждого типа респондентов, указаны их достоинства и недостатки.

Ключевые слова: риск, молодежь, повседневная жизнь.

Genesis of Risks in the Youth's Environment: Sociological Analysis

M. V. Kalinnikova

In this article represented results of empiric research of risk in everyday life of Saratov youths. It was identified motives of risk preparation and detected factors, which affect on the risk's attitude of respondents. It was such factors as respondent's age, occupation and desire to risk and create riskful situation. It was allocated five groups of people: «hyper venturesome», «venturesome», «risky», «moderately risky» and «not risky». We showed features of every type of respondents and indicated their advantages and disadvantages.

Key words: risk, youths, everyday life.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-18-22

Основная проблема, рассматриваемая в статье, касается генезиса риска и того, каково его место в повседневной жизни молодежи. Методологическим основанием для исследования является социокультурный подход к интерпретации риска, в котором можно выделить культурно-символический подход, развитый М. Дуглас, и теорию «общество риска», представленную в трудах У. Бека, Э. Гидденса, Н. Лумана, О. Яницкого, где риск есть одновременно биофизическая реальность и социальный конструкт¹. Риск также рассматривается в качестве одного из суще-

ственных свойств молодежи как социально-демографической группы и значимого фактора ее социального развития. Молодежная генерация играет значительную роль в экономических, политических и культурных аспектах жизни современного общества².

Риск в качестве социальной формы связан с действием, подразумевающим обладание относительно точной информацией как о наборе событий, так и об их вероятности. Деятельность, риск предполагают ситуацию неопределенности среды, но неопределенности, которую можно измерить. Жизнедеятельность современной молодежи осуществляется в социальных условиях, которые таят в себе различные угрозы и неопределенность. При этом снижается возможность прогнозирования не только отдаленного, но и ближайшего будущего, что привносит нестабильность в жизнедеятельность вступающих в общественные отношения молодых людей³.

Целью нашего эмпирического исследования⁴ было выявление отношения молодежи к риску и определение мотивов совершения риска в повседневной жизни. Повседневная деятельность неизбежна по причине необратимости изменений в мире. Повседневность – это «верховная реальность», человек в любой момент своей повседневной жизни находится в своей биографически детерминированной ситуации, т. е. в определяемом им физическом и социокультурном окружении, в котором он занимает определенное место и при этом совершает определенное действие или выбор⁵. Повседневная жизнь людей нередко подвергается риску. Особенно это касается молодежи, так как именно этой социальной группе присуще стремление к новому, неизведанному, а риск предоставляет шанс добиться успеха.

Для выявления отношения молодежи к риску важна степень участия молодых людей в

создании искусственной ситуации риска. Большинство респондентов не создают искусственную ситуацию риска (72,5%), в то время как 27,5% используют эту возможность. Скорее всего, это связано с тем, что не все респонденты любят риск и не видят для себя необходимости создавать искусственную ситуацию риска. Наличие желания рисковать было отмечено у 52% респондентов, у 48% такого желания не было.

В ходе исследования выяснилось, что молодые люди понимают под риском. Так, 30,5% ответили, что риск для них это «ситуация, которая приведет их к потере чего-то ценного», 18,5% называют риск «опасной ситуацией», 6,7% респондентов ответили, что рисковать – значит «ставить всё на кон», 2,6% назвали риск «благородным делом», риск считают «необдуманном быстрым поступком» 9,8% респондентов и 31,9% затруднились ответить на данный вопрос. По результатам опроса было выявлено, что большинство респондентов (76%) попадали в ситуацию риска, в то время как 24% никогда не находились в рискованной ситуации. Такое распределение процентов связано с тем, что жизнедеятельность молодежи осуществляется в социальных условиях, которые таят в себе различные угрозы и риск, поэтому большинство опрошенных попадали в ситуацию риска.

В исследовании была рассмотрена частота принятия решения рисковать. Данные свидетельствуют о том, что большая часть респондентов (29,5%) принимает решение рисковать в 50% случаев, в то время как 27% опрошенных рискуют только в 25% случаев; никогда не рискуют и держатся от риска подальше 17,5%. Это говорит о том, что присутствие риска в жизни молодежи проявляется не всегда, а лишь иногда. По 13% соответственно рискуют в большинстве случаев и постоянно. Такие результаты свидетельствуют о том, что для молодежи риск предоставляет шанс добиться успеха. Именно поэтому большинство молодежи рискует в 50% случаев.

Анализ действий, которые предпринимает молодой человек в ситуации риска, показал, что большинство опрошенных (34%) действуют интуитивно, когда рискуют. Треть респондентов (29,5%) ответили, что опираются исключительно на свой опыт. Пользуются имеющимися знаниями 19,5%. Респонденты, которые ведут себя инстинктивно в рискованной ситуации, составляют 7,5% и только 4,5% рассчитывают на помощь посторонних людей в рискованной ситуации. На данный вопрос затруднились ответить 5% респондентов. Такое распределение процентов можно объяснить тем, что люди, постоянно рискующие, имеют опыт и знания о риске, которые они применяют, попадая в ситуацию риска.

Анализ причин, по которым молодежь любит риск, показал, что в основном молодые люди рискуют для каких-либо изменений в своей жизни, так ответили 17,5% респондентов. Рискуют

ради получения удовольствия 16% респондентов, ради выплеска адреналина и получения острых ощущений 10,5%. Респонденты, которые рискуют, чтобы самоутвердиться, составляют 11,7%, чтобы познать что-либо новое – 14,8%, для демонстрации своего характера – 8,3%, затруднились ответить на этот вопрос 29,5% респондентов. В зависимости от наличия желания у респондентов рисковать, меняется их отношение к риску. Любящие риск чаще принимают решение рисковать, так как они делают это из своего положительного отношения к риску, например, из-за возможности получения удовольствия, испытывая потребность в риске или желая самоутвердиться, рискуя.

Исследование, в каких сферах рискуют респонденты, выявило, что в основном это сфера образования – такой ответ дали 21,5% опрошенных, в сфере здоровья рискуют 16,5%, в профессиональной сфере – 15,5%, в сфере семейных отношений – 14,5%, в азартных играх – 12,5%. Только 2,5% ответили, что рискуют в предпринимательстве, и всего лишь 1,5% опрошенных рискуют на бирже. Затруднились ответить на данный вопрос 15,5%. Полученные данные говорят о том, что большинство респондентов учатся и еще не имеют своего дела или бизнеса, поэтому их риск проявляется в основном в той сфере, в которой они наиболее активны, а именно в сфере образования. В сфере здоровья проявление риска тоже достаточно часто, возможно, причина этого – молодой возраст респондентов, в котором они мало задумываются о здоровье.

Конечно, молодежь очень неоднородная группа, но результаты данного социологического опроса характеризуют вполне положительное отношение молодежи к риску в повседневной жизни. Для большинства респондентов он не что иное, как ситуация, приводящая к потере чего-то ценного. Попадая в ситуацию риска, большинство респондентов действуют, полагаясь на свою интуицию и опираясь на свой опыт, практически не рассчитывая на помощь посторонних. Риск становится неотъемлемой частью в повседневной жизни молодежи, причинами которого является стремление познавать новое и получать удовольствие, рискуя.

В ходе исследования было выделено пять типов рискованных людей: «гиперазартные», «азартные», «рискованные», «умеренно рискованные» и «нерискованные».

При изучении гендерной специфики формирования жизненных стратегий было выявлено, что «гиперазартными» являются мужчины в 61,5%, а женщины в 38,5% случаев. Среди «азартных» преобладают мужчины (56%, в то время как женщин 44%). В группе «рискованных» отмечается 55,2% мужчин и 44,8% женщин. Вероятно, это связано с тем, что мужчины по своей природе более смелые и поэтому идут на риск чаще, чем женщины. Женщины преобладают среди «уме-

ренно рискованного» типа, что составляет 53,7%, мужчин здесь 46,3%. Среди «нерискованного» типа респондентов также преобладают женщины – 54,3%, и только 45,7% составляют мужчины.

При изучении возрастной специфики частоты принятия решения рисковать было выявлено, что с увеличением возраста число «гиперазартных», «азартных» и «рискованных» становится выше, в то время как число «умеренно рискованных» и «нерискованных» снижается. Так, «рискованных» людей в возрастной категории от 15 до 19 лет представлено 20,3%, от 20 до 24 лет увеличивается до 42,6% и 29% рискованных респондентов наблюдаются в возрасте 25–29 лет. Таким образом, в 20–24 года респонденты склонны больше рисковать, так как именно в этом возрасте перед респондентами стоит выбор своего жизненного пути, для чего нередко необходимо идти на риск.

При этом уровень образования не влияет на частоту принятия решения рисковать (табл. 1). На «гиперазартный» тип респондентов приходится наибольший процент людей с высшим образованием – 31%, с основным общим и средне-специальным образованием – по 23%. Число «азартных» людей с увеличением уровня образования возрастает. Большинство «рискованных» имеют основное общее и высшее (специалитет) образование – по 27,6%. Число «умеренно рискованных» респондентов приходится на высшее (специалитет) образование – 29,6%. Респонденты «нерискованного» типа в большинстве имеют основное общее и высшее (специалитет) образование. Таким образом, отсутствует взаимосвязь между уровнем образования и частотой принятия решения рисковать.

Таблица 1

Влияние образования респондентов на частоту принятия решения рисковать, %

Тип респондентов	Образование						Итого
	Средняя школа (9 кл.)	Основное общее (11 кл.)	Средне-специальное	Высшее (бакалавриат)	Высшее (специалитет)	Высшее (магистратура)	
Гиперазартные	11,5	23,1	23,1	11,5	30,8	0,0	100,0
Азартные	3,7	14,8	14,8	25,9	33,3	7,4	100,0
Рискованные	1,7	27,6	20,7	15,5	27,6	6,9	100,0
Умеренно рискованные	9,3	24,1	22,2	11,1	29,6	3,7	100,0
Нерискованные	8,6	28,6	25,7	8,6	28,6	0,0	100,0

В аналитическую задачу исследования входило выявление зависимости между частотой принятия решения рисковать и родом занятий респондентов. Установлено, что среди работающих преобладает «рискованный» тип респондентов и по 20,3% «умеренно рискованные» и «азартные» соответственно. Наибольшее количество «умеренно рискованных» пришлось на учащихся респондентов (36,6%). «Гиперазартные», «умеренно рискованные» и «нерискованные» типы (все по 20%) отмечаются среди домохозяек. Почти половина «рискованных» приходится на временно неработающих и бизнесменов (по 44,4%). Военнослужащие составляют 100,0% рискованных респондентов. Таким образом, наибольшее количество «рискованных» оказалось среди бизнесменов, военнослужащих. Причиной этому является необходимость риска в их профессиональной деятельности, а преобладание типа «умеренно рискованных» среди учащихся объясняется возрастом.

Важной характеристикой респондентов является их увлечение азартными играми: ответивших, что не играют в азартные игры, оказалось большинство – 77%, и 23% опрошенных респондентов увлекаются азартными играми. Среди «гиперазартных» большинство оказалось не играющих в азартные игры (65,4%), в то время

как играющих 34,6%. Среди «азартных» 55,6% респондентов ответили, что не играют в азартные игры, но 44,4% играют. Не увлекаются азартными играми 70,7% среди «рискованных», а играют 29,3%. Среди «умеренно рискованного» типа респондентов оказалось 88,9% не любящих и не играющих в азартные игры, остальные 11,1% ответили положительно (табл. 2). Полученные результаты доказывают специфику каждого типа респондентов. «Умеренно рискованный» и «нерискованный» типы респондентов в большинстве случаев предпочитают не играть в азартные игры, так как человек, который не любит риск, вряд ли будет играть в азартные игры.

При этом количество денег, которые респонденты тратят на азартные игры в месяц, до 500 руб. оказалось среди 83,5%, 11% опрошенных тратят от 501 до 2500 руб. в месяц. В то время как 5% респондентов тратят на азартные игры от 2501 до 10 000 руб. и всего 0,5% от общего числа опрошенных ответили, что тратят на игру от 10 001 до 20 000 руб. Такие данные позволяют судить о том, что большинство молодых людей не рискуют в азартных играх, несмотря на то что любят риск.

Рассмотрим сферы, в которой рискует саратовская молодежь (табл. 3). «Гиперазартный» тип респондентов в большинстве случаев ри-

Таблица 2

Влияние увлечения азартными играми на частоту принятия решения рисковать, %

Увлечение азартными играми	Тип респондентов				
	Гиперазартные	Азартные	Рискованные	Умеренно рискованные	Нерискованные
Да	34,6	44,4	29,3	11,1	5,7
Нет	65,4	55,6	70,7	88,9	94,3
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 3

Влияние сферы деятельности, в которой респондент рискует, на частоту принятия решения рисковать, %

Сферы, в которых респондент рискует	Тип респондентов				
	Гиперазартные	Азартные	Рискованные	Умеренно рискованные	Нерискованные
Сфера образования	15,4	11,1	22,4	29,6	20
Сфера здоровья	7,7	11,1	15,5	18,5	25,7
Профессиональная сфера	19,2	22,2	22,4	9,3	5,7
Сфера семейных отношений	23,1	14,8	12,1	18,5	5,7
Азартные игры	19,2	25,9	20,7	1,9	0,0
Биржа	3,8	0,0	0,0	3,7	0,0
Предпринимательство	3,8	7,4	1,7	1,9	0,0
Затрудняюсь ответить	7,7	7,4	5,2	16,7	42,9
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

скует в сфере семейных отношений (23,1%), в профессиональной сфере (19,2%) и в азартных играх (19,2%), в предпринимательстве и на бирже рискуют по 3,8% респондентов. Среди «азартных» рискуют в играх 25,9%, в профессиональной сфере – 22,2%. Среди «азартного» типа нет никого, кто бы рисковал на бирже. В «рискованном» типе рискуют в сфере образования и профессиональной сфере по 22,4% опрошенных, тех, кто рискуют на бирже, не обнаружилось. Большинство рискующих в сфере образования оказались среди «умеренно рискованного» типа, также среди них в 18,5% рискуют в сфере здоровья и семейных отношений соответственно, по 1,9% опрошенных ответили, что рискуют в предпринимательстве и в азартных играх. Респонденты «нерискованного» типа в 25,7% рискуют в сфере здоровья, большинство (42,9%) затруднились ответить на данный вопрос. Среди данного типа не оказалось тех, кто рискует в азартных играх, предпринимательстве и на бирже.

По данным, представленным в табл. 3, можно сделать вывод о том, что «гиперазартный» тип респондентов в большинстве рискует в сфере семейных отношений, в то время как «азартный» тип рискует в азартных играх, так как допускает присутствие азарта в своей жизни. Что касается «рискованного» типа, то в большинстве случаев это касается сферы образования и профессиональной сферы. Это объясняется тем, что представители данного типа чаще выбирают профессии, связанные с риском, нежели другие

типы респондентов, поэтому риск в их жизни проявляется в профессиональной сфере. Также интересно заметить, что «нерискованные» респонденты в большинстве своем затруднились с ответом. Причиной этого может быть их незнание риска и полное отсутствие его во всех сферах жизни.

Благодаря полученным данным можно охарактеризовать «портреты» всех типов респондентов. Большинство «гиперазартных» – это люди в возрасте 25–29 лет, с высшим (специалитет) уровнем образования, работающие в сфере бизнеса. Они не создают искусственной ситуации риска и тратят на азартные игры не более 500 руб. в месяц. Рискуют чаще всего в сфере семейных отношений. Подавляющей частью «азартных» также являются респонденты в возрасте 25–29 лет. Большинство из них создают искусственную ситуацию риска и играют в азартные игры. Что касается действий в ситуации риска, то «азартные» используют имеющиеся знания. «Рискованными» являются респонденты в возрасте 20–24 лет, с основным общим и высшим (специалитет) образованием. Большинство «рискованных» военнослужащие. Не увлекаются азартными играми и рискуют в основном в профессиональной сфере и сфере образования. Что касается «умеренно рискованного» типа, то здесь преобладают респонденты в возрасте 15–19 лет, учащиеся, которые не любят рисковать и предпочитают не играть в азартные игры. В ситуации риска респонденты данного типа рассчитывают на помощь посторонних людей. В «нерискован-

ном» типе преобладают респонденты в возрасте 15–19 лет, с основным общим образованием. Рискуют в основном в сфере здоровья и предпочитают не играть в азартные игры. В рискованной ситуации также рассчитывают на постороннюю помощь.

Результаты исследования показывают особенности каждого типа респондентов, указывают на их достоинства и недостатки, а также позволяют обозначить факторы, которые влияют на отношение респондентов к риску, к которым можно отнести возраст, род занятий респондентов, а также наличие желания рисковать и создавать искусственную ситуацию риска.

Таким образом, отношение саратовской молодежи к риску носит противоречивый характер. Связано это с тем, что молодежь – очень неоднородная группа, а угрозы и риск, проникающие в повседневную жизнь все большего числа молодых людей, слабо контролируются и редко преодолеваются. Полученные в ходе социологического исследования данные позволяют обосновать характер и отношение к риску у молодежи в современном обществе.

УДК 316.35

СОЦИОЛОГО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ «ФОРСАЙТ-АСПЕКТ» К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ КРЕАТИВНОСТИ В ПОДГОТОВКЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

И. В. Коваль, Е. В. Забуга, Э. В. Кармацкая, О. И. Коваль

Сибирский институт бизнеса, управления и психологии,
Красноярск
E-mail: info@sibup.ru

Одним из имманентных направлений социализации является формирование и использование креативности в подготовке вузовских специалистов для реализации социального заказа «Создание конкурентоспособных предприятий и формирование основ конкурентоспособности страны в целом». Обеспечение этого качества призваны осуществлять социальные институты образования и науки. Начальным звеном выступают социологические данные о востребованности креативности и наличии ее у обучающихся.

Ключевые слова: креативность, формирование, креативный потенциал и креативная грамотность, когнитивный потенциал и когнитивная грамотность, конкурентоспособность специалиста.

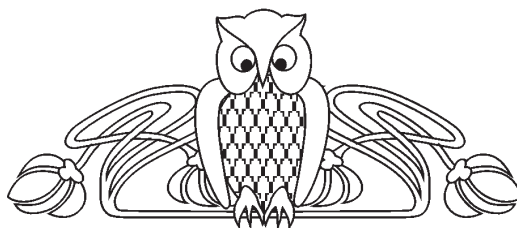
Sociology-research «Forsayt-aspect» to Use Creativity in Training of Competitive Experts

I. V. Koval, E. V. Zabuga, E. V. Karmatskaya, O. I. Koval

One of the immanent directions of socialization is formation and use of creativity in training of high school experts for implementation of the social order «Creation of the competitive enterprises and formation of bases of competitiveness of the country in general». Social institutes

Примечания

- 1 См.: Яницкий О. Н. Социология риска. М.: Изд-во LVS, 2003. С. 7.
- 2 См.: Сайганова Е. В. Трансформация роли молодежи в современном обществе // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 19–22.
- 3 См.: Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. 2-е изд. М.: Наука, 2003.
- 4 Исследование «Риск в повседневной жизни Саратовской молодежи» методом опроса было проведено Центром региональных социологических исследований Саратовского государственного университета при участии автора в 2015 г. Объем репрезентативной квотной-территориальной выборки составил 200 респондентов; возрастная структура: 15–19 лет – 37%, 20–24 лет – 34%, 25–29 лет – 29%; 52% – мужчины, 48% – женщины; 55% от общего числа опрошенных холосты или незамужем, 26% состоят в браке, 17% респондентов состоят в незарегистрированном браке и 2% находятся в разводе.
- 5 См.: Щюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом: пер. с нем. и англ. М.: РОССПЭН. 2004.

of science and education are urged to carry out ensuring this quality. As an initial link sociological data on a demand of creativity and existence it at trainees act.

Key words: creativity, formation, creative potential and creative literacy, cognitive potential and cognitive literacy, competitiveness of the expert.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-22-28

Проблема модернизации сфер жизнедеятельности общества неотделима от совершенствования деятельности социальных институтов образования и науки¹. Более того, их деятельность является одной из главных детерминант реализации этих идей. Кроме этого, нельзя не учитывать, что существует социальный заказ «Создание конкурентоспособных предприятий и формирование основ конкурентоспособности страны в целом». В этой связи можно утверждать, что модернизация и реализация социального заказа не только находятся во взаимосвязи, но и с позиций стратегии успешного вхождения России в мировое разделение труда модернизация выступает условием реализации социального заказа, а не наоборот.

Основная направленность исследований обусловлена поисками потенциальных возможностей организаций. Например, согласно социологическим данным, персонал любого предприятия подразделяется на две основные группы: мотивируемые преимущественно стремлением к успеху и мотивируемые преимущественно стремлением избегать неудач. Существуют культурологические обобщения, согласно которым «западный» персонал предприятия на 75% мотивируется стремлением к успеху и на 25% тем, чтобы избежать неудач, а «восточный», наоборот, на 25% – стремлением к успеху и на 75% – к исключению факторов неудачи. Наряду с этим приблизительно 85% российских предприятий проводят самооценку регулярно, но при этом мало кто обращает внимание на один из важнейших факторов качества деятельности работников. Регулярные исследования удовлетворенности работников (мотивации внутренних потребителей) проходят лишь в 40% предприятий. Вовлеченность работников признается высшим приоритетом всего лишь на 35% предприятий².

Проблематика исследований состояния подготовки конкурентоспособных специалистов существенно отличается от исследовательской практики поиска резервов на предприятиях. Представленная характеристика направленности исследований отражает их связь с социально-производственной сферой.

Общая направленность исследования сформулирована **основной гипотезой**: без использования изобретений и моделей, новых интеллектуальных продуктов – новых высоких гуманитарных управленческих технологий в механизмах вузовского социализационного процесса невозможна подготовка специалистов с потенциалом и грамотностью для создания и применения конкурентных преимуществ на предприятиях, в организациях, в социально-территориальных общностях и формирования основ конкурентоспособности страны в целом.

В предлагаемой статье ставится вопрос на другом уровне, исследователи исходят из того, что в настоящее время существует социальный заказ «Создание конкурентоспособных предприятий и формирование основ конкурентоспособности страны в целом», реализация которого невозможна без креативного и когнитивного потенциала в единстве с креативной и когнитивной грамотностью, которую можно формировать в вузовском социализационном процессе.

Объектом исследования является система управления вузовским социализационным процессом, формирование у студентов в единстве креативного и когнитивного потенциала с креативной и когнитивной грамотностью как условия их готовности создавать и управлять конкурентными преимуществами.

Предметом исследования выступили организационно-экономические отношения, воз-

никающие в результате использования изобретений и моделей, нового интеллектуального продукта – применение социолого-исследовательского «форсайт-аспекта» к использованию креативности в подготовке конкурентоспособных специалистов – конкурентного «форсайт-преимущества», которое позволяет определить необходимый уровень взаимосвязи личностных качеств с типологиями пространственных отношений формируемых специалистов, изменяет возможности и повышает качество идентификации в подготовке специалистов управленческого компонента корпоративной культуры, обеспечивает качество вузовских социализационных процессов.

Впервые в рамках проекта «Применение непосредственной производительной силы лично ориентированной социологической науки в подготовке специалистов со способностями создавать и применять конкурентные преимущества на предприятиях, организациях» проделано следующее:

- исследованы и проанализированы факторы, детерминирующие уровень потенциала и грамотности индивидуальной и групповой конкурентоспособности студентов в период обучения в высшем учебном заведении;

- осуществлено социологическое проектирование формирования потенциальных и актуальных способностей обучающихся управлять созданием конкурентных преимуществ и применять в практике.

Авторы четко выражают свою позицию, заявляя, что: невыполнение этого заказа не позволит России быть успешной в мировом разделении труда; для его (заказа) реализации нужны специалисты нового качества – с когнитивными и креативными способностями; без когнитивного и креативного потенциала, когнитивной и креативной грамотности у студентов не может быть сформировано социолого-управленческого, управленческо-изобретательского, управленческо-инновационного потенциала и социолого-управленческой, управленческо-изобретательской, управленческо-инновационной грамотности, основных детерминант конкурентоспособных специалистов.

Именно поэтому вузы должны создать когнитивную и креативную основу для подготовки конкурентоспособных специалистов, обеспечивая информацией об особенностях востребованной креативности как в социализационном процессе, так и на практике. Если преподавательский и студенческий фактор не имеют необходимого уровня информации о востребованности креативности, то они не смогут сами производить изобретения и использовать их, в первую очередь, в своей профессиональной деятельности, направленной на выпуск специалистов с изобретательским и инновационным потенциалом. В то же время руководство социализационным

процессом должно осознавать, что ни преподавательские специалисты, ни вуз в целом без социолого-управленческого, изобретательского и инновационного потенциала не могут выпускать конкурентоспособных специалистов.

Нельзя не отметить, что в той или иной мере, в том или ином аспекте осуществляются попытки и ведутся поиски способов подготовки в вузах конкурентоспособных выпускников. Например, И. А. Ридель и Е. Э. Лобанова заявляют о том, что конкурентоспособность выпускников – это «ведущий показатель функционирования вузов». В своей статье исследователи подчеркивают, что главным показателем конкурентоспособности деятельности вузов является соответствие их выпускников рыночным условиям³.

С экономической точки зрения это утверждение предстает обоснованным аргументом определения конкурентоспособности и вуза, и его выпускников. Авторы заявляют, что, по их данным, таким требованиям ныне отвечают «около 17% формируемых студентов вузов»⁴. Однако анализ используемой исследователями блок-схемы показывает, что в ней не представлены ни роль социолого-управленческого, ни роль изобретательского, ни инновационного потенциала как детерминант реализации социального заказа «Создание конкурентоспособных предприятий и формирование основ конкурентоспособности страны в целом»⁵. Отсюда вытекает, что, согласно представлениям И. А. Ридель и Е. Э. Лобановой, можно осуществлять подготовку конкурентоспособных специалистов креативного потенциала и креативной грамотности и без социолого-управленческого, изобретательского инновационного потенциала, и без социолого-управленческой, управленческо-изобретательской, управленческо-инновационной грамотности.

Другая группа исследователей проблематики обеспечения подготовки конкурентоспособных специалистов отмечает, что ныне сложилось противоречие между требованиями предприятий к профессионализму вузовских выпускников и существенным отставанием в их подготовке. Согласно этому заключению можно сделать вывод о том, что, во-первых, это противоречие присуще всем функционирующим организациям социальных институтов образования и науки; во-вторых, оно является постоянно действующим; в-третьих, на преодоление данного противоречия должна быть направлена деятельность всех организаций социальных институтов, а также специалистов их подсистем.

С этой точки зрения представляет интерес позиция Т. В. Живокоренцевой, которая полагает, что у действующих институтов существует разрыв общего образовательного и профессионального обучения, который выступает одной из причин снижения эффективности их деятельности. Исследователь заявляет, что существует

необходимость интеграции образовательного и профессионального пространства в вузе, которая обусловлена формированием профессиональных и личностных качеств будущего специалиста. Автор полагает, что приоритет должен быть отдан образовательному пространству как ведущему на данном этапе профессионального становления личности.

По мнению Т. В. Живокоренцевой, преодоление противоречия в вузе между общим образовательным и профессиональным компонентами предполагает обеспечение единства сущностных позиций трактовки понятия «интеграция» в различных областях знаний:

– «интеграция как явление имеет двуединую природу и предстает, с одной стороны, как процесс, а с другой стороны – как его результат;

– интеграция как состояние целостности имеет такие качественные характеристики, как взаимосвязанность, взаимодействие и взаимопроникновение, взаимозависимость, взаимодействие и взаимопереплетение;

– интеграция как процесс – это слияние в единое целое ранее дифференцированных элементов, приводящее к новым качественным и потенциальным возможностям этой целостности, а также изменениям свойств самих элементов;

– интеграция выступает в качестве функционального условия существования и равновесия системы, а также механизма ее развития»⁶.

Иркутские исследователи преодоления сложившихся противоречий и подготовки востребованных практикой и выпускаемых специалистов Т. А. Жданко и О. Ф. Чупрова в своих работах представляют, исходя из целевой установки формирования специалиста как целостной личности, специфическую модель образовательно-профессионального пространства вуза. По их мнению, эта модель позволяет не только преодолеть сложившееся противоречие в деятельности вузов, но и проектировать образовательно-профессиональное пространство вуза по формированию конкурентоспособности личности студента.

Исследователи-проектанты модели образовательно-профессионального пространства вуза заявляют о том, что они под конкурентоспособностью личности студента понимают «совокупность интегрированных устойчивых качеств, таких как рациональная познавательная активность, целеустремленность, трудолюбие, креативность, критичность, рискованность, стрессоустойчивость, лидерство, обуславливающих возможность успешного выполнения деятельности»⁷.

Согласно утверждениям К. А. Подколзина, оптимально управление образовательной деятельностью в вузе включает такие стандартные процессы, как ее планирование, проектирование и обеспечение, анализ и оценка результатов образовательной деятельности, контроль качества подготовки студентов, определение задач по ее

улучшению с учетом пожеланий работодателей и указаний учредителя. Автор полагает, что при определении качества подготовки молодых специалистов как наиболее важного показателя работы образовательного учреждения необходимо использование оценок по четырем группам дисциплин: гуманитарным и социально-экономическим; естественнонаучным и математическим; общепрофессиональным; специальным⁸.

Анализ значительного круга исследований по проблематике подготовки качественных вузовских выпускников показывает, что все или большинство из них обходят своим вниманием формирование креативного потенциала и креативной грамотности у обучающихся.

Одновременно с этим аспектом за пределами их внимания следующие вопросы: как, каким способом, с использованием каких предметов, каких механизмов возможна подготовка конкурентоспособных специалистов? Оказывается нерешенным вопрос, какие показатели и критерии могут свидетельствовать о том, что выпускник является конкурентоспособным, а также то, что без них нет и быть не может «конкурентоспособности» как основного показателя качества формируемого специалиста.

Нам представляется, что создание конкурентоспособных предприятий и формирование основ конкурентоспособности страны в целом – это проблема метафактора (управленческого фактора). Следовательно, во-первых, креа-

тивный потенциал и креативная грамотность, когнитивный потенциал и когнитивная грамотность должны быть существенными компонентами деятельности преподавательского фактора; во-вторых, преподавательский фактор для их формирования должен имманентно применять специальные, изобретательского уровня технологии; в-третьих, только наличие у обучающихся креативного потенциала и креативной грамотности, когнитивного потенциала и когнитивной грамотности обуславливает возможности формирования в единстве социолого-управленческого, управленческо-изобретательского и управленческо-инновационного потенциала и социолого-управленческой, управленческо-изобретательской и управленческо-инновационной грамотности.

С этой точки зрения особый интерес представляют социологические данные о студентах Института физической культуры, спорта и туризма Сибирского федерального университета (ИФКСиТ СФУ). В последние годы нами предпринята попытка социализации студентов на основе формирования у них социолого-управленческого потенциала, востребованного реализацией социального заказа.

Для информационного обеспечения этого процесса используются данные социологических исследований о готовности студентов применять креативность в управлении социальными процессами в обществе (табл. 1).

Таблица 1

Социологические данные о креативно-управленческом потенциале студентов ИФКСиТ

Наименование объекта, предмета	Поток 2-го курса, в % юноши/девушки	Поток 4-го курса, в % юноши/девушки
Совершенствование своей учебной деятельности	76,9/60,0	66,6/100,0
Улучшение социально-психологической среды своего взаимодействия	61,5/80,0	77,7/83,3
Управление в целом государством, обществом	38,5/20,0	44,4/-
Управление Красноярским краем	46,2/20,0	66,7/16,7
Управление городом	69,2/60,0	66,7/16,7
Управление институтом (факультетом)	53,8/60,0	33,3/50,0
Управление СФУ	38,5/60,0	55,5/50,0
Интегральные значения	153,22/156,84	159,70/149,99
Различия в интегральных данных	2,37 в пользу девушек	6,47 в пользу юношей
Различия в интегральных данных юношей 4-го и 2-го курсов	4,2 в пользу юношей 4 курса	
Различия в интегральных значениях 2-го и 4-го курсов, экономический факультет/факультет психологии	4,57 в пользу девушек 2-го курса	

Социологические данные свидетельствуют о наличии особенностей в креативности респондентов, обусловленных как их профессиональной ориентацией, так и гендерной принадлежностью.

Согласно интегральным данным, различия в управленческой креативности на 2-м курсе спортивно-физкультурного факультета первое

место занимает «улучшение положения коллег и близких» (отметили 80,0% девушек), у 76,9% юношей на первом месте «совершенствование своей учебной деятельности». Как видно, имеется различие не только в аспектах, но и в оценке приоритетов применения креативности. На втором месте у юношей (69,2% ответов) находится возможность совершенствования управления го-

родом, а у девушек на втором, третьем, четвертом, пятом местах – совершенствование своей учебной деятельности, управление городом, институтом и СФУ (по 60,0% ответов по каждому аспекту).

Согласно социологическим данным, 100,0% девушек 4-го курса готовы к использованию своей креативности в совершенствовании своей учебной деятельности. На втором месте находится их готовность к улучшению положения коллег и своих близких (83,3% ответов); 50,0% готовы к использованию своей креативности в управлении факультетом и СФУ.

Ситуация в реализации креативности у юношей 4-го курса несколько отличается от группы девушек. Например, 77,7% юношей готовы использовать свою креативность в улучшении социально-психологической среды своего взаимодействия с коллегами и близкими (первое

место), но по этому аспекту они отстают от девушек на 7,2%; 66,7% акцентированы на использовании креативности в совершенствовании своей учебной деятельности, Красноярским краем и городом (второе, третье, четвертое места). Меньше всего они готовы к изменениям в управлении факультетом (33,3%), обществом (44,4%) и СФУ (55,0% ответов).

Следует отметить, что респонденты-девушки 2-го курса по уровню управленческой креативности превосходят не только юношей на 2,4%, но и студенток 4-го курса на 4,6%.

Эти данные свидетельствуют о том, что управленческая креативность как юношей, так и девушек за время обучения в вузе остается высокой, но мало изменяющейся в целом.

Представляют интерес данные об изменениях в акцентах использования креативного потенциала у студентов (табл. 2).

Таблица 2

Социологические данные об уровне и направленности управленческой креативности студентов ИФКСиТ на обеспечение конкурентоспособности

Наименование объекта, предмета	Поток 2-го курса, в % юноши/девушки	Поток 4-го курса, в % юноши/девушки
Совершенствование своей учебной деятельности	76,9/60,0	66,6/100,0
Управление институтом (факультетом)	53,8/60,0	33,3/50,0
Интегральные значения	93,85/84,85	74,46/111,80
Различия в интегральных данных	10,61 в пользу юношей	50,15 в пользу девушек
Различия в интегральных значениях по курсам у юношей экономического факультета/факультета психологии	26,04 в пользу юношей 2-го курса	
Различия в интегральных значениях по курсам у девушек, факультет психологии/экономический факультет	31,76 в пользу девушек 4-го курса	

Социологические данные показывают, что респонденты как 2-го, так и 4-го курсов в значительной мере готовы к использованию креативности в управлении совершенствованием своей учебной деятельности и факультетом, т. е. в изменении условий обеспечения своей конкурентоспособности. Направленность креативности у юношей на повышение эффективности своей учебной деятельности на 26,5% выше, чем у девушек. В то же время показатели девушек выше в ориентации на использование своей креативности в совершенствовании деятельности факультета на 9,0%.

На 4-м курсе 100,0% девушек акцентируют креативность на совершенствование своей учебной деятельности, что на 50,0% выше, чем у юношей. Такое же соотношение в направленности потенциала креативности на повышение эффективности функционирования факультета.

Исходя из концептуальных положений о необходимости формирования конкурентоспособных специалистов, имеет особое значение использование управленческой креативности у респондентов для решения проблемы повышения эффективности как личного использования потенциала, так и в целом ИФКСиТ.

Отсюда вытекает особое значение социологических данных об интегральных значениях направленности креативности на повышение эффективности подготовки конкурентоспособных специалистов спортивно-физкультурного профиля.

Согласно данным таблиц, интегральные значения по группам юношей и девушек об управленческой креативности, направленной на обеспечение их конкурентоспособности, различаются на 10,61% в пользу юношей 2-го курса.

На 4-м курсе показатели девушек на 50,2% выше, чем у юношей. Интегральные значения у юношей 2-го курса на 26,0% выше, чем у юношей 4-го курса, а интегральные значения выше на 31,8%, чем у девушек 4-го курса. Отсюда вытекает вывод, что процесс роста направленности креативности девушек на повышение эффективности учебного процесса существенно опережает стремления юношей.

Таким образом, девушки 4-го курса в большей мере осознают потребность, а следовательно, предвидят и возможность позитивных изменений в учебном процессе и их роль в формировании конкурентных деловых и личностных качеств.

Согласно социологическим данным, у девушек потребность в позитивных изменениях опережает идентичную потребность у юношей. Таким образом, девушки в большей мере осознают необходимость обеспечения своей конкурентоспособности, чем юноши, а потому можно утверждать, что их управленческая креативность в большей мере в настоящее время направлена на решение этой задачи.

Так как авторы исследуют управленческую креативность в трех уровнях и в двух основных

аспектах, то представляет интерес характеристика управленческой креативности студентов, направленной на совершенствование своей среды жизнедеятельности и социальных институтов (табл. 3).

Исходя из данных табл. 3, различия в интегральных значениях управленческой креативности юношей и девушек имеют разнонаправленные тенденции: одна – к росту, составляя около 9,43% в пользу юношей 4-го курса, и другая – к снижению креативности на 39,94% в пользу девушек 2-го курса.

Таблица 3

Социологические данные о направленности управленческой креативности студентов на совершенствование среды своей жизнедеятельности и социальных институтов

Наименование объекта, предмета	Поток 2-го курса, в % юноши/девушки	Поток 4-го курса, в % юноши/девушки
Улучшение социально-психологической среды своего взаимодействия	61,5/80,0	77,7/83,3
Управление в целом государством, обществом	38,5/20,0	44,4/–
Управление Красноярским краем	46,2/20,0	66,7/16,7
Управление городом	69,2/60,0	66,7/16,7
Управление институтом (факультетом)	38,5/60,0	55,5/50,0
Интегральные значения	129,11/131,91	141,28/99,98
Различия в интегральных данных	2,17 в пользу девушек	41,31 в пользу юношей
Различия в интегральных значениях по курсам юношей экономического факультета/факультета психологии	9,43 в пользу юношей 4-го курса	
Различия в интегральных значениях по курсам девушек, факультет психологии/экономический факультет	39,94 в пользу девушек 2-го курса	

Несомненно, юноши в большей мере осознают потребность в изменениях среды своей жизнедеятельности, чем девушки.

Очевидно, что управленческая креативность юношей и девушек в разной мере ориентирована на изменения среды обитания и деятельности социальных институтов.

Социологические данные в значительной мере характеризуют когнитивный и креативный потенциал студентов, их предрасположенность к управленческой деятельности. В то же время показатели и критерии когнитивного и креативного потенциала и предрасположенность к управленческой деятельности выступают детерминантами формирования конкурентоспособности у студентов, а направленность социализационного процесса неотделима от их совершенствования.

Согласно социологическим данным, вполне достижимо в вузе, во-первых, обеспечение единства креативного потенциала и креативной грамотности, когнитивного потенциала и когнитивной грамотности; во-вторых, наличие у обучающихся креативного потенциала и креативной грамотности, когнитивного потенциала и когнитивной грамотности обуславливает возможности формирования в единстве социолого-управленческого, управленческо-изобретательского и управленческо-инновационного потенциала и социолого-управленческой, управленческо-изобретательской и управленческо-инновационной

грамотности, а следовательно, в значительной мере способно решать проблему подготовки конкурентоспособных специалистов в вузе.

Использование разработанных способов и технологий формирования креативного потенциала и креативной грамотности, когнитивного потенциала и когнитивной грамотности как ключевых факторов формирования в единстве социолого-управленческого, управленческо-изобретательского и управленческо-инновационного потенциала и социолого-управленческой, управленческо-изобретательской и управленческо-инновационной грамотности позволяет применять научно-исследовательский, модельно-проектировочный, методико-диагностический комплексы, строить учебный процесс как научно-исследовательский, решать проблему подготовки в вузе конкурентоспособных специалистов⁹.

Примечания

- ¹ См.: Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию от 4 декабря 2014 г. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171774/ (дата обращения : 25.01.2015).
- ² См.: Глазов М. М., Фирова И. П., Истомина О. Н. Управление персоналом : анализ и диагностика персонал-менеджмента : учебник / под ред. М. М. Глазова. СПб. : Андреевский издательский дом, 2007. С. 184–191, 196–241.

- ³ См.: Ридель И. А., Лобанова Е. Э. Конкурентоспособность выпускников – ведущий показатель успешности функционирования вузов // Экономика и управление в современных условиях : материалы Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. / сост. Т. А. Кравченко ; НОУ Сибирский институт бизнеса, управления и психологии. Красноярск : СИБУП, 2009. Ч. II. С. 284.
- ⁴ Там же. С. 286.
- ⁵ Там же. С. 287.
- ⁶ См.: Жданко Т. А., Чупрова О. Ф. Проектирование образовательно-профессионального пространства вуза как педагогическое условие формирования конкурентоспособности личности студента // Концепт. 2013. № 10 (октябрь). С. 38. URL : <http://e-koncept.ru/2013/13200.htm> (дата обращения: 28.01.2015).
- ⁷ Жданко Т. А. Формирование конкурентоспособности личности студента в образовательно-профессиональном пространстве вуза // Современные проблемы науки и образования. 2008. № 4. С. 69.
- ⁸ См.: Подколзин К. А. Управление образовательной деятельностью – важнейшее условие формирования компетентности и повышения конкурентоспособности выпускников // Труд и социальные отношения. 2012. № 2. С. 109–116.
- ⁹ См.: Коваль И. В., Забуга Е. В., Кармацкая Э. В., Коваль О. И. Сибирский институт бизнеса, управления, и психологии накануне 20-летия : опыт проблемы подготовки конкурентоспособных специалистов. Красноярск : СИБУП, 2014. С. 240–302 ; Коваль И. В. Применение непосредственной производительной силы лично ориентированной социологической науки на экономическом факультете СИБУПа для подготовки конкурентоспособных специалистов. Красноярск : СИБУП, 2015. С. 305–352.

УДК 316.346.32–053.9

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ДИЗАЙНА В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ СТАРОСТИ

М. Э. Елютина, О. А. Трофимова

Саратовский государственный университет
E-mail: elutina133@mail.ru, trofimova2006@mail.ru

В статье осуществляется анализ основных исследовательских маршрутов в современной социологии старости, расставляются акценты на наиболее значимых проблемах.

Ключевые слова: гетерогенность пожилого населения, субъективное восприятие старости, пожилая семья, инклюзивная среда для пожилых людей.

Engineering of Research Design in Modern Sociology of Elderly

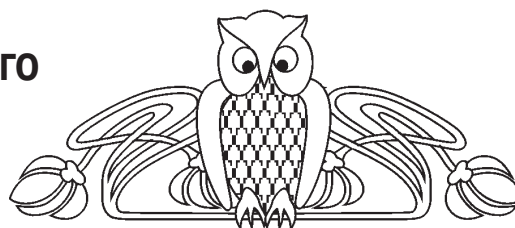
M. E. Elutina, O. A. Trofimova

The article analyzes a major research routes in modern sociology of old age and makes emphasis on the most important issues.

Key words: heterogeneity of the elderly population, subjective perception of old age, elderly family, inclusive environment for the elderly.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-28-33

Старение населения – объективный процесс, который создает новые возможности для общества, инициирует поиск социальных механизмов для реализации неиспользованного человеческого потенциала, создания эффективной социальной политики, служб помощи и поддержки пожилых людей, системы здравоохранения. Устойчивое снижение рождаемости вместе с увеличением продолжительности жизни в течение последней четверти XX в. привели к тому, что во многих странах число людей в возрасте 65 лет и старше превысило число детей, их доля

составляет от 25 до 35% от всего населения этих стран¹.

Следовательно, в связи с увеличением удельного веса лиц старших возрастов увеличивается их социальная значимость в обществе и степень влияния на общественные процессы. В течение долгого времени проблемы, связанные со старением населения, не осознавались в качестве социальных и культурных приоритетов развития российского общества. Имела место медиализация академического дискурса с репрезентацией образа пожилого человека как больного, требующего экспертного медицинского контроля и вмешательства. Пожилые люди выступали в роли гериатрического объекта. До сих пор можно говорить о противоречии между декларациями в политических программах, официальных документах и их практическим разрешением, которое ограничивается, главным образом, гарантированной минимальной пенсионной поддержкой людей позднего возраста. Перспектива стареющего общества требует обновления научного дискурса, переосмысления возможностей людей в разные возрастные периоды жизни, конструирования новых ракурсов разновозрастных взаимодействий, поиска направлений социальной интеграции пожилой когорты посредством институциональных механизмов. Когда мы говорим о социальном старении, речь идет не об эмпирически стареющем индивиде, а о нормах, ценностях, традициях, обычаях, от которых зависит то особое место, которое человек занимает в обществе. На данный момент можно кон-

статировать наличие специфического характера описания, обсуждения и структурирования материала в научном анализе старости как особой социальной проблемы.

В данной статье, не углубляясь в примеры или собиравание выводов, мы предпочли пройти по всему исследовательскому маршруту, расставляя акценты на наиболее значимых проблемах. Проблема старения в некотором смысле представляет собой совершенно новый социальный феномен, с которым человечество столкнулось лишь в XX в., особенно в его последние десятилетия. Выделим ряд перспективных, на наш взгляд, направлений.

1. *Изучение старшей возрастной группы* как элемента социальной структуры и структурных изменений внутри данной группы.

Ключевая проблема, обсуждаемая обычно в контексте изучения старшей возрастной группы как элемента социальной структуры, – увеличение нагрузки пенсионерами на работающее население. Проблемы пожилых нередко оцениваются экономическими, а не социальными категориями, в результате чего старость в официальном дискурсе подается как синоним бесконечных и бесперспективных финансовых затрат. Однако не менее важен и другой аспект этой проблематики – трансформация социально-структурных отношений общества под влиянием роста численности пожилых. Изменение демографического профиля сказывается на распределении доходов, направлении инвестиций, воздействует на структуру производственного сектора и сферу услуг. Важно проследить изменение статуса этой социальной группы на разных социальных полях, в том числе и те трансформации, которые связаны с реальностью оформления и последующего расширения реестра социальных услуг для пожилых людей с тем, чтобы удовлетворить их потребности в саморазвитии, отдыхе, креативности. Внимание ученых фокусируется на положении пожилых людей как объекте социальной политики, на анализе институтов и организаций социального обеспечения и социального обслуживания (В. Васильчиков, С. Марковкина, Г. Медведьева, М. Поляков, Е. Холостова, Н. Щукина, И. Яцемирская). Соответственно, возникает интерес к профессионализации специалистов, занятых в сфере социального обслуживания и поддержки людей старшего возраста (О. Краснова, В. Фокин, И. Фокин, Ю. Фролов, Н. Шайденко).

Исследования структурных изменений в старшей возрастной группе фиксируют разнообразие, гетерогенность пожилого населения, вариативность социальных и психологических факторов старения, разнообразие влияний культуры и окружающей среды, плюрализм стилей в позднем возрасте. В этом контексте выделяются следующие направления исследований.

1) Описание социально-демографических особенностей геронтологической группы. Ее ге-

терогенность рассматривается с позиции дифференциации по возрасту, полу, месту жительства, типу домохозяйства, состоянию здоровья (С. Балабанов, З. Саралиева, В. Доброхлеб, Н. Ковалева, Ю. Лежнена, О. Синявская). Изменения в системе общества – усиление влияния глобальных сетей и потоков, появление новых коммуникационных технологий, стратифицированность городских институтов потребления, устанавливающих негласную иерархию и социальные дистанции путем введения «фейс-контроля», электронного доступа, ценовой и корпоративной политики, – являются внешними объективными факторами, структурирующими геронтологическую группу.

2) Социально-демографические характеристики геронтологической группы анализируются и с точки зрения поколенческого подхода (Л. Беляева, Н. Шахматова, Н. Щукина). Выделяют поколение 1946–1965 гг., представители которого либо подходят к пенсионному рубежу, либо уже достигли его, либо укоренились в пенсионерском статусе. Ю. Зеликова характеризует данное поколение беби-бумеров как «поколение благосостояния», представители которого получали самые высокие доходы, поскольку могли пользоваться широкими социальными программами². На постсоветском пространстве они социализировались в советское время. Это поколение называют «поколение излома», представителям которого в полной мере пришлось примерить разнообразные поведенческие стратегии: сепарации, ассимиляции, интеграции и маргинализации. Стратегия интеграции справедливо считается наиболее продуктивной, но и наиболее сложной. Она требует времени, колоссального напряжения интеллекта, чуткости, художественного вкуса. У интегративистов этого поколения огромный нерастроченный потенциал, который может выступать как ресурс общественного развития и модернизации экономики. В социологии старости фиксируется тот факт, что сейчас мы имеем дело с новым типом представителей третьего возраста с высокой профессиональной и образовательной подготовкой, а также с более высокими показателями здоровья и трудоспособности, чем у предыдущих поколений данной возрастной группы. Эта группа рассматривается как значительный человеческий потенциал, который может быть использован в качестве фактора развития общества.

3) Выделение во внутренней структуре групп риска: сельские пенсионеры (П. Великий, Н. Гегедюш, И. Штейнберг), пожилые инвалиды (Э. Набирушкина), пожилые заключенные (О. Мельникова, Т. Темаев, А. Финаева). Данные группы характеризуются существенными отличиями в ресурсообеспеченности в плане сохранения и поддержания здоровья, эффективной занятости, проведения досуга, социальных сетей поддержки и помощи.

2. *Субъективное восприятие старости*: индивидуальное восприятие себя, фиксирующее, к какой возрастной группе человек себя относит, зависящее от личностных особенностей, от конструирования жизненных смыслов, а также от развития институтов, которые определяют границы возрастных когорт, правила поведения внутри них и способы перехода из одной когорты в другую. С. Лишаев справедливо выделяет два противоположных подхода, реализующиеся в определенных поведенческих реакциях: 1) старость признается, но не принимается и 2) старость признается и принимается³.

Рассмотрим первый вариант: старость признается, но не принимается. Это своеобразный протест против старости, который может быть как активным, так и пассивным. Человек может активно сопротивляться старости, «бороться» за молодость всеми доступными способами: тренировки, диеты, здоровый образ жизни, косметология и пластическая хирургия, следовать «молодежному стилю». Иначе говоря, человек делает все, чтобы не дать себе шанса быть поглощенным старостью. В случае пассивного неприятия старости человек может просто обидеться на «несправедливость» жизни. Перед нами образ «несчастной», а может быть, и «ворчливой», «злойной», «обидчивой» старости. Человек, обиженный на свою старость, чувствует себя несчастным независимо от того, есть ли у него семья, работает ли он, здоров он или болен, беден или богат⁴.

Второй вариант: старость признается и принимается. При этом человек должен совершить усилия с целью осмыслить свой возраст, право на самореализацию и творческое оформление мира, пределы своей свободы и начать жить по-другому, найти и мобилизовать внутренние ресурсы в самом старении, рассматривать его как особый, пусть и последний, этап жизни, без которого та потеряла бы смысл.

В связи с разными моделями субъективного восприятия старости возможны и различные поведенческие стратегии, определяющие индивидуальное членство пожилого человека в социальном порядке: принятие и выполнение предписываемых ему важных социальных ролей или отказ от них в пользу замещающих ролей, вне нормативного контроля. В связи с этим пожилые люди, которые хотят тишины, покоя, ограниченных социальных контактов, не могут идентифицироваться как некая маргинальная группа, а демонстрируют одну из возможных моделей нового определения баланса жизни и труда, коммуникации и напряженной деятельности, творчества и дисциплины.

3. *Реабилитация старости*. Речь идет о системе ценностей и мировоззренческих позициях старшего возраста в современном обществе. Долгое время преобладал медикалистский подход к старости, когда «старость» и «болезнь»

воспринимались как синонимы. Мы имеем дело с определенным смысловым горизонтом старости, который присутствует в коллективном сознании: в литературе, в искусстве, в ответах на вопросы социологов. На сегодняшний день можно констатировать наличие определенных смысловых интерпретаций старости: калькулируемая старость, одинокая, болезненная, нуждающаяся (Ж. Петрова, И. Трифонова, А. Колобова). Речь идет об освобождении от медицинской стигматизации (когда старший возраст ассоциируется лишь с упадком и недееспособностью), о формировании нового, позитивного имиджа старости в обществе. У современного общества есть только два пути развития отношения к пожилому возрасту: обеспечение «доживания» или интеграция представителей позднего возраста в социум. Путь, обозначенный как обеспечение «доживания», представляется тупиковым. В современных условиях старость становится едва ли не самым длительным периодом жизни человека и больше не укладывается в привычное понятие «закат жизни». Кроме того, сегодняшняя реальность обуславливает деление старости на два периода: «молодой старости» (от 55 до 75 лет), когда человек еще активен, полон сил и желаний работать, быть полезным обществу, и «старой старости», когда главной задачей человека становится самообслуживание. Естественно, возрастной рубеж перехода человека из одной категории в другую очень индивидуален. В социологии старости все чаще используется термин «нестарые старики». Фактически представители этой группы обладают высоким уровнем профессиональной подготовки, огромным жизненным и производственным опытом, активностью, однако их, согласно дате рождения, относят к лицам послетрудоспособного возраста, само название которого ставит крест на стремлении такого человека к интеграции в профессиональное пространство.

Важным представляется и отсутствие языковой вежливой формы обращения к представителям геронтологической группы. Как Румпельштильшхен появляется только при правильном к нему обращении, так и вежливое обращение уже содержит позитивную коннотацию образа пожилого человека. Вряд ли можно ожидать, что представление о геронтологическом этапе сместится в позитивную сторону, если в официальных документах пенсионный возраст называется «возрастом дожития».

В настоящее время существует необходимость в построении объяснительных междисциплинарных моделей освобождения старости от накопленных стереотипов, переходе к институциональному описанию старения и научному прогнозированию новых способов организации социальности в старших возрастных группах. Нужна новая презентация старости в публичном пространстве культуры. Настало время «ренессанса» старости, время оживления и переосмыс-

ления ореола мудрости и самооценности данного возрастного этапа, а это требует, по М. Бахтину, особой логики переименований, преобразований, перетеканий в неравное себе со-бытие. Этому способствуют исследования, позволяющие распознать различные смысловые оттенки жизни человека на данном этапе, механизмы творческого возвращения к себе через неистребимое желание реализовать себя все в новых и новых, еще не бывших, еще лишь могущих быть жизненных стратегиях и повседневных практиках.

Важными представляются исследования пролонгирования профессионально-трудовой деятельности, практик интеграции, раскрытия явных и латентных форм эйджизма, карьерной мобильности в позднем возрасте, отношений работодателей к представителям третьего возраста, возможностей организации семейного бизнеса, форм рекреации и досуговой деятельности (Т. Козлова, А. Смолькин, Е. Кулькова, Е. Чернышкова).

4. *Интегральный анализ особенностей повседневной жизни старшего поколения:* изучение уровня и качества жизни (особенно в контексте коммодификации и маркетизации жизненно важных для пожилого человека благ), социально-психологического самочувствия, социальной эксклюзии, состояния здоровья, взаимодействия с семьей и детьми, потребительского поведения, сексуальных отношений, отношений с окружающими вещами. Данное направление широко представлено в отечественной социологии старости (Д. Владимиров, И. Григорьева, М. Елютина, Н. Зубаревич, А. Козлов, Т. Козлова, О. Краснова, Г. Парахонская, Н. Римашевская). Один из новых векторов исследования – пожилые семьи (М. Елютина, С. Киреева, С. Климова). Отметим два важных момента. 1) Научные исследования обходят вниманием пожилые семьи. Детоцентризм привел к тому, что основная функция семьи – репродуктивная. Таким образом, исключается многофункциональность жизнедеятельности семьи, обесценивается социальное бытие пожилых семей. 2) На пожилые семьи переносятся механически стандарты и способы жизнедеятельности, свойственные молодым семьям. Таким образом, за скобки выносятся вопросы об автономии и своеобразии пожилых семей. Стало очевидным, что пожилые семьи занимают свою особую нишу. Семья пожилого человека характеризуется определенными особенностями, имеет свои очертания и контуры. Происходит формирование новых значимых смыслов: автономии, адаптационного синдрома, усиления статуса интимности. Как показывают результаты исследования⁵, возникают новые моменты и в супружеских отношениях, содержание которых может меняться как в позитивную, так и в негативную стороны. На одном полюсе концентрируются вслушивающиеся, понимающие, объединяющие свои усилия супруги, на другом

– углубляется водораздел между супругами, их внеаходимость в отношении семьи, вплоть до разрыва супружеских отношений, что конкретизируется следующими положениями.

1) Развод – это всегда событие, в водоворот которого вовлекается большое число людей (разных возрастов, профессий, состоящих в разной степени родства), вынужденных корректировать свои жизненные стратегии, менять жизненные траектории. Помимо общих, характерных для всех возрастных групп причин развода (алкоголизм, насилие, тяжелые заболевания), выделяются особенности, характерные для развода в третьем возрасте («бунт» против старения, когда человек решает «сесть в последний вагон», чтобы попытаться проехать жизнь по второму кругу; истаивание «стабилизаторов» внутрисемейных взаимодействий, «обезболивающее» действие которых долгое время просто не замечают).

2) Супружеские отношения сохраняются, но в повседневной жизни супруги попеременно выступают в роли мишени. В таких семьях столкновения обусловлены не столько антагонистическими реакциями на происходящие изменения, сколько инициируются самими супругами, постоянно «атакующими» друг друга.

3) При сохранении супружеских отношений супруги ведут автономный друг от друга образ жизни, эти отношения приобретают характер «вечной мерзлоты»: супруги не являются ни друзьями, ни врагами, ни близкими, ни чужими. На место взаимопонимания или враждебности приходит индифферентность.

4) Супружеские взаимоотношения эластичные, нет заметных колебаний симпатий и антипатий, действия супругов при столкновениях, носящих в основном локальный характер, направлены в сторону воссоздающего синтеза, укрепляющего жизненные основы; усиливается симбиотичность супругов, у супружеской парой пары наблюдается схожесть не только жизненных стратегий, но и привычек, повседневных практик; нередко супруги даже физически становятся похожими.

5) Супруги пребывают в зоне напряженного (и со-пряженного) сознания. По результатам исследования, выделяются и анализируются механизмы, поддерживающие это напряжение (со-зависимости, «атрибутивного искажения», переживания общих утрат, утепления супружеских отношений). Рассматриваются механизмы утепления супружеских отношений (или приватные скрепы): сюжетные конвенции, характеризующие ситуацию установления доминирующих смыслов и способов поведения; ритуалы повседневной жизни (приветствия, речевые стереотипы, обращения, предпочтения в пищевом поведении, ведение книг домашних расходов, подготовка к открытию и закрытию дачного сезона); юмор, самоирония; хобби, коллекциони-

рование, непритязательные домашние увлечения способствуют разрешению множества мелких проблем, вырывают из оправы обыденности; стратегии распаковки проблем, включающие определенные принципы последовательности обсуждения и предпочтительной структуры.

5. Новые дискурсивные направления исследований актуализируются на *пересечении двух современных демографических тенденций*: постарения населения и урбанизации. Они реализуются в проектах по исследованию городского пространства с целью создания условий, благоприятных для жизни пожилых людей. На данный момент в доминирующих схемах конструирования российских городских территорий слабо представлены интересы пожилых людей. Более того, происходит вытеснение малоресурсных социальных групп из институциональной структуры города. Выправить ситуацию может реализация концепции инклюзивного дизайна, в основу которой положена идея экологической и социальной справедливости. На преодоление равнодушия и враждебности современного города направлены различные проекты городского развития, предполагающие изучение всевозможных мобильностей пожилых людей, сложных взаимодействий между этими мобильностями и их социальные последствия.

В. Парамонова выделяет и анализирует определенные модели развития городской территории в контексте социальных геронтологических эффектов⁶. Каждая из них, по замечанию автора, имеет свои положительные и отрицательные характеристики, возможность их реализации обусловлена социокультурным контекстом. «Американская» модель ориентирована на создание отдельных городов для пожилых, в которых 55 лет – это нижняя возрастная граница для горожан. Несомненным положительным моментом этой модели является наличие развитой инфраструктуры города и приспособленность жилых помещений для данной возрастной группы, снятие структурных барьеров и ограничений для независимой жизни. Вторая модель предполагает создание инклюзивной среды для пожилых людей: комфортность проживания, доступность медицинского обслуживания, образования, организация мобильных социальных сред, обеспечение активного образа жизни, возможности использования современных способов коммуникаций, также сильной занятости в сфере производства. Положительный момент внедрения этой модели заключается в том, что не нарушаются привычная жизнь и социальные связи пожилых горожан, так как не требуется их переезда на новое место, что достаточно тяжело переносится в пожилом возрасте. При внедрении данной модели существенно улучшается социальный комфорт для города в целом, а не только для представителей геронтологической группы. Так, появление пешеходных переходов с низки-

ми бордюрами и отрегулированных светофоров под возможности темпа передвижения пожилых людей, доступность общественных туалетов автоматически облегчают жизнь и для иных социальных групп: беременных женщин, маленьких детей и инвалидов. К тому же эта модель, в отличие от «американской», способствует сокращению разрыва между поколениями.

6. Важное направление – *исследование того, как люди относятся к смерти*, как они интерпретируют смерть, что думают о смерти, как готовятся к смерти. Анализ отечественного социологического научного дискурса фиксирует отсутствие теоретических обобщений, малочисленность эмпирических исследований. Исследовательский интерес сосредоточен на молодежи, ее отношении к танатоситуации⁷, отсутствуют работы, фиксирующие геронтологические особенности отношения к смерти. В условиях постарения общества, когда звучит многоголосица представителей разных возрастов, межпоколенческие конфликты могут обостряться в результате того, что позиции не овнешняются (Ю. Хабермас) для открытой дискуссии. Апелляция к «внутреннему», к метафизическим переживаниям представителей геронтологической группы применительно к танатоситуации необходима для достижения баланса аксиологических ориентаций разных возрастных групп, конвертации смыслов, для создания их идентификационных портретов. Страх смерти присущ людям любого возраста (надо отметить, что страх смерти выполняет важные функции, оказывая влияние на стремление к сохранению собственной жизни и на уважение к жизни других). Однако, как показывают исследования, молодыми смерть не воспринимается всерьез, имеют место стремление вычестить из жизни смерть, нежелание задуматься над вопросами, связанными с танатоситуацией, упрятанное под маску «пофигизма». Зачастую смерть – не более чем способ обозначить абсолютное выражение того или иного чувства, сверхпревосходная степень оценки чего-либо. Легкость, с которой молодые люди оперируют понятием смерти, указывает на еще инфантильную, незрелую стадию человеческого развития. «Смерть» для молодого поколения – чаще всего абстрактная грамматическая категория, досадное стеснение, неизбывный фон, который нужно по возможности нейтрализовать. Молодые люди смысловое содержание смерти нередко заполняют заимствованными, облегченными представлениями, которые являют собой лишь воображаемое, иллюзорное, выраженное невсерьез. Но именно представители молодежи как приоритетного возраста в современной культуре выражают и основную ее содержательную матрицу относительно смерти, о которой говорил Ж. Бодрийяр: «Ни одна другая культура не знает подобной различительной оппозиции жизни и смерти, где жизнь выступала бы как положительный член:

жизнь как накопление, смерть как расплата»⁸. Возраст, безусловно, является той детерминантой, которая инициирует переосмысление своего отношения к смерти. Молодость и старость задают разную оптику видения танатоситуации. При этом старость – это возраст, когда нельзя сделать пробел во времени, прежде чем начать действовать. Нередко у пожилых людей чувство активного распоряжения временем, владения им, планирования заменяется чувством бесплодной потери или замешательством перед непонятным и пугающим ходом дней, сводящим дальнейшие жизненные перспективы к нулевому варианту. У пожилых людей мысль о смерти – это не мысль о, а мысль для, размышления человека, осознавшего свою сопричастность людям и миру. Вопрос об отношении к смерти переводится из подтекста в контекст самой жизни, наступает время, когда осознается трагизм временности⁹.

Таким образом, именно старость, качество и уровень жизни представителей геронтологической группы, межвозрастные взаимодействия становятся новой значимой повесткой для социологии. Длительное время старость в силу своей естественности, обыденности не осознавалась в качестве возможного объекта социологического анализа и рассматривалась как неизбежное, хотя и нежелательное свойство человека. Сейчас стал очевидным тот факт, что проблема старения становится индикатором направлений изменения социальных процессов макроструктурного уровня, концептуализирует основы социальной политики. Текущая ситуация создала новые вызовы, влияющие на геронтологические

отношения, расширился спектр возможных моделей старения, старости, усложнились и «расписание» жизни в целом, и процесс адаптации к геронтологическому этапу жизненного пути в частности.

Примечания

- 1 См.: Зеликова Ю. А. Стареющая Европа : демография, политика, социология. СПб. : Норма, 2014. С. 5.
- 2 Там же. С. 171–172.
- 3 См.: Лишаев С. А. Старое и ветхое : Опыт философского истолкования. СПб. : Алетей, 2010. С. 178–179.
- 4 Там же. С. 178.
- 5 См.: Елютина М. Э. Супружеские отношения в пожилом возрасте // Социс. 2010. № 11. С. 83–93 ; Елютина М. Э., Исаева С. А. Причины развода в третьем возрасте // Социс. 2012. № 9. С. 91–99.
- 6 См.: Парамонова В. А. Современные городские модели «для пожилых» // Учен. зап. Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. Философия. Культурология. Политология. Социология. Т. 24 (63). № 3–4. 2011. С. 231–238.
- 7 См.: Борисов С. Б. Символы смерти в русской ментальности // Социс. 1995. № 2. С. 58–63 ; Лаврикова И. Н. Молодежь : отношение к смерти // Социс. 2001. № 4. С. 134–136.
- 8 Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. 3-е изд. М. : Добросвет ; Изд-во КДУ, 2009. С. 264.
- 9 См.: Елютина М. Пожилые люди на обочине смерти // Memento Mori : похоронные традиции в современной культуре / сост. А. Д. Соколова, А. Б. Юдкина ; отв. ред. Д. В. Громов. М. : ИЭА РАН, 2015. С. 156–162.

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА РЕГИОНАЛЬНОГО ВУЗА: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

Е. Ю. Титова

Саратовский государственный аграрный университет
им. Н. И. Вавилова
E-mail: a-von-b@yandex.ru

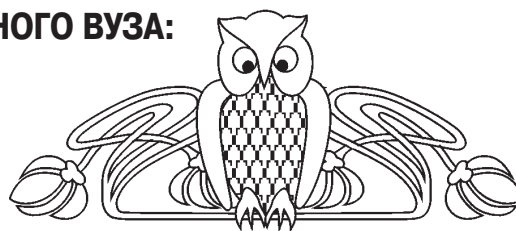
Статья посвящена анализу определений понятий «корпоративная культура», «корпоративная культура вуза», «корпоративная культура регионального вуза» и их соотношению. Даются авторские определения понятий «корпоративная культура вуза» и «корпоративная культура регионального вуза».

Ключевые слова: корпоративная культура, корпоративная культура вуза, корпоративная культура регионального вуза.

Corporate Culture at the Regional University: Defining the Concept

E. Yu. Titova

The article is devoted to the analysis of definitions of corporate culture, corporate culture of the University, corporate culture of the regional University and their relationships. The author gives the definitions

of corporate culture of the University and corporate culture of the regional University.

Key words: corporate culture, corporate culture of the University, corporate culture of the regional University.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-33-36

Прояснение и определение основных понятий является одной из важнейших задач научного исследования. Отправной точкой данного исследования стал анализ специфики и многообразия определений понятия «корпоративная культура». Основной задачей является определение понятий «корпоративная культура вуза» и «корпоративная культура регионального вуза» с прояснением их соотношения.

Для описания культуры организации исследователи предложили понятия «корпоративная культура», «производственная культура», «организационная культура», «управленческая культура», «культура трудовых отношений», «культурный дух» и др. Эти понятия могут использоваться как синонимичные и как пересекающиеся по объему, но не тождественные (имеется ряд диссертационных исследований, посвященных разграничению понятий «корпоративная культура» и «организационная культура»¹).

Изучение корпоративной культуры можно назвать одним из трендовых направлений в современных социально-гуманитарных науках. Понятие «корпоративная культура» формировалось с 30-х гг. XX в., а масштабные исследования стартовали на Западе в 80-е гг. в рамках экономики, теории управления, социологии, социальной психологии и культурологии. Интенсивность интереса может быть объяснена новыми экономическими реалиями рубежа веков, когда на волне произошедшей глобализации основную роль в мировой экономике захватили корпорации, поместив все предприятия и организации, производящие какие-либо товары или предоставляющие услуги, в рамки корпоративных представлений, ценностей и нормативов. Вслед за этим и понятийный аппарат научных исследований пополнился «корпоративными» категориями. Активизация интереса к корпоративной культуре на Западе была также вызвана высоким материально-техническим обеспечением корпораций и поиском новых методов управления коллективом сотрудников, мобилизации их творческого потенциала².

Интерес к корпоративной культуре отечественных авторов проявился в 80–90-е гг. XX в. и был естественным образом связан с переменами в экономическом, социальном и политическом устройстве нашей страны. В последнее время наблюдаются значительное расширение горизонтов изучения корпоративной культуры и выход его за рамки теории управления. Появились многочисленные исследования на основе культурологического, социологического и социально-философского подходов, существенным образом обогащающие возможности интерпретации данного феномена.

Несмотря на то что феномен корпоративной культуры изучается в наши дни весьма активно и разносторонне, само понятие «корпоративная культура» не имеет однозначного определения, оставаясь достаточно размытым³. Означенная ситуация связана с нахождением рассматриваемого явления на пересечении областей изучения целого ряда дисциплин, каждая из которых даже внутри себя предполагает различные подходы и определения корпоративной культуры. Второй причиной является многоаспектность самой корпоративной культуры, включающей в себя

компоненты как чисто духовного, так и материального и инструментально-технологического характера. Даже западные исследователи, несмотря на позитивистскую мировоззренческую базу, определяют корпоративную культуру в диапазоне от «совокупности установок, разделяемых членами того или иного сообщества, до... невидимого неформального сознания организации»⁴. Тем более, отечественные авторы, исходя из традиционного стремления к выходу на философский уровень анализа, определяют корпоративную культуру как смысловую систему, совокупность идей и ценностей и даже как особую философию, ограниченную локусом отдельно взятой организации или института⁵.

Среди всего многообразия определений корпоративной культуры, на наш взгляд, ярко прослеживается деление на две группы и два соответствующих подхода. Один из них может быть условно назван инструментально-технологическим, а другой – философским. Технологический подход определяет корпоративную культуру как совокупность процедур, методов достижения целей, которые ставит перед собой та или иная организация⁶. Философский подход определяет ее как совокупность идей, ценностей, смысловые системы, форму коллективного сознания, собственную философию организации, формирующую цели ее развития и обладающую определенной объяснительной и предсказательной силой; как субкультуру в рамках доминирующей культуры⁷. И если в исследованиях в рамках теории управления преобладает первый подход, то в социально-гуманитарных науках, безусловно, доминирует второй⁸. На самом же деле эти подходы тесно переплетены и не могут быть отделены один от другого без ущерба для рассматриваемого феномена, так как корпоративная культура сочетает в себе, как два уровня своего существования, элементы ценностно-смыслового и практико-технологического характера. Более того, можно предположить, что в условиях современной корпорации и при нынешнем уровне развития технологий духовные компоненты корпоративной культуры во многом являются результатом применения особых методик в процессе того, что исследователи называют «производством сознания»⁹.

Изучение корпоративной культуры образовательных учреждений (прежде всего вузов) – довольно молодое и активно развивающееся направление в современной науке. Университеты начали рассматриваться как корпорации в связи с изменениями экономических условий жизни общества, переходом к неолиберальной парадигме со свойственным ей жестким представлением о рыночной конкурентной среде. В этих условиях университет становится не только образовательным учреждением, но и субъектом постоянно расширяющейся хозяйственной деятельности, что влечет за собой изменение цен-

ностно-смысловой структуры, обеспечивающей жизнь и развитие университетов.

Имеется ряд диссертационных исследований, позволяющих рассмотреть проблему определения понятия «корпоративная культура вуза» через выявление ее специфических признаков и особенностей. К таковым следует отнести:

1) партнерские связи с обществом и приоритет социальной ответственности;

2) ориентацию на различные структуры гражданского общества как источник образовательных потребностей;

3) гуманистическую направленность деятельности, целью которой является формирование социальной, персональной, информационной и экологической компетентности личности;

4) аксиологические основания корпоративной культуры, формирующиеся на основе философской и мировоззренческой компетентности педагогов¹⁰.

Помимо учета названных признаков, необходимо также принять во внимание двойственную природу корпоративной культуры образовательного учреждения, сочетающую в себе, с одной стороны, «культуру достижения интересов на рынке образовательных услуг, культуру конкурентной борьбы» и, с другой стороны, – «традиционную академическую культуру, основанную на сохранении и приращении педагогических ценностей»¹¹. Носителями корпоративной культуры вуза являются студенты, профессорско-преподавательский состав и администрация, что представляет собой важное отличие образовательной корпорации от производственной. Сюда же следует отнести и такую принципиальную черту корпоративной культуры вуза, как ее тесную связь с качеством предоставляемых образовательных услуг¹².

В ряде исследований был осуществлен анализ таких элементов корпоративной культуры вуза, как корпоративная культура факультета, студенчества, студенческой группы¹³, определения которых представляются весьма схожими и включают в качестве ключевых следующий набор признаков: система идей и представлений, норм и ценностей; взаимодействие; ориентиры поведения и действий; мобилизация; оптимальное функционирование; развитие; самоорганизация; эффективность управления; инновации¹⁴.

В результате мы можем дать следующее определение корпоративной культуры вуза: система материальных и духовных ценностей, взаимодействующих между собой, принимаемых студентами, представителями профессорско-преподавательского состава и администрации, дающая ориентиры поведения, восприятия себя и окружающей среды, образы взаимодействия с гражданском обществом, обеспечивающая самоорганизацию, мобилизацию, оптимальное функционирование, эффективность и развитие учреждения.

Локальный уровень корпоративной культуры привлекает в последнее время все большее внимание в связи с появлением значительного числа эмпирических исследований региональных университетов, выявивших их общие и специфические черты. В качестве примеров можно привести анализ корпоративной культуры Ульяновского государственного университета, Тамбовского государственного университета, Южно-Уральского государственного университета и др. Перечисленные исследования позволяют увидеть многообразие подходов к изучению феномена корпоративной культуры. В то же время представляется недостаточной разработка проблемы определения корпоративной культуры регионального вуза, отражения в нем специфики взаимосвязи образовательного учреждения с жизнью региона.

Проведенный анализ показал, что в существующих исследованиях региональных вузов или региональной специфики корпоративной культуры эмпирические данные и их обобщение не приводят авторов к попытке определить корпоративную культуру регионального вуза как таковую. Все найденные нами определения корпоративной культуры вуза содержат лишь наиболее общие признаки без учета локальных, даже если определение дается в работе, посвященной конкретному учебному заведению.

Среди специфических черт регионального вуза можно выделить:

1) тесную связь с экономической, социальной и духовной жизнью конкретного региона¹⁵;

2) взаимодействие с локальным гражданским обществом, прежде всего, в процессе удовлетворения потребности в формировании профессиональных компетенций, востребованных в данном регионе;

3) влияние на степень экономической эффективности региона в целом;

4) отражение особенностей региональной культуры (национальной, религиозной, светской) в специфике стиля управления, в идеологии, традициях и внутреннем микроклимате, являющемся пространством формирования корпоративной культуры данного вуза.

Исходя из перечисленных признаков, корпоративную культуру регионального вуза можно определить как систему общекультурных и локально детерминированных материальных и духовных ценностей, взаимодействующих между собой, принимаемых студентами, представителями профессорско-преподавательского состава и администрации регионального вуза, дающую ориентиры поведения, восприятия себя и окружающей среды, образы взаимодействия с гражданском обществом региона, обеспечивающую самоорганизацию, мобилизацию, оптимальное функционирование, эффективность и развитие данного образовательного учреждения.

Примечания

- 1 См., например: *Белова Л. И.* Корпоративная культура российского университета как объект социокультурного анализа : на примере Южно-Уральского государственного университета : дис. ... канд. культурол. наук. Челябинск, 2009.
- 2 См.: *Мешков А. Ю.* Качество образования и корпоративная культура университета. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kachestvo-obrazovaniya-i-korporativnaya-kultura-universiteta#ixzz3WiVJ9Tr4> (дата обращения: 18.04.2015).
- 3 См.: *Белова Л. И.* Указ. соч.
- 4 Там же. С. 5.
- 5 См.: *Ячменева В. М., Царенко Н. В.* Корпоративная культура : сущность, теория, практика // Экономика и управление. 2007. № 6. С. 74.
- 6 Там же. С. 73–74.
- 7 См.: *Белова Л. И.* Указ. соч.
- 8 См.: *Ахмедова М. А.* Педагогические условия формирования корпоративной культуры вуза : на примере факультета : дис. ... канд. пед. наук. Ульяновск, 2007.
- 9 *Протоиерей Александр Мирошниченко.* Контроль сознания в коммерческих культурах на примере корпорации Amway. URL: <http://tribunanaroda.info/content/view/1611/> (дата обращения: 15.04.2015).
- 10 См.: *Горбатъко О. И.* Теоретико-педагогические

основания особенностей корпоративной культуры образовательного учреждения : дис. ... канд. пед. наук. Ставрополь, 2006.

- 11 *Прохоров А. В.* Корпоративная культура как основа имиджа университета. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-kultura-kak-osnova-imidzha-universiteta#ixzz3WiV8S9MS> (дата обращения: 18.04.2015).
- 12 См.: *Мешков А. Ю.* Указ. соч.
- 13 См.: *Ахмедова М. А.* Указ. соч. ; *Быков С. В., Корокошко И. О.* Некоторые результаты диагностики корпоративной культуры как фактора организационного развития. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-rezultaty-dagnostiki-korporativnoy-kultury-kak-faktora-organizatsionnogo-razvitiya-na-primere-oao-avtovaz-proizvodstvo#ixzz3WiVmSSbf> (дата обращения: 18.04.2015) ; *Габдулхакова О. И.* Педагогические условия формирования корпоративной культуры студенческой группы вуза : дис. ... канд. пед. наук. Ульяновск, 2006.
- 14 См.: *Кальдинова Г. П., Лиджиев А. С.* Корпоративная культура современного университета. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-kultura-sovremennogo-universiteta-1#ixzz3WiVyOh5Z> (дата обращения: 18.04.2015).
- 15 См.: *Иванов С. В., Осипов А. М.* Университет как региональная корпорация // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII, № 4. С. 162–172.

УДК 316.723

РОЛЬ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК МОЛОДЕЖИ

М. В. Калининкова, М. А. Карелин

Саратовский государственный университет
E-mail: kalinnikova1@rambler.ru, karelin15@rambler.ru

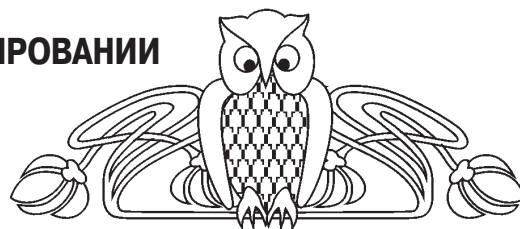
Статья посвящена анализу роли музыкальной культуры в жизни молодежи. Особое значение придается определению характера и силы влияния музыкальной культуры на ценностные установки молодежи. На основании результатов социологических исследований описываются музыкальная культура молодежи, критерии выбора музыкальных стилей и места прослушивания. Показаны категории музыкальных ориентаций молодежи. Дана оценка влиянию музыкальной культуры и иных ее форм на социум.

Ключевые слова: музыка, культура, рок-культура, поколения, молодежь.

Role of Musical Culture in Forming of Youth's Value Orientations

М. V. Kalinnikova, M. A. Karelin

This article is devoted to analysis of musical culture's role in youth's life. Particular importance attached to definition of character and force influence of musical culture on the youth's value orientations. Based on results of sociological researches were described musical culture of youths, selection criteria of musical styles and places of listening

to. It was offered the classification of youth's musical orientation. It was assessed influence of musical culture and their other forms on the society.

Key words: music, culture, rock-culture, generation, youth.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-36-40

Понятие «культура», согласно социологическому словарю под редакцией Г. В. Дыльнова, определяется как «специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в отношении людей к природе, между собой и к самим себе»¹. Что касается музыкальной культуры, то она понимается в социологии как многоуровневая система, включающая в себя все разнообразие видов и музыкальных жанров, исполнительские и композиторские особенности, а также специфику функционирования учреждений музыкального образования и школ².

Музыка, как и любой другой элемент творческой природы человека, существует в рамках культуры и культурного пространства. В попытке Т. Адорно произвести классификацию типов отношения к музыке прослеживается идея о том, что музыка есть не что иное, как отражение определенных временных границ развития общества, особенности эпохи³.

Музыка является неотъемлемой частью жизни подростков и молодежи, порождая целое разнообразие увлечений и приверженностей. Отношение к музыке зачастую выходит за границы получения эстетического удовольствия, перерастая во что-то большее, способное оставить отпечаток на ценностях и установках, выходящих далеко за границы отдельно взятой личности и индивидуальности. Подобный переход позволяет музыке превратиться в сопровождающий фон повседневности, способный подтолкнуть к идее, увлечению, приверженности и индивида, и группу, и поколение. Ввиду этого исследование музыкальной культуры применительно к молодому поколению представляется нам наиболее важным.

В научной литературе проблемами изучения становления ценностных ориентаций молодежи занималась Ф. С. Кудзиева⁴. Профессионально-трудовой аспект ценностей молодежи рассматривался в работах С. В. Ситниковой⁵. Социально-культурный облик и социальное поведение молодежи в своих трудах рассматривал А. В. Кудревич⁶.

С целью детального рассмотрения процессов влияния музыкальной культуры на ценностные установки молодежи Центром региональных социологических исследований СГУ им. Н. Г. Чернышевского совместно с авторами было проведено два исследования – в 2013 и 2014 гг., посвященных изучению музыкальной культуры молодежи г. Саратова⁷. Исследования были проведены методом анкетного опроса, общий объем репрезентативной квотно-стратификационной выборки составил 352 респондента.

По результатам опроса были выявлены музыкальные жанровые предпочтения молодежи. Установлено, что основной интерес среди молодежи вызывают три жанра: реп (17,4%), поп- (15,8%) и рок-музыка (11,4%). Полученные результаты подтвердили данные исследования 2013 г., в котором большинство респондентов высказали свое предпочтение жанру рок-музыка (17,6%), однако здесь следует учитывать, что в опросе принимали участие преимущественно представители рок-культуры.

В ходе исследования установлено, что наряду с жанровыми предпочтениями на музыкальный выбор молодежи оказывает существенное влияние фактор происхождения музыки. Так, с уверенностью можно сказать, что молодежь ориентирована в большинстве своем на зарубежных исполнителей (75%), остальные (25%) чаще слу-

шают российскую музыку. Данная картина может быть связана со сложившейся монополией зарубежной музыки на мировом рынке. Однако это не говорит о том, что факт потребления зарубежного музыкального продукта делает саратовскую молодежь ориентированной на идеи и ценности западных исполнителей. При выборе зарубежной музыки респонденты на первый план ставят приятный тембр голоса и мелодичность и только после – мировую популярность и понятность текста. Основным критерием выбора российской музыки является понятность текста, в виду того что для большинства респондентов русский язык является родным языком.

Немаловажным показателем музыкальной культуры становится место, где молодежь слушает музыку. Так, при изучении мест прослушивания музыки молодежью г. Саратова (табл. 1) были получены следующие результаты: 36,5% опрошенных прослушивают музыку дома, 15,7% – на улице, 15,2% – в ночном клубе, 14,7% – в транспорте и в равной степени по 6,9% – в филармонии и театре.

Таблица 1

Места прослушивания музыки

Категория	N	%
Дома	144	36,5
В театре	27	6,9
В филармонии	27	6,9
В ночном клубе	60	15,2
На улице	62	15,7
В транспорте	58	14,7
Затрудняюсь ответить	16	4,1
Итого	394	100,0

Примечание. Данные сведены к 100% по положительному ответу.

Высокий процент молодежи, предпочитающей прослушивать музыку дома, сказывается на показателе посещения музыкальных мероприятий. Результаты опроса показали, что посещают музыкальные мероприятия 40% респондентов, а не посещают 34%, т. е. разница невелика. Если говорить о той молодежи, которая посещает музыкальные мероприятия, то она представлена преимущественно публикой на концертах (41,8%) и музыкальных фестивалях (26,3%) – наиболее часто посещаемых мероприятиях.

Поскольку в задачу данного исследования входило изучение влияния музыкальной культуры на общество и молодежь, было решено использовать для этой цели отдельное ответвление музыкальной культуры – рок-культуру. Рок-культура – это, во-первых, особый проблемно ориентированный способ социально-пространственной организации социума, основанный на усилении социальной дистанционности от официальной идеологии со-

временного ему общества; во-вторых, в соответствии с данными авторского эмпирического исследования, – одна из наиболее востребованных в молодежной среде.

Исследование выявило, что влияние рок-музыки на общество заключается в появлении двух категорий последователей: тех, кто воспринимает рок-музыку как один из музыкальных жанров (47,4% опрошенных), и тех, кто посредством данного музыкального жанра ак-

тивно выражает протест против общественных ценностей (43,9%) (табл. 2). При этом 19,3% опрошенных считают, что рок-музыка способствовала появлению последователей с бунтарскими настроениями, но проявление бунтарства отличалось определенной сдержанностью и не приводило к сильному резонансу общественных масс. Об отсутствии какого-либо влияния рок-музыки на общество утверждают 5,3% опрошенных.

Таблица 2

Оценка влияния рок-музыки на общество в зависимости от возраста, % по молодежи

Вариант ответа	%
Способствовала появлению последователей рок-музыки, которые активно протестовали против общественных ценностей	43,9
Способствовала появлению последователей и приверженцев рок-музыки, которые активно не протестовали против существующих общественных ценностей	19,3
Способствовала появлению обычных слушателей, которые воспринимали рок-музыку как один из музыкальных жанров	47,4
Никак не повлияла на общество	5,3
Влияла на общество во времена групп «Кино», «Звуки Му» и пр.	0,0
Каждый стиль рок-музыки влияет на общество как положительно, так и отрицательно	0,0

Примечание. Сумма ответов несводима к 100%, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Таким образом, говоря о влиянии рок-музыки на общество, молодое поколение склонно считать, что этот жанр способствовал в первую очередь появлению обычных слушателей, ценителей данной музыки и только потом отделению от них радикально настроенных приверженцев.

Понимание молодежью того, чем является рок-музыка в настоящее время, отражено в табл. 3. Наибольшее число респондентов считают, что рок-культура является для них формой самовыражения (50,9%), как один из жанров музыки ее воспринимают 45,6%, как особое мировоззрение – 42,1%. В представлении 26,3% респондентов рок-музыка является профес-

сиональным видом деятельности. Как форму протеста против господствующей культуры ее определяют 14% опрошенных. Понимание данного музыкального стиля как протеста против устоявшихся общественных ценностей и указателя принадлежности к определенной группе соответствует мнению 12,3%. Определяют рок-культуру как разрушительно воздействующую на психику молодежи 10,5% опрошенных, отождествляя ее с бессмыслицей 0,7%. По мнению 5,3% опрошенных, рок-музыка способствует развитию проблем «отцов и детей». Охарактеризовали рок-музыку в настоящее время как стиль жизни 1,8% респондентов.

Таблица 3

Влияние возраста на представления о рок-музыке в настоящее время, % по молодежи

Вариант ответа	%
Один из жанров музыки	45,6
Профессиональный вид деятельности	26,3
Протест против существующих в обществе ценностей	12,3
Особое мировоззрение	42,1
Протест против господствующей культуры	14,0
Форма самовыражения	50,9
Указатель на принадлежность к определенной группе	12,3
Движение, разрушительно воздействующее на психику молодежи	10,5
В настоящее время рок-музыки нет	0,0
Способствует развитию проблем «отцов и детей»	5,3
Стиль жизни	1,8
Помощь в преодолении подростковых проблем	0,0

Таким образом, рок-музыка в настоящее время представляется младшим поколением как форма самовыражения посредством музыки и ее исполнения. В целях большей объективности

при оценивании влияния рок-музыки как элемента музыкальной культуры на молодежь необходимо учитывать мнение среднего и старшего поколения (табл. 4).

Таблица 4

Оценка воздействия рок-музыки на молодежь в настоящее время в зависимости от возраста, %

Вариант ответа	Молодое поколение	Среднее поколение	Старшее поколение
Способствовала появлению бунтарских настроений в молодежной среде	37,5	26,7	45,7
Способствовала распространению алкоголизма и наркомании в молодежной среде	26,8	15,0	34,3
Способствовала творческой самореализации молодежи	66,1	55,0	25,7
Не оказывает существенного влияния	8,9	10,0	22,9
Способствовала индивидуализации	0,0	0,0	2,9
Каждый стиль рок-музыки влияет на молодежь как положительно, так и отрицательно	0,0	1,7	0,0
Распускала молодежь	0,0	0,0	2,9
Объединяла молодых людей	0,0	1,7	0,0

Влияние рок-музыки на молодое поколение (14–30 лет), по мнению самой молодежи, заключается, в первую очередь, в возможности творчески реализоваться (66,1%). Из возможно негативных форм влияния рок-культуры респонденты выделяют распространение бунтарских настроений среди молодежи (37,5%), а также наркомании и алкоголизма (26,8%). По мнению 8,9% опрошенных, рок-музыка не оказывает существенного влияния на молодежь. Что касается средней возрастной группы (31–57 лет), то здесь прослеживается схожая тенденция. Наиболее ярко различия проявляются среди старшего поколения (от 58 лет), которые склонны считать, что влияние рок-музыки носит скорее негатив-

ный оттенок. Основные формы проявления негативного влияния представляются в виде появлению бунтарских настроений в молодежной среде (45,7%) и распространения алкоголизма, наркомании и иных вредных привычек (34,3%).

Характерно, что, по мнению молодого поколения (56,1%), манера поведения приверженцев рок-культуры несущественно отличается от «обычных граждан». В то же время 35,1% опрошенных убеждены в том, что представители рок-культуры в своем поведении совершенно не соответствуют представлению об «обычных гражданах». Утверждают об отсутствии каких-либо отличий в поведении представителей рок-культуры 3,5% опрошенных (табл. 5).

Таблица 5

Влияние возраста на определение степени различия поведения представителей рок-культуры и «обычных граждан», %

Вариант ответа	Молодое поколение	Среднее поколение	Старшее поколение
Существенно отличается	35,1	23,7	42,9
Отличается, но несущественно	56,1	59,3	42,9
Совсем не отличается	3,5	11,9	8,6
Затрудняюсь ответить	5,3	5,1	5,7
Итого	100,0	100,0	100,0

Представители среднего поколения в своем большинстве (59,3%) склонны считать, что отличия в манере поведения представителей рок-культуры и «обычных граждан» имеются, но весьма несущественные. Для 23,7% различия в поведении являются существенными и только для 11,9% опрошенных манера поведения приверженцев рок-культуры и «обычных граждан» неразличима.

В понимании старшего поколения манера поведения приверженцев рок-культуры воспринимается двойственно. Так, одинаковый процент

(42,9%) соответствует тем, кто считают, что отличия эти существенные, и тем, кто утверждают о несущественных различиях в поведении. В представлении 8,6% какие-либо отличия отсутствуют.

Итак, приверженность к какой-либо форме музыкальной культуры, безусловно, выделяет ее последователей среди остальных индивидов, и не только внешними атрибутами приверженности, но и мнением окружающих.

Таким образом, влияние музыкальной культуры на ценностные установки молодежи отмечают представители разных поколений. Для

подавляющего числа молодежи рок-культура является, с одной стороны, формой самовыражения, позволяющей творчески самореализоваться, а с другой – стимулом к появлению бунтарей и радикально настроенных последователей.

Вторым по значимости результатом влияния рок-культуры на молодежь является появление в ее среде радикальных последователей, бунтарей. В действительности протестное ядро рок-культуры в современных социокультурных условиях подвергается трансформации; новое поколение молодежи видоизменяет его, возвышая позицию самовыражения над протестом, что, собственно, и определяет в дальнейшем характер перемен ценностных установок молодежи и музыкальной культуры.

Примечания

- 1 Аксененко Ю. Н., Аникин Л. С., Дыльнов Г. В. Карманный социологический словарь / под ред. Г. В. Дыльнова. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2000. С. 94–95
- 2 См.: Энциклопедия Екатеринбурга. EdwART. 2010. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ekaterinburg/321/МУЗЫКАЛЬНАЯ> (дата обращения: 07.09.2015).
- 3 См.: Адорно Т. Избранные сочинения. Социология

УДК 316.4

ОСОБЕННОСТИ ТРУДОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ В РЕГИОНАЛЬНОМ РАКУРСЕ (на примере г. Саратова)

Е. В. Сайганова

Саратовский государственный университет
E-mail: Saiganovaev@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности трудовых ценностей молодежи как специфической социально-демографической группы, роль молодежи как объекта и субъекта в развитии экономической, политической и культурной жизни. Проведенное исследование предоставляет возможность для актуализации и прогнозирования целенаправленной государственной молодежной политики на территории региона.

Ключевые слова: молодежь, общество, профессиональные ценности молодежи, государственная молодежная политика.

Features Values Youth Employment in Regional Perspective (on the Example of Saratov)

E. V. Saiganova

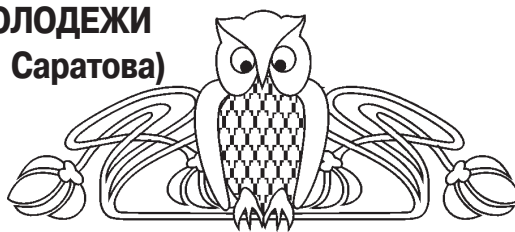
The article discusses the features of the labour values of youth as a specific socio-demographic groups, the role of youth as object and subject in the development of economic, political and cultural life, the study provides an opportunity for updating and forecasting targeted state youth policy in the region.

Key words: youth, society, professional values of young people, state youth policy.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-40-45

музыки : пер. с нем. 2-е изд. М. : РОССПЭН, 2008. С. 12–26.

- 4 См.: Кудзиева Ф. С. Механизмы становления ценностных ориентаций подрастающего поколения в условиях трансформации семьи // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 61–65.
- 5 См.: Ситникова С. В. Особенности профессионально-трудовых ценностей студенческой молодежи // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 26–32.
- 6 См.: Кудревич А. В. Тема досуга молодежи в российской социологии // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2011. № 3 (15). С. 154–158.
- 7 Социологическое исследование, посвященное изучению поколенческих стереотипов относительно рок-культуры, проводилось в 2013 г. в г. Саратове методом анкетного опроса по квотно-стратифицированной выборке (N = 152); в опросе приняли участие жители г. Саратова, представители молодежи (14–30 лет), среднего (31–57 лет) и старшего возраста (от 58 лет). Социологическое исследование, посвященное изучению музыкальных предпочтений и музыкальной культуры молодежи г. Саратова, проводилось в 2014 г. методом анкетного опроса по квотно-стратифицированной выборке (N = 200); в опросе приняла участие молодежь г. Саратова в возрасте от 14 до 29 лет.

Молодежь является одним из важнейших стратегических ресурсов любого общества. Она играет важнейшую роль в развитии экономической, политической, культурной и других сфер жизни. Как объект и субъект процесса социализации молодежь активно впитывает в себя все общественные воздействия, ценности и идеалы, чутко реагирует на изменения, а зачастую и иницирует инновационные тенденции в развитии общества. Молодежь представляет собой такой ресурс, который призван обеспечить не только воспроизводство социальной системы, но и ее обновление.

Тесная связь между трудовыми ценностями, потребностями, интересами и трудовой мотивацией молодой личности и реформированием социально-экономической сферы российского общества стала предметом исследования таких ученых, как М. Г. Делягин, Ю. А. Зубок¹, В. И. Климычев², Б. И. Максимов, Л. А. Беляева, Н. И. Лапин³, С. И. Самыгин⁴, Л. И. Щербак⁵. Изучение ценностных ориентаций молодежи дает возможность выявить степень ее адаптации

к новым социальным условиям и ее инновационный потенциал. От того, какой ценностный фундамент будет сформирован, во многом зависит будущее состояние общества. Поэтому изучение места труда в ее иерархии ценностей представляется особенно актуальным.

В ходе исследования, посвященного изучению трудовых ценностей молодежи, проведенного летом 2014 г., по квотной выборке было опрошено 560 респондентов в возрасте от 18 до 30 лет (30% в возрасте от 18 до 21 года, 36% – от 22 до 25 лет, 34% – от 26 до 30 лет). Статистические характеристики (мода, медиана, среднее) показывают, что центральная тенденция возрастного распределения опрошенных приходится на возраст 24 года. По половому различию респонденты разделились поровну: 50% женщин и 50% мужчин. Выборочная совокупность опрошенных полностью соответствует параметрам генеральной совокупности, что позволяет нам сделать вывод о репрезентативности полученных результатов.

Распределение опрошенных по должностям показало, что 7,2% являются руководителями высшего звена, 9,4% – руководителями среднего звена, 30% – специалистами, 12,2% – служащими без высшего образования, 19,4% – рабочими квалифицированного труда, 15,6% – рабочими неквалифицированного труда, 1,7% – частными предпринимателями, 1,1% – промоутеры, 1,7% – программисты, 1,1% – охранники, 0,6% – продавцы-консультанты. Модальное значение показывает, что основная часть опрошенных приходится на специалистов. К тому же молодежь концентрируется в профессиях среднего и низшего звена. Это происходит вследствие совмещения работы с учебой и с отсутствием высокой квалификации.

В качестве источников средств к существованию, помимо личного заработка (62%), 26% респондентов отметили помощь родителей, 12% – стипендию. Это говорит о том, что молодые люди имеют определенные материальные затруднения, к тому же некоторым приходится совмещать работу с учебой. Молодежь не является полностью самостоятельной и может рассчитывать на материальную поддержку родителей. Возможно, в зависимости от источников дохода у молодежи будет разное отношение к трудовым ценностям. Те, кто ориентирован на помощь родителей, ценят общение и самостоятельность, так как на данный момент зависят от родителей. Молодые саратовцы, рассчитывающие на стипендию, больше ценят удобный график и хороший заработок.

Среди опрошенных 21,5% получают зарплату в размере менее 5000 руб. в месяц; 34,5% зарабатывают от 5000 до 10000 руб.; 20,0% – от 10001 до 15000 руб.; 16,0% – от 15001 до 20000 руб.; 5,0% зарабатывают от 20001 до 30000 руб.; 3,0% – свыше 30000 руб. в месяц. Исходя из этого, по уровню дохода саратов-

скую молодежь можно поделить на следующие категории: «нищие» с заработной платой менее 5000 рублей, «бедные» с зарплатой 5000–10000 руб., «околобедные» – 10001–15000 руб., «состоятельные» – 15001–20000 руб. и «относительная элита», зарабатывающая от 20001 руб. и выше. В целом можно сказать, что большинство молодых саратовцев (56,0%) имеют небольшой доход, примерно на уровне прожиточного минимума.

Это поясняет тот факт, что наблюдается весьма ощутимая неудовлетворенность размером заработной платы: удовлетворены ею лишь 21% респондентов, в то время как 79% считают, что получают меньше, чем заслуживают. Данные результаты показывают, что молодежь высоко оценивает свой труд и считает, что он должен хорошо оплачиваться. Это позволяет говорить о высокой значимости заработной платы как трудовой ценности для саратовской молодежи.

На вопрос, какую зарплату должен получать работник специальности респондента, 47,0% опрошиваемых назвали сумму в размере от 10000 до 20000 руб., 35,5% – от 20001 до 30000 руб., 9,5% – от 30001 до 40000 руб., 1,5% – от 40001 до 50000 руб., 3,0% – от 50001 до 60000 руб., 2,5% респондентов указали зарплату свыше 60000 руб., 1,0% ограничились суммой менее 10000 руб. Это еще раз показывает, что высокий заработок является приоритетным для молодежи.

Распределение респондентов по размеру среднемесячного совокупного дохода на одного члена семьи показало следующее: у 0,6% опрошиваемых доход на одного члена семьи в месяц составляет менее 3000 руб., у 29,3% – от 3000 до 5000 руб., у 42,0% – от 5001 до 7000 руб., у 17,1% – от 7001 до 10000 руб., у 7,2% – от 10001 до 15000 руб. и у 3,9% – свыше 15000 руб. Из этого можно сделать вывод, что в исследовании присутствуют категории граждан с различным уровнем дохода на одного члена семьи. Основная часть опрошенных ведет скромный образ жизни, так как их доход едва превышает уровень прожиточного минимума. Молодых саратовцев с доходом до 5000 руб. на одного члена семьи можно отнести к «нищим», с доходом 5001–7000 руб. – к «бедным», с доходом 7000–10000 руб. – к «околобедным», с доходом 10001–15000 руб. – к «состоятельным», с семейным доходом свыше 15001 руб. на одного человека – к «относительной элите».

По критерию материального положения респонденты распределились следующим образом: у 17,0% опрошенных денег хватает только на питание; 18,5% помимо питания могут позволить себе покупку одежды; 44,0% респондентов отметили, что денег хватает на питание, одежду, оплату жилья, но покупка вещей длительного пользования вызывает затруднения; у 8,0% дохода хватает на покупку вещей длительного

пользования, затруднена покупка действительно дорогих вещей; 3,0% опрошенных не имеют материальных затруднений и могут позволить себе все, что угодно; у 4,0% респондентов денег хватает только на мелкие расходы; 5,5% находятся на иждивении у родителей. Эти показатели свидетельствуют о том, что у большей части респондентов доходов хватает в целом на проживание, но затруднена покупка вещей длительного пользования. Это еще раз показывает, что большая часть респондентов не имеют дохода, который бы полностью удовлетворял их нужды. Большинство молодых людей г. Саратова можно отнести к категории «бедных» и «околобедных». Низкий уровень финансового положения современной молодежи объясняет большую значимость для нее высокой заработной платы.

Следующий блок вопросов был посвящен изучению ценностных установок молодежи, как трудовых, так и жизненных в целом (табл. 1). В ходе исследования была выявлена иерархия ценностей, которая позволит говорить о трудовой занятости как одной из основных жизненных ценностей современной саратовской молодежи. При этом учитывалось, сколько респондентов поставили ту или иную ценность на первое место. Большинство (57,0%) назвали самой важной ценностью семью, 13,5% – дружбу, 13,0% – работу, 6,0% – любовь, 5,0% – образование, 2,5% – самореализацию, 1,0% – материальное благополучие, по 0,5% – здоровье, религию и развлечения. Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что работа является третьей значимой ценностью и выступает в качестве средства обеспечения семьи, которая, в свою очередь, является базовой ценностью для современной молодежи г. Саратова. Удовлетворение потребности материального обеспечения семьи осуществляется посредством труда. Поэтому у молодежи вырабатывается такое осознанное отношение к работе, когда она воспринимается как способ содержания семьи.

Таблица 1
Наиболее значимые жизненные ценности молодежи

Категория	%
Семья	57,0
Дружба	13,5
Любимая работа	13,0
Любовь	6,5
Образование	5,0
Самореализация	2,5
Материальное благополучие	1,0
Религия	0,5
Развлечения	0,5
Здоровье	0,5
Всего	100,0

При расчете среднего взвешенного значения значимости трудовых ценностей получилось следующее: хороший заработок (95,9), комфортные условия работы (90,7), удобный график работы (89,7), надежность места работы (89,3), интересная работа (83,6), хороший, дружный коллектив (82,7), возможность карьерного роста (80,6), соответствие работы способностям (79,1), ответственная работа (76,7), ненапряженная работа (76,5), возможность приносить пользу людям (75,6), возможность инициативы (74,5), большой отпуск (70,0), высокий престиж профессии (67,0).

Из этого следует, что хороший заработок является приоритетной трудовой ценностью у молодежи. Также высокую значимость имеют комфортные условия работы, являясь важным фактором трудовой деятельности, от которого зависит результативность труда, трудоспособность работника, его физическое здоровье. Условия работы влияют на отношение к ней и степень удовлетворенности ею, на эффективность производства в целом. Удобный, гибкий график работы входит в тройку главных трудовых ценностей. Это связано с активностью молодого поколения, желанием везде успеть, а также с получением образования. Важной ценностью является и возможность карьерного роста, которая может обеспечить высокий и стабильный заработок, а в широком смысле – конкурентоспособность на рынке труда. Престиж профессии – наименее значимая трудовая ценность для молодежи. Это связано с тем, что происходит пересмотр индикаторов социальной значимости. На первый план выходит приоритет индивидуализма. Общественное мнение через престиж профессии является абстрактным, индикатором общественного признания в данном случае выступает заработная плата. Полученные данные говорят о том, что трудовые ценности современной саратовской молодежи носят прагматический характер, им свойственен инструментализм.

В ходе опроса респондентам были предложены на выбор четыре суждения, показывающие, что для респондентов важнее: заработная плата или смысл работы. Большинство опрошенных (57,1%) считают, что «заработок – главное, но нужно думать и о смысле работы», 24,3% – «нельзя забывать о заработке, но основное – смысл работы, ее общественная польза», 14,7% – «хороша любая работа, если она хорошо оплачивается», 4,0% – «хороша та работа, где ты приносишь общественную пользу, где ты необходим». Полученные результаты еще раз подтверждают значимость денежного вознаграждения для молодежи, сочетающегося с осмысленной работой. Молодые люди ориентированы на справедливый обмен между их трудовым вкладом и ожидаемым материальным вознаграждением.

В результате исследования было выяснено мнение респондентов о том, какими качествами

должен обладать хороший специалист (табл. 2). Наиболее частый ответ – «ответственно относиться к работе» (21,0%). Кроме того, хороший специалист должен иметь профессиональное образование, соответствующее сфере деятельности (17,4%). Также наиболее часто упоминались такие качества, как умение работать в коллективе (15,7%) и хороший опыт работы в данной

специальности (12,5%). Исходя из этого, можно утверждать, что качества, которыми, по мнению современной саратовской молодежи, должен обладать хороший специалист, конкретны, а не абстрактны. Данные результаты показывают, что наиболее важными качествами хорошего специалиста являются социально значимые и прагматичные.

Таблица 2

Качества хорошего специалиста

Категория	Частота	% от ответов
Иметь любое высшее образование	6	0,7
Все перечисленное	7	0,8
Знать иностранные языки	72	8,6
Посещать специализированные курсы, тренинги, семинары по повышению квалификации	89	10,7
Стремиться к инициативе и лидерству	102	12,2
Иметь хороший опыт работы в данной специальности	106	12,5
Уметь работать в коллективе	131	15,7
Иметь профессиональное образование, соответствующее сфере деятельности	145	17,4
Ответственно относиться к работе	175	21,0
Всего	833	100,0

Что касается удовлетворенности местом работы, то 70% респондентов довольны местом работы, 30% – недовольны. Здесь наблюдается противоречие, поскольку большинство молодых людей, как это было отмечено ранее, недовольны заработной платой. Такие результаты ставят под сомнение преобладание значимости заработной платы над значимостью смысла работы. Удовлетворенность местом работы, сопровождающаяся недовольностью заработной платой, подчеркивает важность смысла работы для саратовской молодежи.

Среди респондентов, недовольных местом работы, 51% хотят его поменять, 49% предпочитают остаться на нынешнем месте работы. Это говорит о том, что, несмотря на недовольность местом работы, молодые люди не хотят его менять в связи с нестабильностью рынка труда. То есть молодые саратовцы стремятся к стабильности в работе, хотя и не всегда осознанно. Среди респондентов, желающих поменять место работы, 23% планируют сделать это в текущем году, 40% – через 2 года, 30% – через 5 лет, 7% – через 10 лет. Данные результаты показывают, что в основном молодые люди не торопятся реализовать свои планы по смене места работы, потому что боятся его потерять и остаться без работы вовсе.

При оценке отношения к своей работе 66,5% респондентов отметили, что работают в полную силу и меру способностей, 28,5% – что работают добросовестно, но могут и сжалуричь, 5,0% – что работают «спустя рукава». Следовательно, большинство молодых людей ответственно относятся к своей работе и честно выполняют

свои обязанности. Молодые саратовцы стремятся удержаться на своем месте работы, поскольку удовлетворены им. Это еще раз показывает, что смысл работы и стабильность являются значимыми для современной молодежи.

Оценивая уровень нагрузки на работе, 22% респондентов сочли его необременительным, 24% – удовлетворены уровнем нагрузки в полной мере, 10% – могли бы взять на себя дополнительную нагрузку, 36% – хотели бы снизить нагрузку, 8% – с трудом справляются с работой. Данные результаты показывают, что большинство молодых людей г. Саратова (56%) справляются с нагрузкой на работе, т. е. можно сказать, что они удовлетворены этим.

Респондентам была предложена альтернатива: что бы они предпочли, если бы у них была материальная возможность не работать. Все равно стали бы работать 17,4%, 36,5% опрошенных, возможно, стали бы работать, 37,7% – скорее всего не стали бы работать, 8,4% – решительно отказались работать. В целом можно сказать, что большинство молодых саратовцев предпочли бы работать.

Что касается предпочтений в работе, то 98,5% респондентов хотели бы иметь высокооплачиваемую работу; 78,0% – интересную, творческую работу; 71,0% – надежную работу; 62,5% – работу, не вызывающую физического утомления, с хорошими условиями труда; 61,5% – работу, приносящую пользу людям; 58,5% хотели бы иметь свой собственный бизнес; 58,0% – работу, где руководство хорошо относится к персоналу; 55,5% – работу, где есть возможность сделать карьеру; 52,0% – работу, дающую возможность

улучшить жилищные условия, 51,5% – работу, где сложились хорошие отношения в коллективе; 49,5% – работу недалеко от дома; 35,5% – работу, обеспечивающую социальные льготы; 35,0% – работу, дающую возможность повышения квалификации (табл. 3). Полученные результаты говорят о том, что зарплата – главный мотивирующий фактор трудовой деятельности. Однако немаловажное значение имеют заинтересован-

ность в работе и уверенность в завтрашнем дне.

Среди методов поощрения за работу наиболее предпочтительным называется повышение заработной платы – 26,8%, 22,6% опрошиваемых выбрали также повышение в должности, 18,8% – признание заслуг со стороны руководства, 14,4% – помощь в приобретении жилья, 9,7% – возможность льготного лечения, 7,8% – возможность обучения и повышения квалификации (табл. 4).

Таблица 3

Предпочтения в работе

Категория	Частота	% к ответам	% к опрошенным
Работа, дающая возможность повышения квалификации	70	4,6	35,0
Работа, обеспечивающая социальные льготы	71	4,6	35,5
Работа недалеко от дома	99	6,5	49,5
Работа, где сложились хорошие отношения в коллективе	103	6,7	51,5
Работа, дающая возможность улучшить жилищные условия	104	6,8	52,0
Работа, где есть возможность сделать карьеру	111	7,2	55,5
Работа, где руководство хорошо относится к персоналу	116	7,6	58,0
Свой собственный бизнес	117	7,6	58,5
Работа, приносящая пользу людям	123	8,0	61,5
Работа, не вызывающая физического утомления, с хорошими условиями труда	125	8,1	62,5
Надежная работа	142	9,3	71,0
Интересная, творческая работа	156	10,2	78,0
Высокооплачиваемая работа	197	12,8	98,5
Всего	1534	100,0	767,0*

Примечание. *Сумма ответов не сводима к 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответов.

Таблица 4

Методы поощрения за работу

Категория	Частота	% к ответам	% к опрошенным
Возможность обучения и повышения квалификации	58	7,8	29,0
Возможность льготного лечения	72	9,7	36,0
Помощь в приобретении жилья	107	14,4	53,5
Признание заслуг со стороны руководства	140	18,8	70,0
Повышение в должности	168	22,6	84,0
Повышение заработной платы	200	26,8	100,0
Всего	745	100,0	372,5

Повышение в должности приносит моральное удовлетворение, а также подразумевает увеличение дохода. Это в очередной раз доказывает значимость материальной составляющей труда. Помимо материального важным для молодежи является моральное поощрение. Признание заслуг со стороны руководства повышает удовлетворенность трудом, поднимает самооценку, дает возможность ощутить свою значимость в трудовом коллективе.

В ходе анализа полученных данных было выявлено, что работа занимает третье место в структуре жизненных ценностей современной

саратовской молодежи. Она является инструментальной ценностью и служит способом материального обеспечения семьи. По результатам исследования был составлен рейтинг трудовых ценностей респондентов. Выявлено, что хороший заработок является приоритетной трудовой ценностью у молодежи. Также высокую значимость имеют комфортные условия работы, являясь важным фактором трудовой деятельности, от которого зависит результативность труда, трудоспособность работника, его физическое здоровье. Условия работы влияют на отношение к работе и степень удовлетворенности ею,

на эффективность производства в целом. Удобный, гибкий график работы входит в тройку главных трудовых ценностей. Это связано с активностью молодого поколения, желанием везде успеть, а также с получением образования.

Важной ценностью является и возможность карьерного роста, которая может обеспечить высокий и стабильный заработок, а в широком смысле – конкурентоспособность на рынке труда. Престиж профессии – наименее значимая трудовая ценность для молодежи. Это связано с тем, что происходит пересмотр индикаторов социальной значимости. На первый план выходит приоритет индивидуализма. Общественное мнение через престиж профессии является абстрактным, индикатором общественного признания в данном случае выступает заработная плата. Полученные данные свидетельствуют о том, что трудовые ценности современной саратовской молодежи носят прагматический характер.

Среди методов поощрения за работу наиболее предпочтительным является повышение заработной платы. Немаловажно для молодежи и повышение в должности, которое приносит моральное удовлетворение, а также подразумевает увеличение дохода. Это в очередной раз доказывает значимость материальной составляющей труда. Помимо материального, важным для молодежи является моральное поощрение. Признание заслуг со стороны руководства повышает удовлетворенность трудом, поднимает самооценку, дает возможность ощутить свою значимость в трудовом коллективе.

Качества, которыми, по мнению современной саратовской молодежи, должен обладать хороший специалист (ответственно относиться к работе, иметь профессиональное образование, соответствующее сфере деятельности, работать

УДК 316.3

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

А. М. Нагимова, М. Р. Зайнуллина

Институт управления, экономики и финансов
Казанского (Приволжского) федерального университета

E-mail: nagais@mail.ru, milyausha-zainul@list.ru, M. Zaynullina@tatar.ru

В статье рассматривается проблема оценки экономической ситуации в Республике Татарстан на основе анализа мнения населения об экономической ситуации в регионе и удовлетворенности материальным положением семьи.

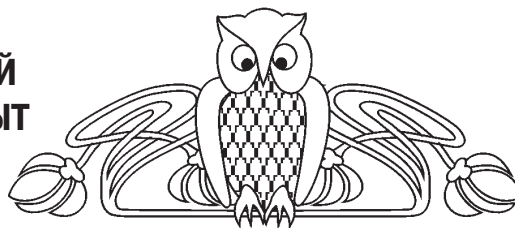
Ключевые слова: экономическая ситуация, инвестиции, инвестиционная привлекательность, оценка экономической ситуации, удовлетворенность материальным положением.

в коллективе, иметь хороший опыт работы в данной специальности), – конкретны, социально значимы и прагматичны. Вместе с тем если бы материальная составляющая предоставила возможность не работать, большинство молодых саратовцев предпочли бы работать.

В заключение хотелось бы отметить, что исследование трудовых ценностей молодежи является актуальным как для прикладных целей, так и для учебного процесса. Полученные данные могут быть использованы в службе занятости, так как это позволит более точно определиться с выбором профессии. Также эти данные актуальны для молодежной политики, поскольку могут способствовать оптимальному вовлечению молодого поколения россиян в трудовую деятельность.

Примечания

- 1 См.: *Делягин М. Г.* Программа выживания или стратегия развития? // *Свободная мысль*. 2000. № 10. С. 17–18 ; *Зубок Ю. А.* Феномен риска в социологии. М., 2007.
- 2 См.: *Климычев В. И., Максимов Б. И.* Рабочие в период реформ : положение, ориентации, коллективные действия // *Мир России*. 2002. № 11. С. 33–34.
- 3 См.: Динамика ценностей населения реформируемой России / отв. ред. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. М., 1996 ; *Лапин Н. И.* Социокультурный подход и социально-функциональные структуры // *Социс*. 2000. № 7. С. 41–42.
- 4 См.: *Самыгин С. И.* Социальные интересы и психологический облик рабочего класса. Ростов н/Д, 1992.
- 5 См.: *Щербакова Л. И.* Наемные работники в России : опыт социологического анализа. Ростов н/Д., 2001 ; *Она же.* Человек и наемный труд в современном российском обществе (институциональный и социологический анализ). Новочеркасск, 2000.

Public Assessment of the Economic Situation in the Republic of Tatarstan: Experience of Sociological Research

A. M. Nagimova, M. R. Zainullina

The problem of assessing the economic situation in the Republic of Tatarstan on the basis of the analysis of public opinion on the economic situation in the region and satisfaction with financial situation of the family.

Key words: economic situation, investments, investment attractiveness, assessment of the economic situation, satisfaction with financial situation.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-45-49

Одной из основных задач, стоящих перед федеральным правительством и администрациями регионов, является неукоснительное повышение качества жизни населения страны. В современных условиях перманентных экономических кризисов мирового масштаба сохранение и развитие уровня и качества жизни граждан становится довольно сложной задачей, решение которой без учета мнения самого населения является практически невозможным. В Республике Татарстан начиная с 2000 г. основной стратегической задачей обозначено повышение качества жизни населения, любые значимые социальные или экономические проекты реализуются с учетом данного обстоятельства. Руководство региона работает над повышением инвестиционной привлекательности республики, что, в свою очередь, является показателем экономической стабильности и социального благополучия.

Основными методами исследования явились следующие: анализ абсолютных и относительных величин статистических показателей; нахождение средних величин статистических показателей; анкетный опрос. Цель исследования – анализ экономической ситуации, а также материального благополучия простых граждан на основе социологического изучения мнения

населения в Республике Татарстан. Нами был проведен анкетный опрос населения с 2008 по 2013 г. во всех административных образованиях Республики Татарстан (N = 2186 на каждом этапе исследования)¹. За весь период наблюдений было опрошено 8744 человека. Выборочная совокупность сформировалась путем многоступенчатой районированной квотной выборки. Ошибка репрезентативности выборки составила 5%. Опрос проводился в режиме формализованного интервью. Были проанализированы статистические сборники по Республике Татарстан за 8 лет.

Современный Татарстан представляет собой динамично развивающийся регион Российской Федерации. Крупные социально-экономические проекты, реализуемые в республике, способствуют развитию экономического потенциала, создают более комфортные условия жизни для населения. Показательным является объем инвестиций, направляемых в экономику Татарстана. Общая динамика инвестиций за последние годы можно оценить как растущие вложения в экономику региона (незначительное снижение наблюдалось лишь в 2008–2009 гг., что связано с влиянием мирового экономического кризиса). Среднее значение темпа прироста инвестиций в экономику составил 19,24%² (рис. 1).

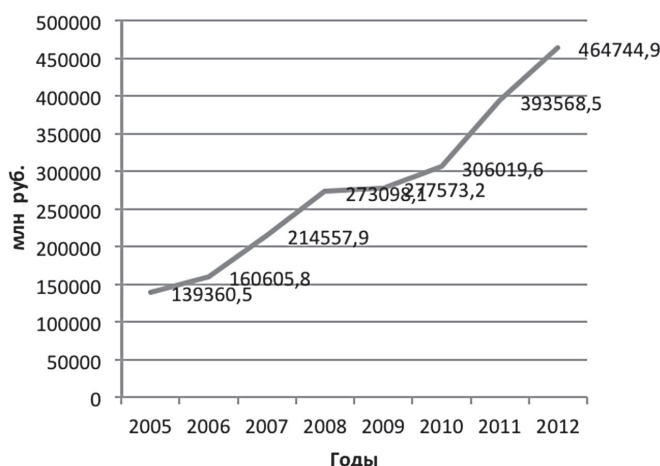

Рис. 1. Инвестиции в экономику Республики Татарстан за 2005–2012 годы

Следовательно, можно отметить, что мы находимся на этапе расширенного воспроизводства экономической системы, что доказывает инвестиционную привлекательность республики, а значит, активное ее развитие. Традиционно рост экономики сопровождается улучшением материального благополучия населения. Как отражаются позитивные результаты экономического развития республики на мнении населения?

Динамика общественного мнения относительно экономической ситуации в республике позволяет утверждать, что население в большинстве своем удовлетворено состоянием экономики. Так, более трети опрошенных (35,0%) считают его хорошим, 56,9% респондентов отметили

его удовлетворительное состояние. Лишь 8,1% участников опроса оценили экономическую ситуацию в республике как плохую. Если рассматривать оценки в динамике, то можем отметить, что мировой экономический кризис 2008 г. отразился в мнении населения с некоторым отставанием лишь в 2009 г. – 14,6% опрошенных оценивают экономическую ситуацию в республике как плохую (в 2008 г. доля таких респондентов составила 9,5%). Также сократилась и доля оценивших экономическую ситуацию как хорошую – с 35,0% в 2008 г. до 26,8% в 2009 г. (рис. 2).

Об этом же говорят и следующие данные: в 2009 г., по сравнению с 2008 г., доля респондентов, считающих, что экономическая ситуа-

ция в республике изменилась в худшую сторону, возросла почти в три раза и составила 30,9% (в 2008 г. – 10,8%), в то же время количество ответивших, что экономическое положение улучшилось, сократилось в два раза – 19,1% (в 2008 г. – 40,7%). Данные за 2010, 2013 гг. показывают, что, несмотря на постепенный рост позитивных оценок изменения экономического состояния, население более сдержанно оценивает сегодняшнюю экономическую ситуацию (рис. 3).

Выявляя причины ухудшения экономической ситуации в республике, население все больше связывает их с общемировыми эконо-

мическими процессами – почти каждый второй, ответивший на данный вопрос, отметил, что причиной ухудшения экономической ситуации является мировой экономический кризис, активизирующийся с той или иной интенсивностью и приобретающий все более глобальный характер (в 2013 г. – 48,1%, в 2010 г. – 56,4%, в 2009 г. – 56,2%, в 2008 г. – 31,1%). Вместе с тем в оценках респондентов все меньшая роль отводится политике государства как причине плохой экономической ситуации. Так, если в 2008 г. 48,4% респондентов считали, что, прежде всего, органы государственного управления своей неэффектив-

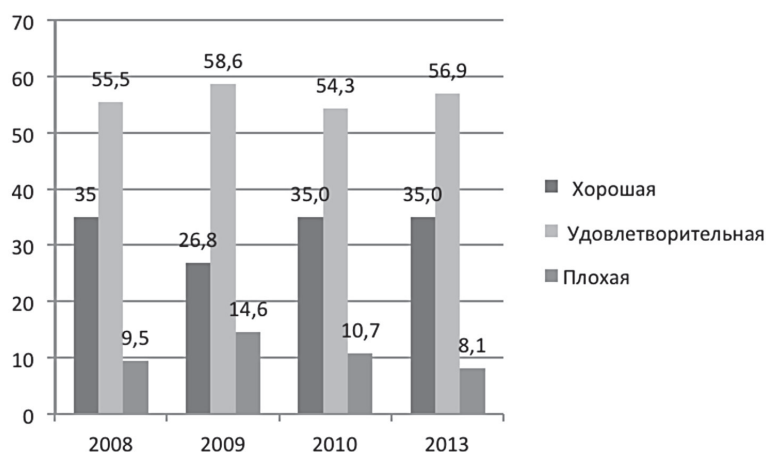

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как вы оцениваете нынешнюю экономическую ситуацию в месте Вашего проживания (городе, селе и т. д.)», %

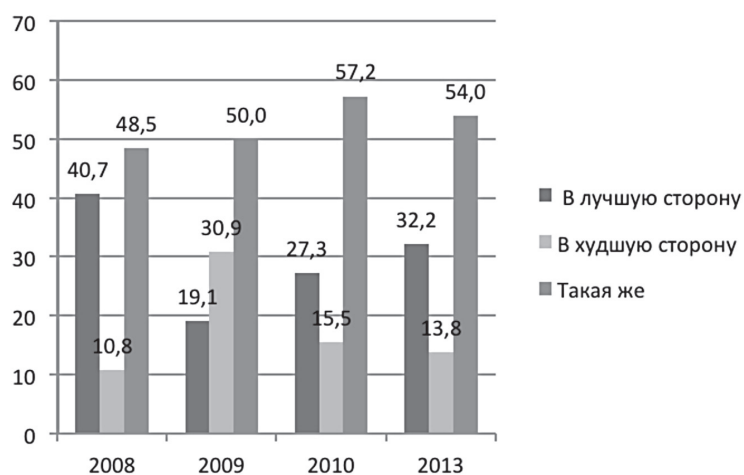

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Изменилась ли экономическая ситуация в Вашем городе (селе) за последний год?», %

ной работой способствуют ухудшению экономической ситуации, то в 2010–2013 гг. лишь около четверти опрошенных придерживались такой точки зрения.

Наблюдается возрастание доли респондентов, относящих причины плохого экономического состояния в область компетенций органов местного самоуправления и муниципалитетов:

«некомпетентное руководство в районе» – 14,7% в 2013 г. (в 2009 г. – 3,6%, в 2010 г. – 6,8%), «некомпетентное руководство в селе/городе» – 13,0% (в 2009 г. – 4,0%, в 2010 г. – 6,8%) (рис. 4).

По сравнению с другими субъектами Российской Федерации, социально-экономические условия жизни в Татарстане заметно лучше, считает большинство населения республики

(61,2%). Заметим, что за последние годы доля респондентов, придерживающихся данной точки зрения, становится все больше (в 2008 г. – 55,4%, в 2009 г. – 51,5%, в 2010 г. – 53,5%), а тех, кто оценивает социально-экономические условия в Татарстане как хуже, чем в других регионах, становится все меньше. Так, если в 2008 г. каждый десятый житель Татарстана (10,1%) выбрал данный вариант ответа, то в 2013 г. их доля сократи-

лась в два раза и составила 5,3% (рис. 5).

Одним из важнейших показателей социально-экономического положения региона является уровень жизни его населения, отражающийся в зоне личного комфорта граждан – материальном положении каждого человека и его семьи. В посткризисный период начиная с 2009 г. доля удовлетворенных материальным положением семьи имела тенденцию постепенного роста

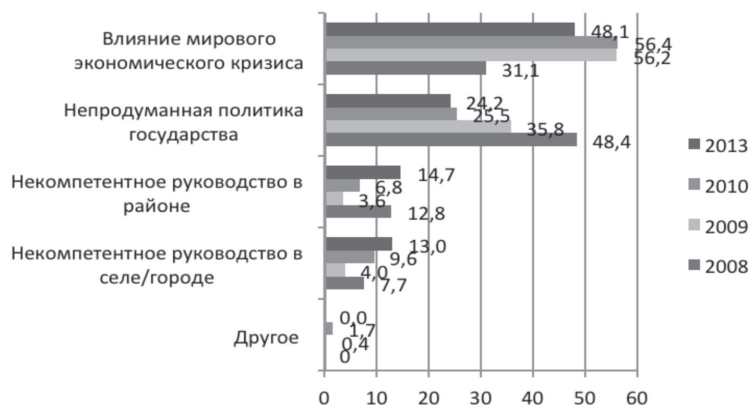

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Если ситуация изменилась в худшую сторону, то в чем причина?», %

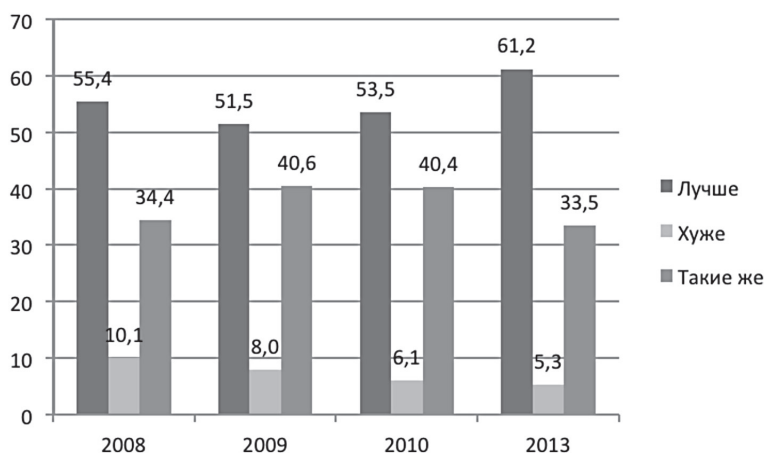

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы оцениваете социально-экономические условия жизни в Татарстане по сравнению с другими субъектами Российской Федерации?», %

(в 2008 г. – 44,7%, в 2009 г. – 41,8%, в 2010 г. – 44,6%, в 2013 г. – 53,6%). Вместе с тем в эти же годы возрастает и доля неудовлетворенных материальным положением (в 2008 г. – 42,1%, в 2009 г. – 43,4%, в 2010 г. – 46,3%). Лишь в 2013 г., ознаменовавшимся проведением Универсиады в Казани, повлекшим за собой активизацию рынка труда (особенно в сфере строительства) и повышением доходов населения, доля неудовлетворенных материальным положением семьи сократилась примерно на 10% и составила 35,7% (рис. 6).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, несмотря на сложную экономиче-

скую ситуацию в мировом масштабе, связанную, прежде всего, с поляризацией мирового пространства и усилением экономического кризиса, в целом Татарстану удается сохранить принятые темпы экономического развития. Вместе с тем население чувствительно реагирует на различного рода колебания в экономической ситуации, что с некоторой временной задержкой отражается в общественном мнении. Несмотря на довольно позитивную оценку экономической ситуации в республике, уже наметилось усиление критических оценок ситуации, особенно в зоне личного комфорта граждан.

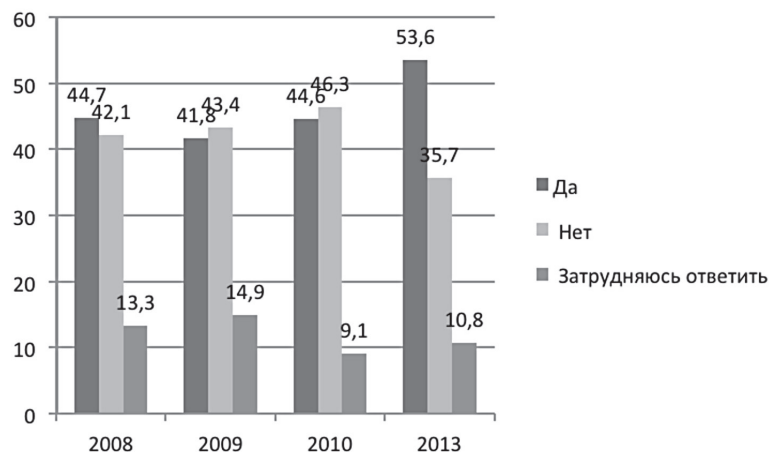

Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Удовлетворены ли Вы материальным положением своей семьи?», %

Примечания

- См.: *Нагимова А. М.* Удовлетворенность населения Республики Татарстан основными составляющими качества жизни и проводимыми социальными и экономическими реформами (сравнительный анализ за 2005, 2007, 2008, 2009, 2010 гг.). Казань, 2011. С. 80 ; *Сафиуллин М. Р., Нагимова А. М., Зайнуллина М. Р. [и др.]*. Доклад об основных тенденциях социально-экономического развития Республики Татарстан в 2012 году. Казань : Art&Fact, 2013. С. 86.
- См.: Республика Татарстан : стат. ежегодник, 2005 год. Казань : Татарстанстат, 2006. С. 433–436 ; Республи-

ка Татарстан : стат. ежегодник, 2006 год. Казань : Татарстанстат, 2007. С. 446–449 ; Республика Татарстан : стат. ежегодник, 2007 год. Казань : Татарстанстат, 2008. С. 421–425 ; Республика Татарстан : стат. ежегодник, 2008 год. Казань : Татарстанстат, 2009. С. 453–456 ; Республика Татарстан : стат. ежегодник, 2009 год. Казань : Татарстанстат, 2010. С. 477–479 ; Республика Татарстан : стат. ежегодник, 2010 год. Казань : Татарстанстат, 2011. С. 451–453 ; Республика Татарстан : стат. ежегодник, 2011 год. Казань : Татарстанстат, 2012. С. 472–476 ; Республика Татарстан : стат. ежегодник, 2012 год. Казань : Татарстанстат, 2013. С. 257–259.

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК 316.422.42

ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

И. Н. Юренков

Саратовский государственный университет
E-mail: www.igor1992@gmail.com

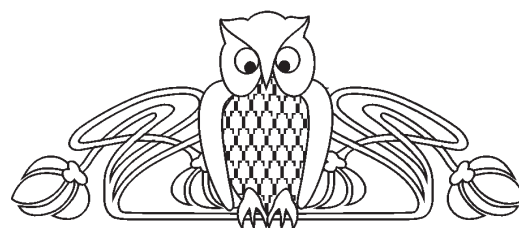
В статье рассматриваются основные научные трактовки понятия «социальная стабильность», проводится их сравнительный анализ, раскрываются основные характеристики, структурные и функциональные факторы социальной стабильности.

Ключевые слова: социальная стабильность, социальное пространство, проблема стабильности, представление о стабильности.

Factors of Social Stability: Historical Experience of Theoretical Reflection

I. N. Yurenkov

In the article the basic scientific interpretation of the notion «social stability», conducted a comparative analysis, reveals the basic char-

acteristics, structural and functional factors of social stability, a model of stability.

Key words: social security, social space, stability issue, idea of stability.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-49-52

Ускорение и глобализация социальных изменений, необходимость повышения эффективности предпринимаемых мер по обеспечению социального и экономического развития страны обуславливают актуальность темы стабильности в современном российском обществе. Сегодня, в XXI в., в мире с меняющимися приоритетами и жизненными целями, приходится значительно больше, чем раньше, уделять внимания стабильности социального пространства, которая становится залогом социального роста.

Исследование проблемы социальной стабильности в мировой научной мысли имеет долгую и богатую историю. Достаточно вспомнить, что еще древнегреческие протосоциологи осмыслили категорию стабильности в координатах хаоса и порядка. Так, Платон определял признаки общественной стабильности и «порядка» как принцип организации социального пространства: «Небо и землю, богов и людей объединяют общение, дружба, порядочность, воздержанность, справедливость, по этой причине они и зовут нашу Вселенную “порядком”, “космосом”, а не “беспорядком”...»¹ Рассматривая понятие стабильности в координатах порядка и мирного сосуществования, Платон отмечал, что «самое лучшее – это не война, не междоусобия: ужасно, если в них возникнет нужда; мир же – это всеобщее дружелюбие»². Также Платон указывал на важность таких ориентиров стабильности социума, как справедливость и воздержанность: «Такою мне представляется цель, которую надо видеть перед собой в течение всей жизни, и ради нее не щадить сил – ни своих, ни своего города, – чтобы справедливость и воздержанность стали спутницами каждого, кто ищет счастья; да, так надо поступать, а не давать волю необузданным желанием, не торопиться их утолять, потому что это нескончаемое зло, это значит вести жизнь разбойника»³.

Диоген к основным координатам стабильности в социальном пространстве присовокупил порядок и закон: «Порядок в государстве бывает тройкого рода. Во-первых, если законы хороши, мы говорим, что царит порядок. Во-вторых, если граждане подчиняются тем законам, какие есть, мы тоже говорим, что царит порядок. В-третьих, если и без законов государственная жизнь идет хорошо, следуя нравам и обычаям, это мы тоже называем порядком. Таким образом, для порядка первое – это когда законы хороши; второе – когда существующим законам подчиняются; третье – когда государственная жизнь следует добрым нравам и обычаям». При этом хаос и непорядок в логике Диогена рассматривались как факторы дестабилизации социальной ситуации: «Непорядок в государстве бывает тройкого рода. Во-первых, если законы и о гражданах, и о чужеземцах дурны. Во-вторых, если существующим законам не подчиняются. В-третьих, если законов вовсе нет. Таким образом, для непорядка первое – это когда законы дурны; второе – когда существующим законам не подчиняются; третье – когда законов вовсе нет»⁴.

В эпоху Просвещения в представлениях о стабильности появляются координаты справедливости и несправедливости. Например, Гельвеций трактовал справедливость и закон как важные условия стабильности в социальном пространстве: «Справедливость предполагает установленные законы. Соблюдение справедливости предполагает наличие равных сил между

гражданами. Взаимный и благотворный страх заставляет людей быть справедливыми друг к другу. Если страх этот перестает быть взаимным, то справедливость станет достойной наградой добродетели, но это значит, что законодательство содержит в себе известные недостатки. Совершенство законодательства предполагает, что человек вынужден быть справедливым»⁵. Поиску наиболее эффективных средств и методов достижения социального порядка и стабильности были посвящены труды Н. Макиавелли, который считал законодательство важным фактором поддержания единства и стабильности общества. С созданием эффективной законодательной базы, отвечающей интересам большинства населения, связывали проблему стабильности Ш. Монтескье, И. Кант и др.

Важным этапом изучения проблемы стабильности социального пространства стал XIX в., когда бурное развитие капиталистических отношений привело к различного рода социальным потрясениям. Образ стабильного развивающегося общества пронизывает эволюционизм О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, диалектическую теорию Г. Гегеля и К. Маркса. Сбалансированность и гармония содержания деятельности социальных институтов и интересов людей, высокий уровень интеллектуального развития отдельных индивидов и общества в целом, необходимость динамического равновесия между производительными силами и производственными отношениями рассматривались в качестве основных координат стабильности.

Особенно актуальны сегодня взгляды Конта на факторы гармонии в обществе и его стабильности. Говоря о социальной статике и социальной динамике, нельзя не отметить соотношение двух узловых понятий в социологии Конта – порядка и прогресса. Они являются главными проявлениями общественного целого. Первый больше присущ социальной статике, второй – социальной динамике. Конт формулирует девиз позитивизма: порядок и прогресс. Прогресс для Конта оказывается, прежде всего, развитием порядка. Французский социолог выступает как автор теории, в которой различаются и анализируются четыре вида прогресса: материальный, физический, интеллектуальный и моральный. Последний больше всего способствует поддержанию порядка, совершенствованию общества и человека. Система человеческого совершенствования включает в себя последовательные четыре ступени, соответствующие видам прогресса. Это вначале материальное, затем физическое, вслед за ним интеллектуальное и наконец моральное (нравственное) совершенствование. Другими словами, выстраивается своего рода иерархия видов общественного прогресса и человеческого совершенствования. Социальное назначение правительства, с точки зрения Конта, состоит в том, чтобы предупреждать эту фатальную склон-

ность к коренному расхождению в идеях, чувствах и интересах, которая, будучи неизбежным результатом самого принципа человеческого развития, могла бы, если бы она не встречала на своем пути препятствий, неизбежно привести к остановке социального прогресса⁶. Государство, таким образом, оказывается блюстителем общественного порядка и органом социальной солидарности.

Естественно, что проблема социальной стабильности всегда находилась в центре теоретического поиска и отечественной социальной мысли. Наиболее остро вопрос о социальной стабильности встал перед Россией в конце XVIII – начале XIX в. Выдающийся государственный деятель этого периода М. М. Сперанский одной из базовых координат социальной стабильности считал обеспечение безопасности личности, защиты собственности и чести каждого. Для достижения этой цели, по его мнению, необходимо было обеспечить права и свободы россиян. Он различал гражданские и политические права, причем если политическими правами обладали только собственники, то гражданскими правами, по его мнению, следует наделить всех подданных Российской империи, а значит, крепостное право должно быть уничтожено. Кроме того, для достижения стабильности социального пространства должны быть усовершенствованы законы, исходящие из одного начала, постоянные и неизменные, а также должна действовать система разделения властей («законодательная, исполнительная и судебная»), подчиненных державной власти императора.

Несколько иную концепцию, определившую новые координаты стабильности социального пространства в середине XIX в., предложил министр народного просвещения в правительстве Николая I С. С. Уваров, сформулировав знаменитую формулу: «Православие, самодержавие, народность». Россия, согласно этой концепции стабильности, – самобытная страна, в основе которой лежат: самодержавие – единственная форма правления, которую поддерживает русский народ; православие как исконное воплощение его духовности и надежная опора единовластия монарха, а также народность, неразрывно связующая самодержца и общество.

Проблема стабильности социального пространства была также затронута видными социальными писателями своего времени А. С. Хомяковым, Ю. Ф. Самариным, С. Т. и К. С. Аксаковыми, И. В. и П. В. Киреевскими. Они считали, что наиболее стабильной в политическом и социальном плане была допетровская Русь. В качестве одной из базовых координат стабильности в социальном пространстве они считали общину, которая, по их мнению, обеспечивала гармонию и согласие в обществе, провозглашая нормой жизни превосходство интересов целого над частными интересами отдельной

личности. Также в ряду важнейших координат социальной стабильности они рассматривали православие, которое представлялось духовной основой социальной стабильности. Значимая роль в этой системе координат принадлежала государству, которое должно было служить интересам общества, не нарушая его независимости в решении важных для него вопросов.

В начале XX в. проблему стабильности социального пространства в своих трудах поднимает известный социальный философ И. А. Ильин. Одной из основных координат стабильности социального пространства он считал сильную государственную власть, полагая, что достижение стабильности возможно тогда, когда государственная власть принадлежит и применяется только на основе правового полномочия, является единой, осуществляется лучшими людьми, а реализуемые политические программы включают в себя только такие меры, которые преследуют общий интерес.

По мысли одного из известнейших русских социологов П. Сорокина, «социальное пространство есть некая вселенная, состоящая из народонаселения Земли. Там, где нет человеческих особей или же живет всего лишь один человек, там нет социального пространства или вселенной, поскольку одна особь не может иметь в мире никакого отношения к другим. Он может находиться только в геометрическом, но не социальном пространстве. Соответственно, определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает определить его отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за такие «точки отсчета»⁷.

Сегодня различные аспекты достижения стабильности социального пространства, системы социального партнерства, социального положения индивида, государственной социальной политики представлены в работах Л. И. Абалкина, А. Г. Асмолова, Т. И. Заславской, Г. В. Осипова, Е. М. Примакова, В. А. Ядова и др. Они исследуют различные типы, особенности и характеристики социальной стабильности: политическую, социально-экономическую, социально-психологическую и др. В частности, политическая стабильность трактуется как снижение социальной напряженности в обществе и достижение на основе компромисса интересов разных социальных групп национального согласия по вопросам выбора пути развития страны. Социально-экономическую стабильность связывают, прежде всего, с устойчивым состоянием социальной системы общества, позволяющим ей функционировать и развиваться, своевременно заменяя устаревшие экономические и социальные формы новыми, отвечающими изменившимся общественным потребностям, переменам во внутреннем и внешнем положении страны. Векторы социально-психологической стабильности ориентированы на

такое направление развития общества, которое характеризуется прогрессивными изменениями отдельных социальных сообществ, групп и индивидов, непротиворечивостью межгрупповых взаимодействий, переходом от менее совершенного состояния к более совершенному, причем источником этого прогресса выступают человеческие потребности, мотивы и интересы, их удовлетворение.

Подводя итог нашему краткому обзору становления теоретических представлений о социальной стабильности в западной и отечественной социальной мысли, нужно выделить некоторые базовые моменты.

Социальная стабильность, по мнению большинства мыслителей, – это порядок, равновесие, постоянство. Главный признак стабильности – способность возвращаться в состояние равновесия в случае вынужденных отклонений. Главным фактором стабильности, как ни парадоксально это выглядит, авторы, принадлежащие к совершенно разным, даже противоположным полюсам научного мировоззрения, считают го-

сударство как гаранта прочности состояния социальной системы общества, позволяющие ей устойчиво функционировать и развиваться.

Примечания

- 1 Платон. Горгий // Сочинения в 3 т. : пер. с древнегреч. / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. Т. 1. М. : Мысль, 1968. С. 341.
- 2 Платон. Законы // Там же. Т. 3. Ч. 2. С. 90.
- 3 Платон. Горгий. С. 340–341.
- 4 Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Ин-т философии АН СССР ; общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева. М. : Мысль, 1979. С. 179.
- 5 Гельвеций. Сочинения : в 2 т. / сост. и общ. ред. Х. Н. Момджяна. М. : Мысль, 1974. Т. 2. С. 198.
- 6 См.: Сен-Симон А., Конт О. Катехизис промышленников, или система позитивной политики. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. С. 132–135.
- 7 Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М. : Политиздат, 1992. С. 298.

УДК. 316.347

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А. А. Калинин

Саратовский государственный университет
E-mail: naiperlit347@gmail.com

В статье представлены проблемы роли языка в процессе социализации с точки зрения радикального и социального аспектов конструирования социальной реальности. Показано, что символическая природа языковых знаков обуславливает создание смыслов для осуществления взаимопонимания в процессе социализации. Особое внимание уделено социальной обусловленности языковых функций в когнитивном аспекте конструирования социальной реальности.

Ключевые слова: социальный и радикальный конструктивизм, социализация, символы и смыслы, языковой знак.

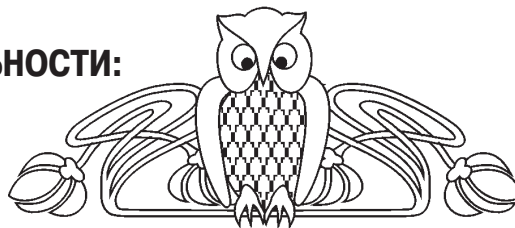
The Construction of Social Reality: Socio-Linguistic Aspect

A. A. Kalinkin

This article presents the problems of language role in the process of socialization, from the points of radical and social aspects of social reality construction. It is shown that the symbolic nature of language signs governs the creation of meanings to implement mutual understanding in the process of socialization. Special attention is paid to social conditionality of language functions in cognitive aspect of construction of social reality.

Key words: social and radical constructionism, socialization, symbols and meanings, language signs.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-52-55

Социальное конструирование реальности означает, что действительность представляет собой человеческий конструкт, а реальность подразумевает только ту действительность, которая воспринимается людьми. В то же время слово «социальное» указывает на то, что для конструирования реальности необходимым условием является факт человеческого взаимодействия. В пределах социума конструирование представлено следующим образом: социальное конструирование реальности, в котором действительностью является природа и подразумевается навык интеракции с внешним миром (состоящим из физических предметов), и конструирование социальной реальности, где речь идет о создании особого типа реальности – intersubjectивной коммуникации.

С точки зрения социального конструктивизма, люди могут совместно конструировать реальность, а проблема соответствия конструктов реальному миру не является существенной – имеет значение лишь то, как она принимается социумом. Тот факт, что эти конструкты эффективно решают практические задачи, позволяет им успешно воспроизводиться и использоваться социумом¹.

В отличие от социального конструктивизма, сконцентрированного на механизмах создания реальности, радикальный конструктивизм сосредоточен на решении эпистемологических проблем. Радикальный конструктивизм постулирует то, что социум накладывает на мир «матрицу», создавая конструкты в соответствии со своей организацией². При этом конструкт представляет собой активность субъекта и/или ее следствие; то, что побуждает возникновение чего-то нового, в отличие от того, что создает окружающая действительность.

Конструирование социальной реальности происходит в основном посредством символов и знаков. Следовательно, социум является абстракцией, созданной людьми для личного комфорта, теоретической структурой; в то же время не стоит отрицать возможности данного конструкта воздействовать на сотворивших его субъектов. Это означает, что индивиды, лишённые возможности познать настоящую действительность, не могут находиться в бессмысленном мире и, как следствие, вынуждены конструировать действительность в своем сознании. Радикальный конструктивизм предполагает, что индивиды «воображают» закономерности мира, игнорируя тот факт, что сами ответственны за их формулировку. Более того, Вселенная, в которой мы находимся, которую изучаем и конструируем, характеризуется сравнительной стабильностью³.

Следует отметить, что стабильность восприятия мира каждым отдельным человеком обусловлена индивидуальным опытом и обстоятельствами. При нормальном существовании человек не может избежать взаимодействия с другими людьми, поэтому для достижения стабильной интеракции ключевой задачей является установление взаимопонимания.

А. Шюц утверждает невозможность полноценного понимания чужого подразумеваемого смысла, но в то же время подчеркивает значимость умения человека поставить себя на место другого. Особо следует отметить, что действительность может быть символической. Отличительными чертами символической действительности являются: «примирение» с различными опытами трансцендентальности, адаптация к ним, онтологическая безопасность, контроль над существованием, защита от беспорядка и страха перед смертью. Действительность знаков и символов доступна нашему пониманию и мы неустанно практикуем интерпретации, придавая им свои смыслы⁴. Интерес представляет высказывание Э. Фегелина о том, что социум – это «маленькая Вселенная, микрокосм, светом в котором является смысл людей, они неустанно создают его в себе как метод и обстоятельство самореализации»⁵.

При формировании социальной реальности смысл побуждает людей создавать типизации, ритуалы и традиции, что, в свою очередь, детер-

минирует роль языка как основного механизма, содержащего все накопленные научные и культурные данные, передающиеся из поколения в поколение. Таким образом, язык представляет собой как возникший конструкт, так и средство управления и передачи смыслов. Конструктивная функция языка, дающая возможность осуществлять когнитивные действия как источники абстракций и типизаций, составляющих повседневный опыт, обеспечивает межличностную интеракцию, в результате которой образуются социальные конструкты, значимые для существования социума. Язык является универсальным виртуальным пространством конструирования социальной реальности и бытия человека – выучив его, индивид уже не способен не использовать язык и становится зависимым от него. Это подтверждает тот факт, что язык выступает механизмом функционирования каждодневной действительности, которая возникает в процессе коммуникации и пронизана разнообразными языковыми структурами. Несомненно, что язык – это самый универсальный инструмент конструирования социальной реальности как в когнитивном, так и в коммуникативном аспектах⁶.

Неразрывная связь языка и мышления непосредственно обуславливает его особую роль в осмыслении окружающей действительности. Гипотеза лингвистической относительности, разработанная в первой половине XX в. Э. Сепиром и Б. Уорфом, также известная как лингвистический детерминизм, утверждает, что наше мышление напрямую зависит от языка, которым мы овладаем в процессе социализации. Следует отметить, что до сих пор не существует единой точки зрения по поводу того, как особенности различных языков могут детерминировать мышление говорящих на них людей⁷.

Безусловно, язык – это нечто более важное, чем просто механизм познания и коммуникации, он присутствует во всех сферах жизни индивида и представляет собой «дом бытия»⁸. Установление социальных связей и овладение социальными ролями, осуществляемые языком как основным механизмом социализации, определяют диалектику интеракции эволюционного развития индивида и языка. Это означает симметричность развития социальных и языковых структур – например, постиндустриальные социумы обладают развитыми языковыми системами и, напротив, ограниченный спектр языковых структур характеризует недостаточно индустриально развитые сообщества⁹. Парадокс языка заключается в следующем: представляя собой только систему знаков, семантическую оболочку самосознания, язык имеет тесную связь с социальной интеракцией, знанием и практикой, являясь базой для социального конструирования реальности. Вместе с тем, если рассматривать язык как систему символов и знаков, нужно помнить об их значи-

мости и влиянии на индивида. Следовательно, можно заявлять, что любая знаковая система, независимо от того, откуда она появилась, наделена причиняющей силой по отношению к индивиду. Но язык – это не только система знаков, но и система символов: слова как знаки соединяют звуковую форму с экстралингвистическим содержанием, нуждаясь в конвенционализации и устанавливая взаимопонимание; слова как символы согласуют содержание интекста с содержанием контекста и нуждаются в интерпретации¹⁰.

Знаково-символическая действительность доступна интерпретации, и человек постоянно заполняет символы и знаки своими смыслами, конструируя собственную социальную реальность. Э. Халас указывает на социальное происхождение символизма, вопреки представлению о нем как о некоторой обособленной семио-лингвистической системе¹¹.

На социальный фундамент символов указывает П. Бурдьё, утверждая, что потенциал символов не заключается в них самих, но происходит из социальных обстоятельств – например, влияние, которое имеют слова чиновников, политиков, предпринимателей, клерков, преподавателей или священников, исходит, в первую очередь, из их социальных статусов¹².

В то же время нельзя игнорировать тот факт, что человек конструирует мир значений, но потом пытается скрыть семиотическую сущность действительности¹³. На это указывает и представитель радикального конструктивизма П. Ватцлавик, утверждающий, что рассмотрение вопроса о существовании какого-либо априорного смысла в мире нелепо: Вселенная не имеет смысла вообще¹⁴.

Язык также представляет собой конструкцию, существующую в виде системы и различных subsystem, относящихся к ней, и, вступая в мир, индивиды овладевают этой сложной системой с целью сосуществования в обществе. Эта система существовавшая не только из-за ее необходимости для общения, ее важность обуславливается тесной связью с высшими формами мыслительных процессов. По мнению А. А. Потебни, попав в «стройный мир» языка, люди не покидают его границ¹⁵.

Следует упомянуть еще один из аспектов конструирования социальной реальности – его неуправляемость. Вопреки тому факту, что в европейской философии давно преобладает мнение, по которому индивид может полностью понять только те действия, которые совершает сам, и то, что для него по своему характеру очевидно, основная проблема заключается в том, что индивиды не понимают своих действий и зачастую не имеют понятия, каков будет результат¹⁶.

Феноменологическое объяснение данного феномена основано на понятии «горизонта» –

надеясь и направляя свои действия, человек не должен полагать, что все случится в точности как запланировано, так как планирование всегда подразумевает «открытый горизонт значений», расширяемый по мере осуществления плана, и эти ожидания неизбежно имеют типизированный характер. Наши планы и ожидания создают широкий горизонт будущего жизненного опыта, и он не статичен, а, наоборот, динамически изменяется¹⁷.

Таким образом, конструирование социальной реальности – это сложный процесс, в котором конструкты детерминируют, а язык, посредством которого мы стремимся конструировать мир, контролирует наше мышление и миропонимание. Однако можно предположить, что конструкты, несмотря на то что сделаны бессознательно, приносят пользу, так как они адекватны потребностям социума, а язык, вопреки его многогранности и мощи, – всего лишь механизм коммуникации и социализации в процессе конструирования социальной реальности.

Примечания

- 1 См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 2005.
- 2 См.: Щюц А. Символ, реальность, общество // Щюц А. Избранное : Мир, светящийся смыслом : пер. с нем. и англ. М. : РОССПЭН, 2004. С. 456. (Сер. «Книга света».)
- 3 См.: Паниткова Э. Ю. Язык и речь – два уровня конструирования социальной реальности языковой личностью // Язык. Культура. Коммуникация : материалы и тез. Междунар. науч. конф. / под ред. Г. С. Трофимовой. Ижевск : УдГУ, 2009. С. 75–80.
- 4 См.: Щюц А. Указ. соч. С. 532.
- 5 Voegelin E. The New Science of Politics : An Introduction. The University of Chicago Press Books. URL: <http://press.uchicago.edu/ucp/books/book/chicago/N/bo3622811.html> (дата обращения: 15.05.2015).
- 6 См.: Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса : от психолингвистики к лингвосинергетике. М. : КомКнига, 2007. С. 46.
- 7 См.: Whorf B. L. Language, Thought and Reality : Selected Writings of Benjamin Lee Whorf / ed. John B. Carroll. N. Y. : Wiley, 1956.
- 8 Хайдеггер М. Время и бытие. М. : Республика, 1993. С. 199.
- 9 См.: Могилевич Б. Р. Социальные проблемы языка // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 23.
- 10 См.: Борботько В. Г. Указ. соч. С. 52.
- 11 См.: Halas E. Symbolism and Social Phenomena : Toward the Integration of Past and Current Theoretical Approaches // European Journal of Social Theory. 2002. № 3. P. 351–366. URL: <http://club.fom.ru/books/halas.pdf> (дата обращения: 15.05.2015).

¹² См.: Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 1991.

¹³ См.: Барт П. Миф сегодня // Барт П. Избранные работы : Семиотика. Поэтика : пер. с фр. М. : Прогресс ; Универс, 1994.

¹⁴ См.: Watzlavik P. Münchhausens Zopf. München : Piper Verlag GmbH, 1997.

¹⁵ См.: Потебня А. А. Язык и мысль. URL: http://destructioen.narod.ru/potebnja_mysl_i_jasyk.htm (дата обращения: 15.05.2015).

¹⁶ См.: Копылов А. В. Перевод как проблема философской герменевтики (Пролегомены к исследованию). Мурманск : МГПУ, 2008.

¹⁷ См.: Щюц А. Указ. соч. С. 530.

УДК 316.33

СОЦИАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА НА ИННОВАЦИОННЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ

А. В. Кудяев

Саратовский военный институт внутренних войск МВД России
E-mail: alex14011977@mail.ru

В статье дифференцированы и проанализированы концепции социальных гарантий в контексте новых требований перехода российского общества на инновационный путь развития. Представлен новый расширенный интегрированный подход к рассмотрению социальных гарантий, раскрыты сущность и содержание данной категории в рамках новой инновационной доктрины развития.

Ключевые слова: социальные гарантии, инновационное развитие, функциональные цели социальных гарантий.

Social Guarantees in the Conditions of Transition of the Russian Society on an Innovative Way of Development

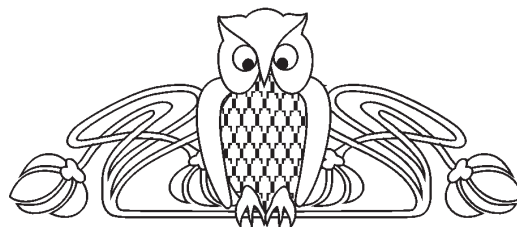
A. V. Kudyaev

The article concepts of social guarantees in a context of new requirements of transition of the Russian society on an innovative way of development are differentiated and analyzed. The new expanded integrated approach to consideration of social guarantees is presented, the essence and the maintenance of the given categories within the limits of the new innovative doctrine development is discussed.

Key words: social guarantees, innovative development, functional purposes of social guarantees.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-55-59

Население России, как и его отдельные профессиональные группы, нуждается в эффективной системе социальных гарантий, поддержке и защите. Возрастает необходимость анализа различных категорий населения, дифференциации социологических школ и концепций, анализирующих процессы социальных гарантий с различных методологических позиций. В условиях модернизации российского общества возрастает значение социальных гарантий субъектов, ведущих активную трудовую деятельность. Создается необходимо адаптировать систему социальных гарантий относительно трансформация системы социально-трудовой сферы, комплекса нетрудовой деятельности человека. Сегодня важно исследовать весь комплекс применяемых

инструментов социальных гарантий, призванных создать условия восстановления и развития трудового потенциала акторов в динамично изменяющейся социальной среде. Социальные гарантии, с одной стороны, призваны обеспечить рост эффективности социальной политики, направленной на защиту работников отдельных трудовых организаций и отраслевых объединений в целом, с другой стороны, позволят уточнить роль социальной защиты как инструмента повышения эффективности системы воспроизводства трудового потенциала работников в условиях перехода России на инновационный (динамичный) тип развития.

Подробный анализ научных источников показывает, что в социологических исследованиях сегодня не представлено единой позиции о сущности и содержании категории «социальные гарантии», не осуществляется теоретическое обоснование взаимосвязи социальной защиты, социальной политики, государственных социальных минимальных стандартов, развития трудового потенциала профессиональных сообществ отдельных организаций.

Для устранения данных теоретических пробелов дифференцируем социологические концепции, рассматривающие социальную защиту как социально-экономическую категорию, и проведем общий анализ основных групп данных теорий. Концепции, представляющие теоретическое обоснование процессов социальной защиты, можно условно сгруппировать по нескольким направлениям: 1) общетеоретическое; 2) институциональное. Рассмотрим данные направления подробнее.

Первая группа концепций – общетеоретические социологические теории социальной защиты. Основными представителями данной группы являются В. М. Корякин, А. В. Кудашкин, К. В. Фатеев, Л. Л. Попов, Ю. И. Мигачев, С. В. Тихомиров, В. В. Маркелов.

В общетеоретическом контексте исследователи рассматривают социальную защиту как форму реализации социальных гарантий населе-

ния, осуществляющейся на основе разработанных и принятых государственных социальных стандартов общественной жизнедеятельности. Социальная защита осуществляется в рамках распространяющихся гарантий на те или иные группы населения. Здесь социальные гарантии рассматриваются как «материальные, духовные и юридические условия и средства, обеспечивающие гражданам возможность пользоваться установленными законодательством правами и свободами»¹. Социальные гарантии представляют собой форму проявления государственных минимальных социальных стандартов. При этом последние представляют собой систему установленных законодательно качественных и количественных социальных нормативов, определяющих систему социальных гарантий населения и отдельных групп работников². В контексте данного подхода социальные гарантии должны быть достаточными для удовлетворения основных потребностей работника, определяемых социальными и экономическими условиями жизнедеятельности.

Конкретные социальные гарантии предоставляются преимущественно государством и ведомственными структурами. Они направлены на соблюдение социальных прав населения и действуют по отношению к определенным категориям граждан общества, а также к различным его профессиональным группам. Социальные гарантии обеспечиваются в результате функционирования: государственной власти, системы местного самоуправления, ведомств, конкретных организаций. Социальная защита различных групп населения осуществляется в рамках официально принятой системы социальных гарантий, определенных как совокупность материальных и «юридических средств, обеспечивающих реализацию конституционных социально-экономических и социально-политических прав членов данного общества (право на труд, образование, медицинскую помощь и т. д.)»³. В рамках данного подхода В. М. Корякин, А. В. Кудашкин, К. В. Фатеев предлагают рассматривать социальные гарантии как «совокупность объективных и субъективных факторов, условий и средств, направленных на реализацию социальных прав военнослужащих и их семей»⁴. Л. Л. Попов, Ю. И. Мигачев, С. В. Тихомиров конкретизируют данный подход и доказывают, что социальные гарантии необходимо рассматривать как предпосылку процесса реализации социальной защиты. На уровне отдельных профессиональных групп социальная защита осуществляется на основе установленных законодательством специфических профессионально-служебных прав, предусматривающих определенные преимущества тех или иных профессиональных групп (например военнослужащих и членов их семей) «перед другими гражданами в различных сферах общественной жизни»⁵.

Таким образом, в рамках общетеоретических доктрин социальные гарантии рассматриваются как механизм обеспечения социальной защиты, принятый государством по отношению к населению в целом или к той или иной профессиональной группе. Социальные гарантии населения и отдельных профессиональных групп работников представляют собой качественную характеристику общего перечня государственных минимальных социальных стандартов – системы установленных законодательно качественных и количественных социальных нормативов, реализация которых и осуществляется при обеспечении социальных гарантий населения. В рамках данного подхода социальные гарантии понимаются преимущественно как двойственное явление. С одной стороны, это форма поддержания стабильности положения населения в целом, предоставление им определенных государственных минимальных стандартов жизни и прав. С другой стороны, социальные гарантии представляют собой компенсирующие услуги государства, ведомств, отдельных организаций, позволяющие работникам и членам их семей возместить понесенные затраты, связанные с исполнением ими обязанностей, определяемых профессиональной деятельностью.

Данный подход ограничивается узкой формулировкой сущности социальных гарантий. Авторы абстрагируются от раскрытия широкого аспекта содержания данного явления, узко рассматриваются предпосылки и функции системы социальных гарантий. При этом сущностное проявление социальных гарантий раскрывается преимущественно в контексте практик социальной благотворительности, социальной ответственности, гуманизма института государственной власти. Аспект прагматизма, социально-экономической результативности процесса обеспечения социальных гарантий данные теории не рассматривают.

Рассмотрим вторую группу концепций – институциональные парадигмы социальных гарантий. Теоретическое исследование данной категории в институциональном контексте имеет длительную историю и находит свое отражение в работах следующих ученых: Т. Баландиной, О. Бессоновой, Ю. Быченко, Э. Гидденса, Т. Дыльновой, Т. Заславской, З. Котельниковой, С. Кирдиной, Н. Манохиной, А. Олейник, М. Покровской, В. Радаева, Р. Рывкиной.

Социальные гарантии данными исследователями рассматриваются в рамках общей системы становления и формирования социальных институтов и институциональных форм общества⁶. Социальные гарантии представляют собой социальный институт, так как являются результатом совместных социальных действий субъектов, которые повторяются⁷. О. Бессонова обосновывает изменение содержания и смысла

основных институтов социальной структуры российского общества. В рамках реорганизации собственности, политических преобразований выстраиваются принципиально новые социальные отношения, влияющие «на последующий цикл развития»⁸. Комплексно изменяется система социальных гарантий, социальной защиты, социальных отношений, формируется новая институциональная роль государства, направленная на обеспечение социального развития общества. В новых условиях становление ценностных ориентаций государства связано с обновлением форм организации социально-экономической жизни человека, стремлением к обеспечению устойчивых социальных гарантий его жизнедеятельности⁹. В основе этих процессов лежат не только стимулируемые импульсы сверху, но и огромное множество механизмов поддержания социальных гарантий на ведомственном и организационном уровнях. Последние стремятся, помимо обеспечения оптимальных условий воспроизводства акторов труда, сформировать инновационный стиль взаимодействия социально-экономических субъектов труда. Государство, ведомства, отдельные организации нацелены «реализовать свои интересы в рамках той свободы выбора, которую оставляют ему ресурсные, институциональные и культурные ограничения»¹⁰. В новых условиях формируется множество социальных механизмов, акцентирующих внимание на том, чтобы обеспечить оптимальные условия создания материальных благ, человеческого потенциала, услуг для эффективного воспроизводства человеческой жизнедеятельности¹¹. Поэтому можно констатировать, что социальные гарантии представляют собой элемент социального механизма внешней институционализации¹². Его развитие происходит через систему институциональных обменов между государством и отдельными институтами общества. Государство, органы местного самоуправления, ведомства, организации, осуществляя взаимодействия с социумом, реализуют двойственный процесс: с одной стороны – защиту социальных прав граждан, с другой – инвестируют процесс саморазвития общественно необходимых характеристик трудового потенциала, т. е. создают условия для «самопроизводства человеческого капитала в процессе жизнедеятельности его носителя»¹³. В данном случае воспроизводство новых социальных институтов в общественных системах реализуется как ответная реакция на вызовы различных внешних факторов¹⁴.

В настоящее время можно также выделить отдельное институциональное направление, рассматривающее социальные гарантии в контексте проявления социальной справедливости. Социальная справедливость в рамках данного подхода определяется через раскрытие характера распределения социальных прав и

обязанностей в конкретных условиях исторического развития¹⁵. М. Покровская в этой связи доказывает, что социальная справедливость в новых условиях проявляется в результате предоставления государством определенного набора социальных гарантий и должна осмысливаться в качестве предпосылки для принятия изменений в области всех систем социального конструирования¹⁶. На основе социологических исследований проблем, связанных с социальной справедливостью, несложно выявить не только базовые общественные социальные нормы, а также социальные права защиты населения, но и противоречия распределения ресурсов, приводящие к социальной деструктивности развития. Наличие (или отсутствие) последних показывает соответствие (или несоответствие) действующих социальных норм, прав, практик распределения ресурсов потребностям общества и целям базовых общественных институтов. Данная оценка и должна помочь выявить проблемы социального развития и предложить пути совершенствования социальной политики в тех или иных исторических условиях.

Таким образом, в рамках институциональной доктрины социальные гарантии представляются как проявление социальных прав граждан. Институты регулируют социальные отношения в обществе и способствуют социальной интеграции отдельных организационных структур. Характер разработки и применения системы социальных гарантий в различных обществах зависит и определяется спецификой его институциональной структуры. Весь комплекс процесса разработки системы социальных гарантий, ее количественные и качественные характеристики направлены на реализацию их общественных функций, наиболее важные из которых – экзистенциальная и социально интегрирующая. Экзистенциальная функция связана и определяет удовлетворение базовых социально значимых потребностей субъектов общества на минимально допустимом уровне (последнее создает условия институционального обеспечения реализации основных социальных прав населения). Социально интегрирующая функция связана и определяет сплоченность отдельных субъектов общества на основе поддержания норм потребительной солидарности, а также субсидиарности. Здесь в основу социальных гарантий закладываются основные группы потребностей, являющиеся наиболее важными (базовыми) для выживания социальных субъектов. Удовлетворение (неудовлетворение) данных базовых групп потребностей позволяет оценивать успешность (неуспешность) не только социальной защиты, но и всей системы социализации человека в обществе. Последняя в целом определяет необходимость и эффективность социальной интеграции акторов в обще-

ство. В рамках данного подхода представляется широкая трактовка социальных прав, которые рассматриваются как гарантия предоставления всем членам общества минимально возможного комплекса и объема социально гарантированных благ, а также услуг. Основные усилия исследователей направлены на выявление оптимального способа формирования системы социальных гарантий, уточнения параметров необходимых государственных социальных минимальных стандартов. Определяется соотношение механизмов социальных гарантий и характеристик основных институтов общества.

Таким образом, институциональный подход, раскрывая сущность социальных гарантий, опирается на раскрытие процессов разработки и понятия социально значимых «норм» на основе уточненных минимально необходимых индивидуальных потребностей. Доказывается, что социальные гарантии должны фиксировать социально значимые «нормы» на основе минимально необходимых индивидуальных потребностей. Реализация социальных гарантий позволяет создавать максимально возможные условия оптимального развития общества. Данный подход расширительно трактует социальные гарантии. В то же время нет четкого уточнения влияния социальных гарантий на формирование основного факторного ресурса общества в форме трудового потенциала. Ориентация на достижение социального развития в абстрактных формах не позволяет авторам концентрироваться на основных приоритетах социальных гарантий в условиях перехода на инновационный тип развития современного российского общества.

Таким образом, представленный анализ различных концепций показывает, что ученые, хотя и рассматривают содержание социальных гарантий с различных методологических позиций, все же имеют общие точки соприкосновения. Для преодоления недостатков вышепредставленных концептуальных направлений необходимо выработать интегрированный подход к понятию и содержанию категории «социальные гарантии».

В рамках интегрированного подхода социальные гарантии представляют собой законодательно закрепленную систему мер, обеспечивающую условия получения минимального реального дохода, а также распространение гарантий на все социально значимые для субъектов ресурсы, связанные с получением социально необходимых минимальных наборов благ и услуг, обеспечивающих удовлетворение базовых потребностей в питании, одежде, жилье, образовании, здравоохранении, труде, передвижении. Социальные гарантии устанавливаются государством и закрепляются в форме законодательной системы специальных нормативов, в результате чего достигается цель социальной

защиты населения по основным компонентам их социальных прав.

По сути, социальные гарантии реализуются в результате закрепленной системы мер, проводимых государством, ведомствами, отдельными организациями на местах в различных областях жизни; являются базовым социальным институтом интеграции; выражают в конкретных исторически обусловленных нормативах минимальные социальные права и трудовые возможности общественных субъектов; имеют сложную систему содержательного проявления.

С одной стороны, социальные гарантии – это совокупность социальных норм, направленных на соблюдение прав населения в рамках законодательно принятой системы государственных минимальных социальных стандартов, обуславливающих обеспечение качественных и количественных социальных нормативов жизнедеятельности каждого члена общества. Соблюдение социальных прав населения, хотя и осуществляется на основе законодательно (или административно) принятых норм социальных гарантий, но реализуется дифференцировано относительно различных категорий граждан общества.

С другой стороны, социальные гарантии направлены на обеспечение условий восстановления и частичного саморазвития трудового потенциала акторов труда. Поэтому они должны быть достаточными для удовлетворения основных потребностей работника и его семьи, определяемых социальными и экономическими условиями их жизнедеятельности. Гарантии здесь направлены на создание благоприятных условий для работников и членов их семей, способствующих эффективному выполнению ими своих должностных и специальных обязанностей, удовлетворению (на минимальном уровне) возникающих социальных потребностей, а также реализации собственных профессиональных интересов. Обеспечение условий простого воспроизводства трудового потенциала обеспечивается через эффективную систему социальных гарантий. Реализация последнего осуществляется через конкретизацию системы социальных гарантий, направленных на удовлетворение базовых потребностей (в питании, одежде, жилье, образовании, здравоохранении, труде, передвижении). Обеспечение минимального уровня удовлетворения базовых потребностей позволяет восстанавливать базовые способности к труду (функциональный непосредственный трудовой потенциал). Данное восстановление обеспечивается повышением деятельной активности трудового субъекта, что и представляет собой базовый фактор социальной интеграции (или, наоборот, эксклюзии) человека в общество.

Необходимо согласиться с исследователями институциональной социологической школы в том, что социально гарантируемый уровень удовлетворения потребностей человека в питании,

одежде, жилье, образовании, здравоохранении, труде, передвижении определяет, прежде всего, условие неизменного (простого) социального воспроизводства населения. В данном контексте можно заметить, что социальные гарантии зависят от характеристик и уровня развития общественной экономики, эффективности общественного труда, а также от качественных показателей развития общественной институциональной системы. По мере развития общества расширяется спектр и охват потребностей системой социальных гарантий. На уровне развивающихся стран социальные гарантии, как правило, ориентированы на первую и вторую группу потребностей: питание и одежда. Дальнейшее развитие постепенно расширяет систему социальных гарантий на вторую треть базовых потребностей – жилье. Современные развитые страны имеют развитую институциональную систему, определяющую социальные гарантии на весь комплекс базовых социальных потребностей: питание, одежда, жилье, образование, здравоохранение, труд, передвижение. Формирование устойчивой системы социальных гарантий, ориентированной на эффективное удовлетворение на минимальном, но социально значимом уровне всех базовых потребностей, говорит об эффективности институциональной системы общества. Данная общественная институциональная система максимально ориентирована на восстановление и расширенное воспроизводство трудового потенциала населения.

Расширенный интегрированный подход к рассмотрению социальных гарантий позволяет выделить комплексный состав их функциональных целей: 1) обеспечить физическое восстановление и саморазвитие человека, недопустить формирования разрушительных процессов его биологического функционирования; 2) интеграция социальных субъектов, недопущение деструктивных процессов, стигматизации, а также выпадения отдельных личностей из системы социального пространства, социально-экономических отношений общества; 3) оптимизация процессов расширенного воспроизводства трудового потенциала, сохранение здоровья, образовательное человеческое развитие общества, территорий.

Примечания

- ¹ Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 6. М. : Сов. энциклопедия, 1971. С. 118.
- ² См.: *Маркелов В. В.* Гарантированный доход в контексте трансформации российского общества // *Вестн. ПАГС.* 2008. № 3 (16). С. 144–149.
- ³ Социологический энциклопедический словарь / ред.-координатор Г. В. Осипов. М. : НОРМА–ИНФРА М, 2000. С. 50.
- ⁴ *Корякин В. М., Кудашкин А. В., Фатеев К. В.* Военно-административное право (военная администрация) : учебник. М. : За права военнослужащих, 2008. Вып. 90. С. 358. (Сер. «Право в Вооруженных Силах – консультант».)
- ⁵ *Попов Л. Л., Мигачев Ю. И., Тихомиров С. В.* Военное право : учебник для вузов / под ред. Ю. И. Мигачева. М. : Юристъ, 2008. С. 279.
- ⁶ См.: *Кирдина С.* Институциональные матрицы и развитие России. М. : ТЕИС, 2000.
- ⁷ См.: *Гидденс Э.* Социология // *Социс.* 1994. № 2. С. 129–138.
- ⁸ *Бессонова О.* Общая теория институциональных трансформаций : парадигмальное переосмысление цивилизационного развития России // *Социс.* 2008. № 1. С. 9.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Заславская Т.* Современное российское общество : Социальный механизм трансформации. М. : Дело, 2004. С. 189.
- ¹¹ См.: *Котельникова З.* Новосибирская экономико-социологическая школа // *Экономическая социология.* 2004. Т. 5, № 1. С. 91–104.
- ¹² См.: *Быченко Ю. Г., Баландина Т. М.* Экономическая социология. Саратов : СГСЭУ, 2012. С. 79.
- ¹³ *Быченко Ю. Г.* Инновационный механизм устойчивого развития человеческого капитала : теория, методология, практики функционирования. Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co, 2011. С. 31.
- ¹⁴ См.: *Радаев В.* Социология рынков : к формированию нового направления. М. : ГУ ВШЭ, 2003.
- ¹⁵ См.: *Дыльнова Т. В.* Социальная справедливость в транзитивном российском обществе. Саратов : Научная книга. 2005.
- ¹⁶ См.: *Покровская М. В.* Социальная справедливость в потреблении и ее стереотипы // *Социс.* 1999. № 3. С. 46–53.

УДК 304.2

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ФЛАНЕРОВ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

М. А. Герасимова

Саратовский государственный университет
E-mail: gerasimova.mary@gmail.com

В статье рассматривается история возникновения термина «фланер». Предлагается авторское определение социального фланера. Доказывается, что понятия «маргинал» и «социальный фланер» не являются тождественными. Автор представляет принципиально новый взгляд на проблему фланерства, определяя это сложное явление не как урбанистическое, но как социальное; выводит специфические характеристики социального фланерства; доказывает, что данный термин может быть использован для описания особого явления, возникшего в XXI в.

Ключевые слова: постмодернизм, интеллектуальный фланер, социальный фланер, маргинал.

On the Question of Social Flaneur Origin in the Postmodern Period

M. A. Gerasimova

The article discusses the history of term «flaneur» origin. The author defines the «social flaneur» term. It is proved that the concept of marginal and social flaneur are not identical. The author presents a fundamentally new approach to the problem of «flaneurism» defining a complex phenomenon not as urban, but social. It displays the specific characteristics of «social flaneurism». The author argues that this term can be used to describe a particular phenomenon that emerged in the XXI century.

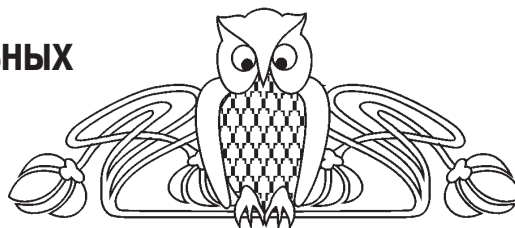
Key words: postmodernism, intellectual flaneur, social flaneur, marginal.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-60-62

В различные эпохи существовали индивиды, не вписывающиеся в общий контекст. Их определяли как отшельников, затворников, лишних людей, люмпенов, девиантов, маргиналов и т. д. В настоящее время мы обнаруживаем новый феномен, возникающий в эпоху постмодернизма, – социальное фланерство. Актуальность изучения этого явления возрастает с необходимостью отслеживания процессов фланерства, чтобы оно не приобрело деструктивного характера, не стало еще одной острой и трудноразрешимой проблемой современного общества.

Рассмотрим подробно историю возникновения данного термина.

Считается, что слово «фланер» закрепилось в европейской культуре благодаря французскому философу Вальтеру Беньямину. Он уделил большое внимание в своем творчестве интеллектуальному фланеру. Философ характеризовал фланера как «представителя развитого капиталистического общества, представителя общества

«высокого капитализма», жителя большого города, свободно владеющего информацией и способного даже управлять и манипулировать ей, создавая новые образы в массовом сознании»¹.

Отличительной чертой интеллектуального фланера Беньямин называл его деструктивный характер, который разрушал конструкции сознания, препятствующие его свободному существованию. По его мнению, фланер XIX в. – это, в первую очередь, «критически мыслящий представитель общества, относящийся с сомнением к любым устойчивым идеологическим конструкциям как к ограничивающим интеллектуальный поиск»².

В своих работах, посвященных истории Парижа второй половины XIX в., В. Беньямин рассуждает о месте города в жизни фланера. Он пишет, что «если он [фланер] там родился – это уже не место жительства. Город для него – достопримечательность»³. Увиденное через призму городской среды определяется не как цель, но как игра. План превращается в случай, а движения человека становятся все менее ясными. В этом пространстве всегда можно найти место, где человек останется совсем один, а затем – снова вернуться туда, где воплощаются его интересы и потребности. Желания определяют это, а не обстоятельства. «Уже не человек живет для чего-то, а мир живет для него»⁴.

Упоминание о новом типе городского человека (фланере) можно встретить в работе немецкого философа и социолога Георга Зиммеля «Метрополис и ментальная жизнь»⁵, в которой он рассматривал влияние больших городов на развитие индивидов. Г. Зиммель показал, что сложное устройство современных городов порождает новые типы взаимоотношений индивидов и их обязанностей, происходят процессы трансформации людей. Современные города изменяют отношения индивидов ко времени и пространству, а также взгляды на их свободу и существование в целом⁶.

О фланере или человеке «гуляющем» говорит Зигмунт Бауман, английский социолог, профессор университета Лидса, в работе «От паломника к туристу»⁷. Он анализирует фигуры паломника, фланера, бродяги, туриста, игрока в философско-исторической перспективе, отмечает, что они исполняют роль ярких парадигмальных образцов культурного пространства

идентичности. З. Бауман отмечает, что фланер занимал позицию между «видимостью» и реальностью; был мастером имитации своего времени; «гуляющий» вкушал все прелести современной жизни, но без сопутствующих мучений⁸. Ученый точно подметил, что «фланировать – значит играть в игру под названием игра»⁹ (to play the game of playing). Откуда и один из руководящих принципов фланера – «смотри, но не прикасайся»¹⁰.

По З. Бауману, в эпоху модернизма господствовали «паломники», они имели четкое представление о своем жизненном пути. Однажды осознав маршрут своего странствия, они не имели права изменить его, но могли лишь следовать ему. «Паломники» представляли свой путь на долгие годы вперед. Главной целью для поколения модернизма была идея прогресса, не важно, эволюционного или революционного, главное – «движение к всеобщему процветанию и благополучию»¹¹. Таким образом, у «паломника» всегда имеется четкий маршрут и/или цель, к которой он стремится. Но все меняется в эпоху постмодерна. «На смену миру, сконструированному из долговременных объектов, приходят дешевые изделия, спланированные для краткосрочного использования»¹². На сцену выходят «потомки паломников», один из них – «фланер».

В эпоху постмодерна главенствует рациональное поведение. Все сложнее становится планировать свою жизнь на долгое время вперед. «Правила жизненной игры постоянно меняются»¹³, вынуждая придерживаться стратегии ведения коротких партий и избегать какой-либо фиксации, чтобы в любой момент иметь возможность выбрать другой путь. Необходимо запретить прошлому ограничивать настоящее, надо обрубить настоящее с обоих концов и выделить из истории.

Возможным жизненным пространством для фланера эпохи постмодерна становится не город в целом, а лишь его часть – гипермаркет. З. Бауман отмечает, что «слово “malls” первоначально обозначало дорожки для пеших прогулок»¹⁴. Теперь они превратились в огромные торговый моллы, где можно прогуливаться, покупая и покупая прогуливаясь. И это уже не один единственный путь, как в ситуации с «паломниками», а множественность дорог, лабиринт, по которому фланер может бродить, совершенно не задумываясь о конечной точке своего маршрута.

Как в торговом молле вы можете зайти в отдел одежды, а вскоре оказаться в отделе рыбной продукции, так и в жизни можете многократно «переходить из одной субкультуры в другую, причем каждая субкультура будет вносить свой вклад в ценностный мир личности»¹⁵. Таким образом, мы получаем ситуацию тотальной множественности, формирование и сохранение личностью связей со многими обществами. Фланер

пытается достичь свободы от общества и в то же время сохранить различные связи с различными обществами.

Как мы уже отмечали ранее, фланер – человек толпы. Он находится в постоянном поиске толпы, потому что там его убежище. Фланер наблюдает со стороны и протестует против неприимчивости¹⁶. Он ведет жизнь «как если бы» и «как если бы» участвует в жизни других людей¹⁷. Смысл жизни фланера – быть в толпе, но независимым от толпы.

Как мы видим, упомянутые выше ученые используют термин в метафорическом значении, не давая четких определений. Понятие «фланер» включает в себя множество коннотаций. Такую же картину мы наблюдаем, обратившись к современному словарям. Определение слова «фланер» приводится в Большом толковом социологическом словаре: «... (от фр. Flaneur) – странник, наблюдатель, обозреватель»¹⁸, а также в Энциклопедии социологии: «... бесцельно прогуливающийся по городу человек»¹⁹. В толковом словаре Ушакова дается следующее определение фланера – «(пренебр.), человек, гуляющий без дела, праздношатающийся»²⁰. В Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка, находим «фланер – человек, бродящий их стороны в сторону, без всякой цели»²¹. В Толковом словаре иноязычных слов встречаем «фланер (устар.) – тот, кто фланирует, праздно прогуливается»²². Отметим, что в большинстве современных словарей данное слово имеет пометку «устар.», т. е. устаревшее.

В ходе работы с данным термином было отмечено, что современное социологическое научное сообщество использует его исключительно в области урбанистики. На наш взгляд, такое монополизирование термина не имеет под собой достаточных оснований. Мы считаем, что вправе использовать данный термин, наполнив его конкретным содержанием. Очевидно, что социальный фланер отличается от маргинала, девианта и фланера в понимании «бесцельно гуляющий по городу».

Работу над проблематикой «социальное фланерство» мы начали также с использования метафоры. Под фланером XXI в. мы понимаем человека, блуждающего в социальных пространствах.

С социологической точки зрения фланера XXI в. можно описать как человека, утратившего нормы предыдущей группы, но не нашедшего и не примкнувшего к новой группе. В отличие от маргинала, который находится в состоянии как бы «между» двух групп, фланер находится в постоянном поиске новой группы. Именно движение отличает фланера от «застывшего» состояния маргинала.

Социальный фланер возникает в эпоху постмодерна, во время становления постиндустриальной экономики. Мы стремимся рас-

смотреть явление социального фланерства как самостоятельный предмет, отказавшись от «априорной побочности»²³, приписываемой явлению маргинальности. В классическом определении под маргинальностью понимают промежуточное состояние индивида, стремящегося к обретению нового статуса, что подразумевает отсутствие статуса как аномалию. Также маргинальное состояние обычно понимается как качественно завершенное (в финале/идеале/конце). Здесь и заключается, на наш взгляд, глубинное различие между маргиналами и фланерами: социальные фланеры пребывают в перманентном переборе социальных статусов. В мире постмодерна у них нет возможности остановиться на каком-то одном статусе в силу все убыстряющейся смены ориентиров, а также размывания их границ.

Итак, термин «фланер» был введен в научный оборот французским философом В. Беньямином в начале XX в. Данный термин, под которым понимался человек, блуждающий по городу, был крайне популярен среди мыслителей того времени. В последнее время отмечается некоторая монополия термина представителями урбанистического направления в социологии. Мы считаем правомерным рассматривать социального фланера не столько как человека, бесцельно гуляющего по городу, но как индивида, поставленного в условия перманентного движения, целью которого является поиск новых релевантных норм, ценностей, а также обретение идентичности. На наш взгляд, специфической чертой социального фланера является постоянное «перебирание» социальных статусов.

Примечания

¹ Смирнов Д. А. Научная и общественная деятельность Вальтера Беньямина (1920-е – 1930-е гг.) : интеллектуальный фланер в лабиринте культур и времен : дис. ... д-ра ист. наук. Иваново, 2013. 517 с. URL: <http://www.dissertcat.com/content/nauchnaya-i-obshchestvennaya-deyatelnost-valtera-benyamina-1920-e-%E2%80%93>

1930-e-gg-intellektualny#ixzz318hRQDxB (дата обращения: 12.09.2015).

² Там же.

³ Кларк Д. Б. Потребление и город, современность и постсовременность // Логос. 2002. № 3–4. С. 13.

⁴ Смирнов Д. А. Десоциализация в условиях электронной культуры : фланер как идея и образ жизни // Культура. Личность. Общество. 2004. № 4 (24). С. 302.

⁵ Зиммель Г. Метрополис и духовная жизнь. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf> (дата обращения: 21.09.2015).

⁶ Там же.

⁷ Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 133–154.

⁸ Там же.

⁹ Кларк Д. Б. Указ. соч. С. 15.

¹⁰ Там же. С. 16.

¹¹ Смирнов Д. А. Десоциализация в условиях электронной культуры... С. 300.

¹² Бауман З. Указ. соч. С. 148.

¹³ Там же. С. 150.

¹⁴ Там же. С. 151.

¹⁵ Смирнов Д. А. Десоциализация в условиях электронной культуры... С. 305.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: Бауман З. Указ. соч.

¹⁸ Большой толковый социологический словарь : в 2 т. / сост. Д. Джери, Дж. Джери ; пер. с англ. Н. Н. Марчук. М. : Вече, АСТ, 2001. Т. 2. С. 256.

¹⁹ Социология. Энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. Минск : Книжный дом, 2003. С. 413.

²⁰ Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция / сост. Л. Антонова, И. Григорян, Н. Шильнова. М. : Дом славянской книги, 2009. С. 615.

²¹ Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / сост. А. Н. Чудинов. М., 1910. С. 362.

²² Крысина Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М. : Русский язык, 1998. С. 288.

²³ Жуков Д. С., Лямин С. К. Маргиналы постиндустриальной эпохи : реальность и утопия общества мерцающих статусов // Ineternum. 2012. № 2 (7). С. 33.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 329

РОССИЙСКИЕ ПАРТИИ НА ВЫБОРАХ В СЕНТЯБРЕ 2015 ГОДА: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А. А. Вилков

Саратовский государственный университет
E-mail: vil57@yandex.ru

В статье рассмотрены особенности проведения избирательной кампании в единый день голосования 13 сентября 2015 г. и ее основные результаты для политических партий современной России, выявлены основные тенденции в расстановке политических сил накануне выборов в Государственную думу 2016 г., дана оценка перспективам участия в них оппозиционных партий.

Ключевые слова: партии, выборы, результаты выборов, оппозиционные партии, тенденции партийного развития в современной России.

Russian Parties at Elections in September 2015: Results and Prospects

A. A. Vilkov

Peculiarities of holding electoral campaigns on the single voting day (September 13, 2015) and main results of political parties of modern Russia are considered in the article, key tendencies in political forces' ranking on the eve of State Duma election in 2015 are pinpointed, and prospects of oppositional parties' participation in the election are evaluated.

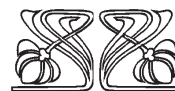
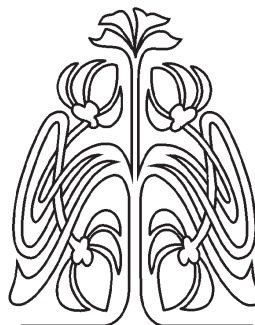
Key words: parties, election, election results, oppositional parties, tendencies of political development in contemporary Russia.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-63-68

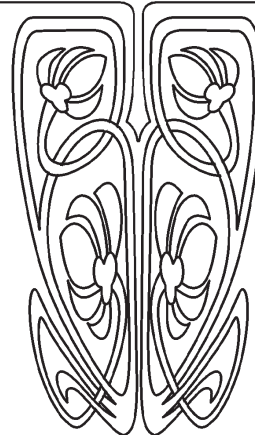
Итоги единого дня голосования в сентябре 2015 г. в Российской Федерации интересны для политологов по ряду причин. Во-первых, они стали последней «репетицией» перед выборами в Государственную думу в 2016 г. и позволяют оценить сложившийся расклад политических сил накануне решающего предвыборного «сражения». Во-вторых, они проходили в условиях продолжающегося кризиса международных отношений и «войны санкций», что подталкивало все политические партии четко обозначать свою позицию по данному вопросу. Наконец, прошедшие выборы не только подтвердили устойчивые характеристики в развитии ведущих российских политических партий, но и обозначили ряд тенденций в развитии партий второго и третьего «эшелона» и также нуждаются в научном осмыслении.

Среди новаций прошедшей избирательной кампании можно отметить то обстоятельство, что полуофициально первый заместитель главы Администрации Президента РФ В. В. Володин публично озвучил идею о том, что настоящая демократия может быть только в том случае, если результаты выборов не predeterminedены и сохраняют интригу о победителях до дня голосования¹. Очевидно, что по собственной инициативе такое заявление политик сделать не мог и оно было брошено в информационное пространство по согласованию с президентом и руководством «Единой России».

Объяснения такой установки могут быть самыми различными, но, как представляется, данный политический посыл предназначен, прежде всего, для того, чтобы смягчить основания для критики существующего российского режима как авторитарного со стороны западноевропейских политиков. Улучшение восприятия выборов как

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

важнейшего института демократии предназначено подкрепить усиление положительного внешнеполитического имиджа страны, связанного с активизацией России на мировой арене, и прежде всего в борьбе с террористическими организациями в Сирии.

Еще одним фактором, во многом повлиявшим на характер прошедшей избирательной кампании, стала информация о готовящейся новой нарезке одномандатных избирательных округов на выборах депутатов Государственной думы. Она заставила выдвигать самые разные предположения, основанные на классической формуле «кому это выгодно». Очевидно одно, что данная нарезка затрагивает несколько проблем, которые обозначились еще в период деятельности смешанной избирательной системы 1990-х гг., но затем были сняты переходом к чисто пропорциональной системе выборов депутатов Государственной думы.

Первая проблема – это существование условно «сельских» и «городских» одномандатных округов, в которых работа с электоратом отличалась существенной спецификой для кандидатов от различных партий. Вторая проблема была связана с проявлением конфликта интересов во взаимоотношениях некоторых руководителей субъектов Российской Федерации и мэров столиц данных региональных центров. В условиях «второго издания» смешанной избирательной системы данные проблемы вновь могут быть актуализированы. В то же время важно учитывать, что ситуация и политический расклад в регионах за время действия пропорциональной системы несколько изменились. Например, актуальная для 1990-х гг. проблема голосования «сельских округов» за кандидатов от КПРФ в настоящих условиях существенно ослабела, и жители деревни нередко отдают предпочтение кандидатам от «партии власти»². Если в 1990-е гг. серьезные партийные организации в регионах имела только КПРФ, то сейчас практически все парламентские партии имеют региональные отделения. Если в 1990-е гг. формирование связей бизнес-структур с партиями находилось в состоянии «турбулентности», то в настоящее время они в основном уже стабилизировались. Тем не менее, переход к смешанной избирательной системе создает возможности для определенной «перегруппировки» каналов лоббирования интересов региональных бизнес-элит и для продвижения их представителей по одномандатным округам. Это также добавляет элемент интриги и непредсказуемости в расклад политических сил в регионах перед выборами 2016 г.

Всего на территории Российской Федерации в единый день голосования 13 сентября 2015 г. было проведено более 10,7 тыс. избирательных кампаний в 83 субъектах Федерации. На выборах всех уровней были замещены более 92 тыс. мандатов и выборных должностей, в том числе на

выборах: высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Федерации) – 21; депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Федерации – 488, в том числе 461 мандат – на основных и 27 мандатов – на дополнительных и повторных выборах; депутатов представительных органов муниципальных образований – более 90,3 тыс.; глав муниципальных образований – более 1,3 тыс. На выборах всех уровней выдвинуто около 207 тыс. кандидатов, зарегистрировано на 4 сентября 2015 г. более 189 тыс. кандидатов³.

Выборы высших должностных лиц субъектов Российской Федерации проводились по мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства, при которой избранным считается зарегистрированный кандидат, получивший более половины голосов избирателей, принявших участие в голосовании. Во всех 11 субъектах Федерации, в которых проводились выборы в законодательные (представительные) органы государственной власти, применялась смешанная (мажоритарно-пропорциональная) избирательная система.

По данным Фонда развития гражданского общества, итоги выборов 13 сентября 2015 г. подтвердили статус политических тяжеловесов в лице парламентских партий. Суммарные показатели набранных ими голосов ранжированы следующим образом: «Единая Россия» в совокупности набрала больше 3 млн голосов, КПРФ – чуть больше 650 тысяч, «Справедливая Россия» – около 500 тысяч, ЛДПР – порядка 460 тысяч. Все вместе же парламентские партии забрали себе более 70 процентов голосов избирателей, участвовавших в выборах 13 сентября. Непарламентские партии выступили гораздо слабее: «Яблоко», по совокупному голосованию занявшее пятое место, набрало лишь 64 тысячи голосов⁴.

«Единая Россия» подтвердила свой статус ведущей партии, имеющей не только административный ресурс, но и серьезную организационную основу. Ее лидеры расширили социальную базу партии именно за счет региональных отделений. В результате обозначилась тенденция, которая прослеживается все более четко: фактически «Единая Россия» является единственной партией, способной полностью охватить своими кандидатами выборы всех уровней. Это стало одной из причин их побед не только на федеральном уровне, но и на муниципальных выборах. Итоги сентябрьских выборов 2015 г. подтвердили данную тенденцию⁵. Кандидаты от «Единой России» победили почти во всех субъектах РФ, где проводились выборы губернаторов (за исключением Иркутской области), и партия получила большинство во всех региональных законодательных собраниях и муниципальных

органах. Не случайно, что секретарь Генсовета «Единой России» С. Неверов, поздравляя кандидата от КПРФ с победой на выборах губернатора в Иркутской области, подчеркнул, что отношения с ним «будем выстраивать исходя из интересов страны и жителей региона. Будет работать на благо людей, поддержим. Будет делать ошибки, значит, будем делать замечания, критиковать. У “Единой России” есть большинство депутатов в законодательном собрании Иркутской области, в городской думе. Это позволяет нам защищать интересы иркутян, обеспечивать исполнение указов Президента, принимать социально значимые решения»⁶.

Тот расклад партийных оппозиционных сил, который сложился в России в последние полтора десятилетия, условно (по политическим ресурсам и позиционированию по отношению к действующей власти) можно разделить на три группы: парламентская лояльная оппозиция, представленная в Государственной думе и региональных законодательных органах; «периферийная» лояльная оппозиция, находящаяся на уровне приближения к представительству в парламентах; «маргинальная» радикальная оппозиция, стремящаяся позиционировать себя в качестве альтернативы лояльной оппозиции⁷.

Вопрос по Крыму и ситуации на Украине стал той линией нового разграничения, которая внесла определенные коррективы в структурирование оппозиции. Не последнюю роль данная проблематика сыграла и в ходе предвыборных кампаний и выборов в единый день голосования 13 сентября 2015 г.

Парламентская оппозиция продемонстрировала фактически полную поддержку и единодушные в положительной оценке внешнеполитического курса Президента РФ в связи с обострением отношений с Украиной и начавшейся «войной санкций». Думается, что именно с этим в какой-то степени связана публично заявленная позиция Администрации Президента РФ о том, что демократические выборы в современной России должны отличаться непредсказуемостью результатов. Одним из ее проявлений стала победа во втором туре на выборах губернатора в Иркутске кандидата от КПРФ С. Г. Левченко.

В целом в сентябре 2015 г. КПРФ подтвердила свой статус федерального политического тяжеловеса как ведущая оппозиционная сила в современной России. Однако если сравнить ситуацию с 2011 г., то КПРФ в 2015 г. столкнулась с определенным оттоком электората. Он вызван целым рядом факторов, связанных как с появлением партий-спойлеров и активностью партий «второго эшелона» (особенно «Патриотов России»), так и с активной конкуренцией «Справедливой России» по представительству социальных интересов протестного электората. Кроме того, косвенное воздействие на ослабление позиции КПРФ оказала деятельность акти-

вистов Общероссийского народного фронта по выявлению недостатков в социально-экономической и политической жизни современной России, которые они публично представляли Президенту РФ для принятия решений по их устранению.

Результаты выборов 13 сентября 2015 г. показали, что партия «Справедливая Россия» преодолела определенный внутренний кризис и неурядицы и предшествующий негативный тренд 2012–2014 гг. и смогла в ходе предвыборной кампании сохранить свои позиции в качестве одной из ведущих парламентских сил на федеральном и региональном уровнях (партия расширила свое представительство, по сравнению с 2011 г., в Нижегородской, Астраханской, Магаданской областях и в Ямало-Ненецком автономном округе) и заняла третью позицию среди политических тяжеловесов.

ЛДПР также смогла продемонстрировать национально-патриотический ресурс не только в лице своего бессменного лидера, но и в появлении кандидатов, которые имеют потенциальные шансы для успешной конкуренции на выборах депутатов Государственной думы по одномандатным округам в 2016 г.

«Периферийная» лояльная оппозиция в той мере, в которой у нее есть доступ к информационным ресурсам, также продемонстрировала свое положительное отношение к восстановлению исторической справедливости в отношении Крыма и свою поддержку твердой политики Президента РФ в отстаивании интересов России в отношениях с США и их союзниками.

На выборах в сентябре 2015 г. из 75 зарегистрированных партий, имевших право участвовать в выборах, только 43 смогли выдвинуть партийные списки. Определенных успехов добились кандидаты от политических партий «Коммунисты России», «Патриоты России», «Родина» и «Пенсионеры за справедливость». Они смогли увеличить свое представительство в региональных законодательных собраниях (получив право выдвигать своих кандидатов без сбора подписей) и создать определенный «плацдарм» для конкуренции на выборах в Государственную думу 2016 г.

На выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации активность непарламентских партий по выдвижению кандидатов выглядела следующим образом (таблица).

Определенного успеха добилась партия «Патриоты России», кандидат от которой на выборах губернатора Камчатки смог набрать 3,49% голосов избирателей⁸, а на выборах главы Брянской области кандидат от партии М. И. Ивако набрал 9,62% голосов избирателей и стал вторым после действующего исполняющего обязанности главы Брянской области. В целом данная партия провела в местные органы власти 37 партийных списков и 139 одномандатников. Партийные списки «Патриотов России» смогли

Выдвижение кандидатов от непарламентских партий на выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации⁹

Политическая партия	Количество субъектов РФ
«Родина»	9
«Патриоты России»	8
«Коммунисты России»	6
Российская партия пенсионеров за справедливость	6
«Яблоко»	4
Партия пенсионеров России	4
«Гражданская платформа»	3
Казачья партия Российской Федерации	3
РПР-ПАРНАС	2
«Российский общенародный союз»	2
Трудовая партия России	2

преодолеть 5-процентный барьер в 37 кампаниях, партия «Родина» провела 21 список, «Коммунисты России» – 12, «Яблоко» – 8, «Пенсионеры за справедливость» – 5, «Правое дело» и Партия возрождения села – 4, партия «Зеленые», Партия дела, Партия ветеранов, «Гражданская платформа», «Союз труда» – по одному списку¹⁰.

Наиболее сложной оказалась ситуация в либеральном секторе оппозиции. Присоединение Крыма и поддержка со стороны России самопровозглашенных ДНР и ЛНР на Украине стали факторами, которые существенно изменили характер взаимоотношений партий данного сегмента как с официальной властью, так и друг с другом.

Прежде всего, существенно изменилось позиционирование РОДП «Яблоко». В предшествующие электоральные циклы Г. А. Явлинский и С. С. Митрохин акцент в объяснении стратегии и тактики своей партии делали на эффективности перехода к «правильной» либеральной политике, т. е. ориентированной не только на классические демократические ценности и рыночные принципы, но и на социальные интересы большинства российского населения, на интересы мелкого и среднего бизнеса. Такое позиционирование обязывало к оппонированию не только действующей власти, но также к достаточно жесткой критике своих конкурентов на либеральном фланге. Это было одной из причин неудач всех попыток объединения и создания единой либеральной политической партии в постсоветской России.

Несмотря на то что на выборах в Государственную думу 2011 г. партия не преодолела избирательного барьера и не получила доступа к парламентской трибуне, она набрала 3,5% голосов, что дало ей право выдвигать кандидатов на любых региональных и местных выборах следующего цикла. Фактически после ухода с политической арены Союза правых сил «Яблоко» осталось самой «перспективной» партией на

либеральном фланге по сравнению с другими либеральными объединениями.

Однако кризисные события на Украине, последовавшее присоединение Крыма и официальная поддержка Россией самопровозглашенных ДНР и ЛНР вызвали столь резкое неприятие лидеров «Яблока», что фактически сблизило их позицию в этом вопросе с радикальными либеральными движениями. Оценка ситуации была сформулирована как «аннексия Крыма» и «разжигание войны», которая, по мнению лидеров «Яблока», не имеет «ни малейшей содержательной перспективы – ни политической, ни экономической, ни военной, ни дипломатической... Она ведет только к бесконечному кровопролитию, стремительному росту преступности, лжи и еще большей деградации ситуации как на юго-востоке Украины, так и российского государства и общества»¹¹. Не случайно, что после таких заявлений сопредседатели РПР-ПАРНАС (лишенные права участвовать в выборах в Мосгордуму в 2014 г.) заявили о своей поддержке кандидатов от «Яблока»¹².

Тем не менее, единая коалиция либеральной оппозиции вновь не состоялась. Кроме традиционных причин субъективного характера (амбиции лидеров за первенство в объединенной коалиции) у «Яблока» был определенный тактический расчет. Он был обусловлен опасениями растерять свой «ядерный» электорат в случае объединения с дискредитированными в глазах большинства российского населения лидерами радикальной РПР-ПАРНАС.

Как показала практика, расчет оказался верным. Накопленный за два с лишним десятилетия политический ресурс привел к тому, что на выборах в сентябре 2015 г. партия «Яблоко» достигла наибольших (относительных) успехов по сравнению с другими либеральными оппозиционными силами. Партия выдвигала кандидатов в семь региональных парламентов: в Новосибирской,

Костромской, Воронежской, Калужской, Рязанской, Челябинской областях и Коми, а также в семнадцати «столицах» регионов: Астрахани, Владимире, Воронеже, Иванове, Калуге, Костроме, Липецке, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Орле, Сыктывкаре, Смоленске, Тамбове, Томске, Ульяновске, Ижевске. В Москве, Московской области, Псковской, Мурманской областях, Красноярском крае и других регионах партия выдвигала кандидатов на муниципальных выборах¹³. Несмотря на то что ни один из партийных списков «Яблока» на выборах в региональные законодательные собрания не прошел, партия преодолела «барьер» на выборах в городские думы в Костроме (6,55%), Томске (5,65%) и Владимире (5,5%). Выдвижение от «Яблока» по одномандатным округам известных политиков и общественных деятелей в различных регионах России также привело к успеху. В итоге «Яблоко» представлено в парламентах шести регионов (Петербург, Карелия, Псков, Калининград, Вологда, Кострома), а также в ряде районных центров¹⁴. В ряде областей «яблочники» были близки к преодолению избирательного барьера, что также можно отнести к успеху партии. Не случайным стало публичное заявление Г. А. Явлинского о своем намерении участвовать в предстоящих президентских выборах.

Вопрос по Крыму и ситуации на Украине привел к тому, что произошел раскол в рядах радикально оппозиционного движения во главе с РПР-ПАРНАС. Наиболее радикальные представители либералов открыто призывали снабдить оружием украинскую армию для подавления ополченцев и поддержать украинское правительство с помощью силы¹⁵. Апелляция лидеров партии к мировому сообществу, и прежде всего к США и их союзникам, о необходимости жесткой борьбы с режимом Путина, а также ужесточения санкций привела к тому, что В. Рыжков, один из сопредседателей партии, заявил о выходе со своими сторонниками из состава партии¹⁶. Формальным поводом для выхода стала позиция М. Касьянова, который активно стал укреплять свои позиции в партии в качестве единовластного лидера. Данная деятельность особенно остро воспринималась сторонниками В. Рыжкова, так как именно возглавляемая им, официально зарегистрированная Республиканская партия стала в свое время основой для создания партии РПР-ПАРНАС.

Понимая свою уязвимость на выборах по внешнеполитической позиции, РПР-ПАРНАС попыталась сплотить вокруг себя все оппозиционные демократические силы. В результате в июле 2015 г. был проведен съезд, на котором принята «Платформа Демократической Коалиции ПАРНАС». Одним из первых ее тезисов стало позиционирование объединения в качестве патриотической силы и заявление о том, что «мы любим нашу страну, видим ее проблемы, намере-

ны их решать; не путаем любовь к своей стране с любовью к начальству и не принимаем подмену патриотизма ксенофобией и шовинизмом»¹⁷.

Тем не менее, «Яблоко» пошло на выборы в качестве самостоятельной силы и в результате было подвергнуто достаточно жесткому, хотя и неявному прессингу со стороны Демкоалиции. Свои организационные и особенно информационные ресурсы А. Навальный и М. Касьянов сосредоточили на Костромской области как единственном регионе, в котором (при поддержке «Яблока») к выборам допустили список «парнасовцев». В результате такого медийного стягивания внимания россиян к этой области как «главному центру противостояния власти и оппозиции» сторонники либеральных ценностей в других российских регионах были в определенной степени дезориентированы в своей возможной поддержке списков «яблочников». Не случайно, что противоречия между двумя оппозиционными силами не были сглажены. Например, заявленная на 20 сентября 2015 г. А. Навальным акция за сменяемость власти не была поддержана лидерами «Яблока». Последние совместно с общественным Комитетом протестных действий (КПД) еще летом объявляли, что в конце сентября предложат людям выйти на улицу против законов о расширении полномочий силовиков и нечестных выборов¹⁸.

В целом анализ результатов выборов в сентябре 2015 г. и участия позволяет выявить следующие тенденции в развитии многопартийности в современной России.

Несмотря на подтверждение лидирующих позиций «Единой России» и оппозиционных парламентских партий, усиливается электоральный потенциал партий «второго эшелона», которые способны несколько потеснить политических тяжеловесов и изменить конфигурацию партийных фракций в Государственной думе следующего созыва.

Потенциальные шансы преодолеть 5-процентный барьер есть у нескольких партий, проявивших себя как успешные на выборах в сентябре 2015 г. Однако решение данной задачи осложняется тем, что существенно возрастает конкуренция представителей «периферийной» оппозиции друг с другом, так как в основном они апеллируют к одному и тому же протестному электорату, недовольному доминированием одних и тех же парламентских партий в последние электоральные циклы.

В любом случае можно прогнозировать с большой долей вероятности расширение политического представительства и некоторое увеличение числа фракций в Государственной думе. Выборы по мажоритарным округам создают более благоприятные условия и перспективы для участия оппозиции в выборах. Яркие кандидаты от партий «Патриоты России», «Родина», «Коммунисты России», Российская партия пенсионе-

ров за справедливость, Партия пенсионеров России, заявившие о себе в предвыборной кампании 2015 г., вполне могут составить конкуренцию кандидатам от ведущих партий в одномандатных округах, особенно с учетом их новой нарезки. Несмотря на различные версии смысла новой нарезки округов и противоречивое истолкование ее политической функциональности, можно спрогнозировать, что сама их новизна в большей степени будет выгодна своей непредсказуемостью, прежде всего, новичкам и аутсайдерам. Кроме того, можно предположить, что на выборах в Государственную думу в 2016 г. будет возобновлена проверенная опытом 1990-х гг. практика концентрированного участия небольших политических партий в одном-двух одномандатных округах для проведения в них своих политических лидеров.

Остается сложной проблема политического представительства либерально ориентированного российского электората (в совокупности примерно 7–10% от зарегистрированных избирателей). С одной стороны, относительный успех «Яблока» в сентябре 2015 г. позволяет этой партии надеяться на концентрацию данного электората вокруг своей партии. С другой, продолжается острая конкуренция в данном сегменте со стороны других либеральных политических сил. Все декларации о необходимости объединения правых в единую коалицию, как показали выборы 2015 г., остались пожеланиями и в очередной раз были перечеркнуты амбициями политических лидеров. Жесткая критическая позиция по Крыму и конфликту на юго-востоке Украины резко сузила возможности расширения электорального ядра либералов. В этой связи идейно-мировоззренческая и ценностная основа либеральных партий и движений отстает в ходе предвыборных кампаний на второй план, уступая место критике «режима Путина» и «партии власти». Внимание избирателей фокусируется на конкретных социально-экономических и иных проблемах конкретных российских регионов. Однако с учетом того, что такую же критику используют «патриотически» ориентированные партии всех других идеологий, серьезные шансы у радикальных либеральных партий на предстоящих выборах не просматриваются.

Примечания

- 1 См.: Кремль попросил избавить выборы от предопределенности. URL: <http://top.sarbc.ru/main/2015/07/17/171933.html> (дата обращения: 24.08.2015).
- 2 См., например: Феномен многопартийности в российском обществе. Саратов : Научная книга, 2006. (Сер. «Монографии». Вып. 9.)
- 3 Сведения о выборах в органы государственной власти

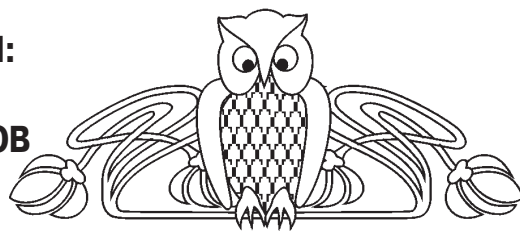
и органы местного самоуправления в субъектах Российской Федерации, назначенных на 13 сентября 2015 года. По состоянию на 4 сентября 2015 года. URL: http://www.cikrf.ru/analog/vib_130915/sved_vib.html (дата обращения: 15.10.2015).

- 4 ФоРГО : Региональные выборы подтвердили лидерство парламентских партий // Рос. газ. 2015. 16 сент.
- 5 См.: Фонд ИСЭПИ оценил позиции партий. URL: <http://www.rg.ru/2015/09/18/fond.html> (дата обращения: 06.10.2015).
- 6 Неверов : Это были честные, конкурентные выборы. URL: <http://er.ru/news/135381/> (дата обращения: 28.09.2015).
- 7 В целом партийно-идеологический спектр за последние три года существенно усложнился в результате регистрации нескольких десятков политических партий, очень разных по своим ресурсам, идеологической направленности и политической функциональности. Тем не менее, анализ избирательных кампаний в единый день голосования в 2014 и 2015 гг. показал, что пока они существенно не меняют сложившегося политического расклада по линии «власть – оппозиция».
- 8 См.: Гонки по вертикали. Действующие главы субъектов Федерации подтвердили свои полномочия // Рос. газ. (Федер. вып.). 2015. 14 сент.
- 9 Сведения о выборах в органы государственной власти и органы местного самоуправления в субъектах Российской Федерации, назначенных на 13 сентября 2015 года. По состоянию на 4 сентября 2015 года.
- 10 См.: Геннадий Семигин : «ПАТРИОТЫ РОССИИ» успешно выступили на выборах в регионах, но нам есть над чем работать. URL: <http://www.patriot-rus.ru/lider-partii.-ot-pervogo-licza/gennadij-semigin-patrioty-rossii-uspeshno-vystupili-na-vyborah-v-regionah-no-nam-est-nad-chem-rabotat.html> (дата обращения: 15.10.2015).
- 11 Россия и Украина. URL: http://www.yabloko.ru/resheniya_politicheskogo_komiteta/2014/10/30 (дата обращения: 07.10.2015).
- 12 См.: РПП-ПАРНАС поддерживает «Яблоко» за позицию по Украине. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1426028/> (дата обращения: 22.10.2014).
- 13 См.: Выше ожиданий. URL: <http://www.novayagazeta.ru/columns/69937.html> (дата обращения: 03.10.2015).
- 14 Там же.
- 15 См.: Каспаров назвал отказ США от использования военной силы в Украине «ошибкой». URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/kasparov-sees-mistake-in-us-ruling-out-force-in-ukraine/1876038.html> (дата обращения: 30.10.2014).
- 16 См.: Спустился с ПАРНАСа. URL: <http://vz.ru/politics/2014/2/8/671668.html> (дата обращения: 18.07.2015).
- 17 Платформа Демократической Коалиции ПАРНАС. Москва, Съезд партии, 05.07.2015. URL: <https://parnasparty.ru/news/42> (дата обращения: 17.07.2015).
- 18 См.: Навальный и «Яблоко» не поделили протест. URL: http://www.ng.ru/politics/2015-09-07/3_protest.html (дата обращения: 07.10.2015).

УДК [321.6+321.7+328.1+328.3]

МОНОЦЕНТРИЗМ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ (на примере Саратовской области)

В. Г. Семенова

Саратовский государственный университет
E-mail: semenovavg@mail.ru

В статье рассмотрены некоторые подходы к определению категории «региональный политический режим», изучены возможные формальные индикаторы анализа и типологии региональных режимов, выделена наиболее релевантная и целостная непротиворечивая модель такого анализа, произведена оценка моноцентричности регионального режима Саратовской области.

Ключевые слова: политический режим, региональный политический режим, моноцентричность, губернатор.

Monocentrism Regional Authorities: Political and Legal Study of Regional Political Regimes (on the Example of Saratov Region)

V. G. Semenova

The article describes some approaches to definition of the category «regional political regime», studied possible indicators of formal analysis and typology of regional regimes, the most relevant holistic and consistent model of such analysis, assessed monocentricity regional mode of the Saratov region.

Key words: political regime, regional political regime, monocentric, Governor.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-69-73

Приступая к изучению проблемы региональных политических режимов, необходимо уточнить несколько важных методологических аспектов. Во-первых, это понимание «политического режима». Данный вопрос является традиционным для исследователей, изучающих все многообразие режимных проявлений, поскольку от исходного первоначального понимания сути определяемой категории во многом зависит построение теоретической матрицы исследования и дальнейшее ее наполнение, а следовательно, и непосредственное направление политического анализа.

Не углубляясь в тонкости множества существующих определений политического режима, отметим, что наиболее традиционный подход к определению его как властного порядка, совокупности конкретных форм и методов реализации ставит перед исследователем задачу терминологического уточнения. Такое широкое определение подразумевает изучение способов формирования и функционирования государственных органов власти, процедур отбора правящих групп и политических лидеров, степени и видов политического участия

населения, его включенности в процесс принятия государственных решений, уровня политической конкуренции, действий политической оппозиции, ее реального участия в формировании органов государственной власти. Большую роль играет анализ ресурсов основных политических акторов. Отдельной проблемой является учет социокультурных параметров осуществления политической власти в государстве. В итоге изначальная четкость и логичность определения политического режима подводит исследователя к необходимости анализа целого комплекса сложных, не всегда открытых и лежащих на поверхности, взаимосвязанных форм реализации власти в государстве. Реализация власти предполагает изучение реальных практик ее осуществления, неформальных институтов, а не только заявленных норм. Все это, в свою очередь, подводит к необходимости конкретизации и формализации собственного понимания политического режима. По данной траектории вслед за западными политологами идет и большинство отечественных исследователей.

В классическом наборе таких определений можно назвать подход французского политолога Ж.-Л. Кермонна, согласно которому политический режим – это «совокупность элементов идеологического, институционального и социологического порядка, которые способствуют формированию политического управления данной страны на известный период»¹.

Более четко политический режим представил М. Дюверже: «...механизм общественного управления, который соединяет модели выборов, голосования и принятия решений со способами политического участия партий, групп интересов иных акторов процесса»². То есть в центре исследовательского внимания оказываются основные каналы и способы формирования власти, а также основные политические акторы, влияющие на данный процесс.

Эта традиция была продолжена, например, Ф. Шмиттером. Он полагает, что режим – это совокупность явных или скрытых структур общества, «которые определяют формы и каналы доступа к ведущим правительственным постам, а также характеристики деятелей, <...> используемые ими ресурсы и стратегии...»³ То есть это система каналов, ролей, практик, ресурсов, стратегий, которые структурируют взаимоотношения государства и общества.

Таким образом, при изучении политических режимов перед исследователем встает первичный вопрос формализации изучаемой категории, поиска адекватных переменных анализа, поддающихся количественному и качественному анализу. Например, В. Я. Гельман такими «переменными» анализа видит акторов (моноцентрические – полицентрические режимы), институты (формальные – неформальные институты), ресурсы (административные, экономические, политические) и стратегии (силовые и компромиссные)⁴.

Другой отечественный исследователь, С. В. Борисов, выделил несколько иные параметры анализа политических режимов. С его точки зрения, важно сочетание анализа происхождения правящих групп, количества и соподчинения центрам политического влияния, состояния гражданского общества, а также учет статуса региона во внешней среде⁵.

Схожая по формализованным параметрам модель анализа политических режимов была предложена А. Н. Медушевским. Он предлагает всесторонне изучить легитимность и законность режима; правовую систему разделения властей; взаимодействие власти и оппозиции; состояние элит, бюрократии, партий, групп давления; учитывать, в чьих руках находится собственность; а также охарактеризовать стиль политического лидерства⁶.

Второй концептуальный вопрос, который стоит перед исследователями, – насколько актуально и целесообразно водить понятие «региональный политический режим». На этот счет в отечественном научном сообществе была организована дискуссия. Основной аргумент против использования подобной научной категории в современных исследованиях – это абсолютная зависимость регионов от федерального центра после проведенной реформы, нацеленной на централизацию власти в стране. При такой жесткой детерминированности вряд ли можно говорить о большом «разбеге» различий в формировании политических режимов на местах, скорее, следует говорить об институциональных и социокультурных особенностях, которые накладывают свой отпечаток на сложившуюся модель принятия политических решений.

Сам по себе федерализм, предполагающий формирование таких особенностей, безусловно, залогом формирования самостоятельных политических режимов быть не может. С нашей точки зрения, целесообразность теоретического и практического выделения регионального политического режима очевидна при наличии практики смещения центра принятия решений на уровень регионов либо при доминировании неформального характера принятия данных решений, при появлении самостоятельных групп интересов, обладающих достаточно мощными ресурсами, при наличии конфликта интересов в

регионе и т. п. Очевидно, что далеко не во всех федеративных государствах соблюдаются подобные условия, однако, на наш взгляд, российская политическая практика делает применение данного термина не просто уместным, но и очень логичным и обоснованным, поскольку дает возможность сравнительного анализа регионального развития, выделения сущностных характеристик политического процесса в регионах и политической субъектности региональных социумов и элит⁷.

Следующий методологический аспект, который хотелось бы подчеркнуть, что подавляющее большинство существующих авторских концептов исследования региональных политических режимов основывается на построении их типологии в достаточно ограниченном поле «жесткий авторитаризм» – «ограниченная демократия» и «гибридные» режимы между этими двумя точками. То есть, так или иначе, данные «режимные» концепты вплетены в продолжение изучения процесса демократизации или редемократизации на региональном уровне. Основным результатом является ответ на вопрос, насколько «демократичны» (открыты, конкурентны и т. д.) или автократичны российские региональные режимы, либо авторитаризм какого типа характерен для того или иного региона.

Именно в такой логике представлена типология региональных режимов В. Я. Гельмана⁸. Аналогом авторитарного моноцентрического режима выступает сценарий «победитель получает все», опирающийся преимущественно на неформальные институты и силовые стратегии. Основной характеристикой является контроль над ресурсами, который политические лидеры используют для сведения к минимуму вероятности потери власти на следующих выборах. Возникшие в результате такого сценария политические системы предполагают сильную исполнительную власть и развитость административного ресурса.

Следующий режим является гибридным, т. е. сочетающим в себе черты и авторитаризма, и демократии, это «картельное соглашение», он подразумевает заключение явных или неявных соглашений между различными политико-экономическими группами с целью минимизации неопределенности или угрозы утраты контроля над ресурсами. При таком сценарии формируются политические системы с сильным фракционным парламентом, в котором представлены все заинтересованные акторы. Однако общество исключено из процесса принятия политических решений.

Третий сценарий носит название «борьба по правилам», в данном случае отсутствует доминирующая сила, вследствие чего борьба переносится в сферу электоральной конкуренции. В таком случае формируется сбалансированная система, в которой исполнительная и законода-

тельная власти могут сдерживать друг друга. Это аналог демократии.

Последняя модель – «война всех против всех» – носит временный характер. Выйти из него стремятся все политические силы, поскольку он связан со значительными издержками. Возможно, такой подход излишне формализован, лишает анализ «полутонов», оставляет за пределами внимания многие важные детали, отражающие динамику развития политических процессов, изменения политических режимов.

Более четкие критерии анализа предлагают А. Кузьмин, Н. Мелвин, В. Нечаев: формальное разделение полномочий между законодательной и исполнительной ветвями власти; степень конкурентности на выборах главы региона; уровень партийности регионального представительного (законодательного) органа власти. На основе комбинирования этих трех индикаторов было выделено 12 типов региональных режимов⁹. Данная авторская позиция часто подвергается критике именно за излишнюю фрагментацию типов региональных режимов. А. В. Баранов предлагает укрупнить их в 6 типов: 1) слабый парламент, сильный лидер на низкоконкурентных выборах, низкая партийность legislatures; 2) слабый парламент, умеренная конкуренция на губернаторских выборах, очень низкая партийность парламента; 3) слабый парламент, умеренная конкуренция за пост главы региона, высокий уровень партийности; 4) сильный по правовым полномочиям парламент, низкая конкуренция за пост главы региона, невысокая партийность парламента, реально роль legislatures снижена; 5) важные формальные полномочия парламента, высокая конкуренция на выборах главы региона, весомая роль парламента; 6) формально сильный парламент, серьезная конкуренция на выборах главы региона, высокая партийность депутатов¹⁰.

Несмотря на важность и значимость институционального структурирования власти в регионах, стоит согласиться с мнением Р. Ф. Туровского о том, что в условиях российской элитократии структурирование власти в регионах происходит, в первую очередь, по линиям расколов между элитными группами¹¹. Поэтому автор предлагает более сложную модель типологизации российских регионов¹². Дихотомия авторитаризма и демократии стала лишь составной частью, одним из векторов многомерной системы взаимосвязанных параметров или осей анализа региональных режимов. Помимо данной оси автор выделяет еще ось «автономия – зависимость», где изучаются неформальные практики индивидуальных отношений между центром и разными регионами. Третья ось – это «моноцентризм – полицентризм», характеризующая структуру властных институтов, разделение власти между властными институтами (ветви и территориальные уровни власти) в соответствии с законом и на практике. Последняя ось в данной

концепции – «консолидация – конкуренция», – это структура политических акторов, определяющих повестку дня и принимающих решения.

В качестве отправной точки анализа в данном исследовании мы сконцентрируем внимание на оси «моноцентризм – полицентризм» региональной власти в Саратовской области. То есть в центре исследовательского внимания оказывается степень губернаторского моноцентризма, иными словами, доминирования региональной исполнительной власти в региональном институциональном дизайне.

Очевидно, что до 2012 г. первичным критерием оценки моноцентричности губернаторской власти могла служить сама процедура утверждения губернатора законодательным собранием, которая применялась с 2005 г. повсеместно в российских регионах. Оценивая прохождение такой процедуры, можно понять: является ли кандидатура губернатора навязанной федеральным центром (так называемые варяги), результатом договоренности элит, либо представителем единственной политической силы в регионе в виде правящей партии.

В Саратовской области данная процедура проводилась дважды, оба раза кандидаты в губернаторы П. Л. Ипатов и В. В. Радаев были утверждены без особых проблем. П. Л. Ипатов в 2010 г. поддержали 28 из 30 депутатов, а В. В. Радаев утвердили 30 из 32 присутствующих на заседании депутатов облдумы, против голосовали двое коммунистов¹³. Более того, в случае утверждения В. В. Радаева вопрос о возможной оппозиции со стороны законодательной власти был неуместен, учитывая, что, во-первых, до избрания на должность губернатора он занимал пост спикера Саратовской областной думы, во-вторых, являлся членом партии «Единая Россия», имеющей на тот момент абсолютное большинство голосов в региональном парламенте. Но более важным фактором послужило то, что В. В. Радаев представлялся кандидатурой В. В. Володина, выстроившего в Саратовской области вертикально интегрированную в федеральную структуру власти клиентелу, являющуюся наиболее значимой политической силой в регионе.

С 2012 г. реформирование системы «выборов-назначений» губернаторов предоставило регионам самостоятельность в определении процедуры избрания главы региона. В соответствии с новым Законом Саратовской области от 28 июня 2012 г. № 92-ЗСО «О выборах Губернатора Саратовской области» выборы губернатора осуществляются гражданами Российской Федерации на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании¹⁴. Несмотря на то что сами выборы вновь возвращаются к «всемирному» формату, процедура выдвижения кандидатов в губернаторы накладывает определенные фильтры с точки зрения контроля со стороны правящей партии. Однако Саратовская

область пока не апробировала данный формат организации исполнительной власти в регионе.

Что же касается процедуры отзыва губернатора, то в регионе был принят соответствующий Закон от 2 августа 2012 г. № 118-ЗСО «Об отзыве Губернатора Саратовской области», где четко прописаны основания (установленные судом нарушения закона государства или области и систематическое невыполнение своих обязанностей) и процедуры организации голосования по отзыву губернатора¹⁵. Данная процедура выглядит довольно громоздкой, региональная легислатура является лишь одним из этапов регистрации инициативной группы по организации процедуры отзыва.

Кроме того, важно учитывать, что «современная российская региональная политика отличается отсутствием универсального стандартного подхода к оценке деятельности руководителей субъектов РФ»¹⁶. Помимо процедуры утверждения губернаторов, важным индикатором анализа может выступать оценка разделения властей, иными словами, соотношение законодательной и исполнительной ветвей власти в регионе. Губернатор Саратовской области является высшим должностным лицом исполнительной власти в регионе, по должности является председателем правительства области, руководит деятельностью правительства области и несет персональную ответственность за результаты его работы¹⁷. То есть полнота власти находится в руках губернатора. Однако необходимо отметить, что региональное законодательство достаточно быстро меняется, и одним из таких новшеств стало введение процедуры парламентского контроля над правительством.

Так, в Законе Саратовской области «О Правительстве Саратовской области» от 5 сентября 1996 г. (в редакции от 25 июня 2015 г.) прописана процедура согласования с областной думой кандидатур на должности вице-губернатора области, заместителей председателя правительства области и министра финансов области¹⁸. То есть губернатор обязан кандидатуры на эти должности согласовать с областной думой, причем одна и та же кандидатура вносится губернатором области не более двух раз подряд. В целом, на наш взгляд, данная процедура, направленная на развитие процессов согласования и учета мнений различных элитных группировок, гипотетически может «размыть» единоличную власть губернатора. Опять же при условии существования в региональном парламенте таких групп интересов либо серьезной оппозиции. Если же парламент абсолютно монолитен с точки зрения политического влияния, то данная процедура будет лишь формальностью. В Саратовской области утверждения на данные должности прошли без каких-либо обсуждений и препятствий со стороны областной думы. Более того, за последнее время было проведено серьезное кадровое обновление состава Правительства Саратовской области, В. В. Радаев сменил несколько заместителей председателя пра-

вительства области, министра финансов, все эти назначения прошли с единогласной поддержкой в региональном законодательном парламенте¹⁹.

Еще одной новой процедурой парламентского контроля по подобию с федеральным центром видится обязанность губернатора ежегодно предоставлять отчет правительства области о выполнении программ социально-экономического развития области, о результатах деятельности правительства области, в том числе по вопросам, поставленным областной думой. Последнее предполагает публичный отчет губернатора²⁰.

Также депутаты областной думы вправе давать рекомендации правительству области по вопросам его деятельности, которые правительство должно рассмотреть на своих заседаниях и о результатах и принятых мерах в течение месяца сообщить депутатам, комитетам и комиссиям областной думы²¹.

В то же время губернатор, например, имеет право внеочередного выступления по любому вопросу, обсуждаемому на заседании областной думы. А в соответствии с федеральным законодательством предусмотрен роспуск регионального законодательного собрания губернатором, однако стоит оговориться, что в истории новой российской государственности пока он не был использован ни разу, и в Саратовской области данный вопрос не стоял на политической повестке дня.

Партийное представительство в Саратовской областной думе также вряд ли может говорить о возможной автономии: из 45 депутатов 43 – представители «Единой России», по одному представителю от КПРФ (С. Н. Афанасьев) и «Справедливой России» (З. М. Самсонова). Безусловно, при оценке автономии законодательного органа власти важен не только партийный состав, очевидно, что правящая партия также может делиться на ряд неформальных групп интересов, и внутри Саратовской областной думы, они существуют. Но необходимо подчеркнуть, что при определенной степени самостоятельности в лоббировании своих экономических интересов политически они оказываются полностью лояльными нынешнему губернатору.

Очевидно, что полноценная оценка моно-субъектности региональной политики требует анализа дополнительных факторов, например, степени влияния губернатора на органы местного самоуправления, подконтрольность «территорий», но даже первичный политико-правовой анализ показывает, что фигура губернатора В. В. Радаева является консолидирующей для региональной политической элиты, определяющей в межклановых взаимоотношениях. Губернатор при поддержке партии власти проводит любые кадровые решения, законодательные инициативы, мероприятия идеологического порядка без каких-либо политических проблем и сложностей, замыкая сложившуюся авторитарно-бюрократическую систему властвования. С одной

стороны, это выступает залогом «стабильности» политического развития, с другой стороны – привычка делегировать ответственность за все принятые решения вышестоящему лицу порождает безынициативность и низкую эффективность функционирования власти.

Примечания

- ¹ Цит. по: Кермонн Ж.-Л. Западные политические режимы. Париж, 1986 // Политическая наука : словарь-справочник / авт. и сост. И. И. Санжаревский. Тамбов, 2014. С. 135.
- ² Дюверже М. Политические партии. М., 2007. С. 428.
- ³ Круглый стол журнала «ПОЛИС». Шмиттер Ф., Мельвиль А. Ю., Пантин В. И., Лебедева М. М., Лапкин В. В., Соловьев А. И., Пронин С. В., Яхимович З. П., Язборовская И. С., Давыдов А. П., Митева Л. Д., Строганова Е. Д. Демократические переходы : варианты путей и неопределенность результатов // Полис. 1999. № 3. С. 30.
- ⁴ См.: Россия регионов : трансформация политических режимов / под ред. В. Гельмана, С. Рыженкова, М. Бри. М. ; Берлин, 2000.
- ⁵ См.: Борисов С. В. Актуальный политический режим в Нижегородской области : становление в 1990-е годы // Полис. 1999. № 1. С. 98–115.
- ⁶ См.: Медушевский А. Н. Тенденции развития региональных политических режимов // Российский конституционализм : политический режим в региональном контексте : сб. докл. межрегион. семинара (Великий Новгород, март 2000 г.). М. : Изд-во Центра конституционных исследований МОНФ, 2000. С. 162–177.
- ⁷ См.: Вилков А., Шестов Н. Политическая субъектность региональных социумов и элит // Власть. 2014. № 7. С. 186–191.
- ⁸ См.: Россия регионов : трансформация политических режимов.
- ⁹ См.: Кузьмин А. С., Мелвин Н. Д. Региональные политические режимы в постсоветской России : опыт типологизации // Полис. 2002. № 3. С. 142–155.
- ¹⁰ См.: Баранов А. В. Региональные политические режимы в системе властных отношений : проблемы типоло-

гии // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 4. С. 62–73.

- ¹¹ См.: Туровский Р. Ф. Структурирование власти в российских регионах : между консолидацией и конкуренцией элит // Элиты и общество в сравнительном измерении : сб. ст. М. : РОССПЭН, 2011. С. 390–405.
- ¹² См.: Туровский Р. Ф. Региональные политические режимы в России : к методологии анализа // Полис. 2009. № 2. С. 77–95.
- ¹³ См.: Радаев утвержден на посту губернатора. URL: <http://news.sarbc.ru/main/2012/04/05/121048.html> (дата обращения: 06.09.2015).
- ¹⁴ См.: О выборах Губернатора Саратовской области : закон Саратовской области от 28.06.2012 № 92-ЗСО (ред. от 29.06.2015) // Собр. законодательства Саратовской области. 2012. № 21 ; 2015. № 17.
- ¹⁵ См.: Об отзыве Губернатора Саратовской области : закон Саратовской области от 02.08.2012 № 118-ЗСО (ред. от 29.06.2015) // Собр. законодательства Саратовской области. 2012. № 27 ; 2015. № 17.
- ¹⁶ Вилков А. А., Дацков С. А. Электоральный фактор переназначения и функционирования руководителей субъектов РФ в современный период // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2010. Т. 10, вып. 3. С. 62.
- ¹⁷ См.: О Правительстве Саратовской области : закон Саратовской области от 05.09.1996 (ред. от 29.06.2015) // Собр. законодательства Саратовской области. 2015. № 17.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ См.: Вопросы, рассмотренные на тридцатом заседании Саратовской областной Думы 22 октября 2014 года. URL: <http://www.srd.ru/index.php/19183-voprosy-rassmotrennye-na-tridtsatom-zasedanii-saratovskoj-oblastnoj-dumy-22-oktyabrya-2014-goda.html?menu=502&selmenu=507> ; Облдуме представлен новый министр финансов. URL: <http://www.om-saratov.ru/novosti/28-May-2014-i11593-obldume-predstavlen-novuyi-minis> (дата обращения: 22.09.2015).
- ²⁰ См.: О Правительстве Саратовской области : закон Саратовской области от 05.09.1996 (ред. от 29.06.2015).
- ²¹ Там же.

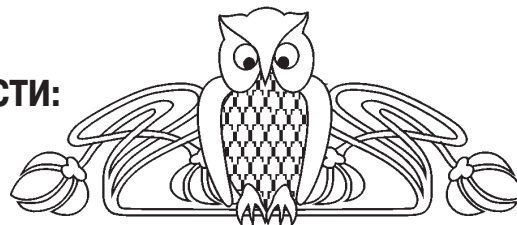
УДК 323.2

РЕФОРМИРОВАНИЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ГОРОДСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

О. С. Скороходова

Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов
E-mail: olsko@yandex.ru

В статье рассматриваются практика развития моделей местного самоуправления в городах Саратовской области, вза-

имдействие локального уровня власти с региональным и федеральными уровнями в свете теории принципал-агентских отношений.

Ключевые слова: модель местного самоуправления – городское муниципальное образование – муниципальные выборы.

The Reform of Local Government in Saratov Region: the Urban Dimension

O. S. Skorohodova

The article considers the practice of model development, local self-government in the cities of the Saratov region, the interaction of local authorities with regional and Federal levels in the light of the theory of principal-agent relations.

Key words: model of local government – municipal municipal – municipal elections.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-73-79

Опыт исследования развития системы местного самоуправления, его политической автономии в современной России в контексте исключительно институционального подхода продемонстрировал определенную ограниченность. Более качественный анализ возможен в логике неинституционального подхода и, в частности, теории городских политических режимов и теории принципал-агентского взаимодействия¹.

Первая концепция позволяет выявлять особенности неформального межакторного взаимодействия на локальном уровне политического процесса, а вторая раскрывает сущность отношений «по вертикали», определяет степень зависимости в работе муниципальной власти от политического курса федерального и регионального уровней управления².

Всплеск исследовательского интереса в этом направлении проявляется и в оценке реализации реформы местного самоуправления, ее очередного этапа в 2015 г. Не претендуя на всеобъемлемость исследования, расширим существующий у нас опыт в этом вопросе³. В качестве объекта анализа выступают административные центры Саратовской области – муниципальное образование «Город Саратов» и центры второго и третьего порядка – муниципальное образование «Город Энгельс» (население – 218 тыс. жителей), муниципальное образование «Город Балаково» (195 тыс. жителей) и муниципальное образование «Город Маркс» (31 тыс. жителей). Сразу оговоримся, что эти города формально являются административными центрами одноименных муниципальных районов. Поэтому при анализе социально-политических процессов зачастую возникает «подмена» в восприятии этих территориальных единиц (более того, по действующему региональному законодательству эти территориальные образования имеют общую исполнительную власть в лице наемного сити-менеджера). «Вторые города» – это центры экономико-политической активности, которые по тем или иным критериям сопоставимы с главным центром региона.

В отличие от Балаково и Энгельса, город Маркс сложно подвести под статус «второго»

после областного центра. Данный муниципалитет рассматривается исследователями как город Саратовской области, входящий в группу «третьих» по значимости. На «третью» ступень Маркс отодвигают из-за сравнительно небольшого числа жителей (избирателей). Также город и район в целом характеризуются как слабо развитые в промышленном плане, следовательно, ни о каких притязаниях на первенство и каком-либо существенном влиянии на политическую обстановку в регионе говорить не приходится. Также следует учитывать еще одну общую характерную черту «третьих» городов Саратовской области (которые являются административными центрами муниципальных районов) – городская власть не имеет четких контуров, как в Саратове. Маркс и ряд равнозначных ему городов региона имеют конкретную ассоциацию со своими районами и не выделяются как отдельные самостоятельные единицы. Поэтому власть муниципального района выходит на первый план, городские власти предстают перед исследователем как некие номинальные структуры, исполняющие ограниченные хозяйственные функции под надзором районного собрания депутатов и главы администрации муниципального района. Совершенно иная обстановка в областном центре и во «вторых» городах, которые являются полноправными и самостоятельными участниками диалога: правительство региона – город. В случае с Марксом данный диалог выглядит так: правительство региона – Марковский муниципальный район.

Учитывая нацеленность нашего исследования на изучение городских политических режимов, Маркс не совсем подпадает под изначально задуманную выборку. Однако, несмотря на всю «размытость» города на фоне района, сращивание функций и в конечном итоге отсутствие реальных политических полномочий у городских властей, подобные примеры в рамках данной статьи имеют научное обоснование. Для представления полной картины развития местного самоуправления в Саратовской области необходимо рассмотреть муниципалитеты с разными показателями численности избирателей и значимости с экономической точки зрения. Устав Марковского муниципального района был принят лишь в 2008 г. В этой связи стоит отметить, что в Балаково и Энгельсе новые уставы, соответствующие измененному федеральному закону, были приняты на два года раньше. Очевидно, что на оперативность принятия нового устава, с наемным сити-менеджером, повлияли два основных аспекта.

Во-первых, практическая необходимость: размер территории, численность населения и другие показатели. По логике вещей, вводить систему «глава муниципального образования – глава администрации» вполне оправданно в тех местах, где для повышения эффективности работы

муниципальных властей необходимо разделить ответственность. Следовательно, подобное разделение было наиболее актуализировано в более крупных и самостоятельных городах.

Однако есть также и второй аспект, который заключается в наличии политической воли «кураторов» извне. Имея в городах области определенные экономические и политические интересы, они всегда стремятся ослабить единоличные местные режимы путем разграничения полномочий (создавая, таким образом, почву для формирования внутриклановой оппозиции, отдельные ячейки которой гораздо легче контролировать). И смена самостоятельных режимов в крупных городах области удалась во многом благодаря партийной системе и получению партией «Единая Россия» большинства в местных представительных органах.

Вариант организации власти в административных центрах субъекта Федерации представляет отдельный исследовательский интерес, так как городская политическая элита (акторы второго порядка), во-первых, традиционно воспринимается как потенциальный «инкубатор» формирования элиты региональной (акторы первого порядка), во-вторых, имеет практически неограниченные возможности использования многообразия городских ресурсов (бюджетных, административных, информационных), включая воздействие на сознание большей части электората региона.

В Саратове в 2005 г. в силу ФЗ-131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» была введена смешанная модель местного самоуправления, по которой мэр является лидером парламентского местного самоуправления, а глава администрации – наемным руководителем, утвержденным конкурсной комиссией, которая на две трети сформирована из представителей городской думы и на одну треть из представителей областной думы. Выбор именно этого из возможных вариантов состоялся в пользу интересов действующего тогда мэра города Ю. А. Аксененко. Его рейтинг среди населения города был к тому моменту минимальным, поэтому на всенародных выборах он не смог бы сохранить свой пост. До внесения обязательных изменений в Устав Саратова он также избирался из числа депутатов Саратовской городской думы, в которой традиционно имел лояльное большинство сторонников, сформировавшееся в результате практики клиентелизма и системы «кормления» по экономическим интересам. При этом Устав Саратова образца 1996 г. закреплял за мэром и основные полномочия в системе исполнительной власти муниципалитета⁴. Таким образом, принцип разделения властей, свойственный демократическому режиму, не соблюдался.

В 2005 г. по инициативе депутата Саратовской городской думы А. Полещикова был про-

веден общегородской референдум по вопросу введения прямых выборов мэра города. Однако низкая явка избирателей (7,3%) лишней раз подтвердила апатию горожан и общий, типичный для России, низкий уровень электоральной активности на местном уровне⁵. По сути, это один из индикаторов, отражающих стремление местного сообщества выступать в качестве принципала, контролирующего муниципальную власть. Дополнительные выборы 13 сентября 2015 г. в городские представительные собрания Саратова, Энгельса и Балаково также продемонстрировали явку избирателей на уровне в среднем 11–14%⁶. А вот показатели явки избирателей в городе Маркс и сельских муниципальных образованиях высокие – на уровне 41–85%, что, на наш взгляд, с одной стороны, объясняется традиционной в электоральной географии дихотомией «пассивный центр – активная периферия»⁷, с другой, подобную дисциплинированность можно рассматривать как «репетицию» в преддверии нового большого избирательного цикла. Еще одним индикатором в этой плоскости можно считать количество инкубентов в новом составе представительного органа власти, избираемых в основном по одномандатным округам (табл. 1).

На практике модель 2005 г. также продемонстрировала свою «проблемность» и зависимость от практики неформальных отношений. С методологической точки зрения проявление этой особенности отчасти объясняется теорией городских политических режимов, отчасти практикой вхождения в местные системы управления представителей бизнеса, чьи экономические интересы успешнее реализуются с использованием административных рычагов (табл. 2)⁸.

За период с 2006 г. в городе работает уже пятый сити-менеджер. Первые кандидатуры наемных управляющих фактически навязывались городу «извне» (Н. Романов, В. Сомов, В. Тульский), и политическая конъюнктура излишне влияла на работу и администрации города, и Саратовской городской думы, где большинство мест принадлежит депутатам от партии «Единая Россия» (37 мандатов из 41). Наиболее успешным из глав администрации считался А. Проккопенко, высокий рейтинг которого у населения подтвердился на выборах в областную думу в 2012 г. Он набрал 85,75% голосов избирателей в одномандатном округе, но отказался от мандата в пользу работы на уровне муниципалитета. А. Проккопенко лишился своей должности в результате уголовного преследования, имеющего политическую подоплеку⁹. Сейчас исполнительную власть в городе возглавляет А. Буренин – относительно нейтральная фигура в политическом процессе¹⁰.

16 апреля 2015 г. Саратовская областная дума одобрила поправки в Закон Саратовской области «О порядке избрания глав муниципальных образований в Саратовской области», связанные

Таблица 1

Партийная составляющая представительных органов власти муниципального уровня (действующий созыв)

Населенные пункты	Всего депутатов	Инкубенты	«Единая Россия»	КПРФ	ЛДПР	«Справедливая Россия»	Самовыдвиженцы
Балаково	25	2	16	4	–	1	4
Маркс	20	3	16	–	–	2	2
Саратов	41	14	38	2	–	1	–
Энгельс	25	8	17	4	–	1	3

Таблица 2

Профессиональный состав депутатского корпуса действующих созывов муниципальных представительных органов власти

Населенные пункты	Всего депутатов	Социально-профессиональный состав представительных органов				Имеют в/о	Имеют ученую степень
		Работники социальной сферы	Юристы	Бизнес	Безработные		
Балаково	25	6	–	18	1	23	–
Маркс	20	3	–	17	–	19	–
Саратов	41	15	5	21	–	41	11
Энгельс	25	5	–	15	5	23	–

с изменениями федерального законодательства¹¹. Закреплен порядок избрания главы муниципального образования представительным органом власти из своего состава. Поэтому с формально-правовой точки зрения модель организации власти в Саратове остается прежней. Интересные с исследовательской точки зрения последствия может вызвать изменение соотношения голосов в конкурсной комиссии по выдвижению сити-менеджера как главного городского управленца в пользу представителей региона.

23 июля 2015 г. Саратовская городская дума внесла поправки в Устав города, в соответствии с которыми будущий глава города возглавит уже не представительную, а исполнительную ветвь власти и получит право налагать вето на решения городских депутатов¹².

Проанализируем логику выбранного варианта с позиций стратегии «дилемма заключенного»¹³, которая позволяет избежать излишне идеалистического восприятия отношений между региональной и муниципальной властью в Саратовской области.

Стратегия обоюдного сотрудничества означает введение всенародных выборов мэра города, возглавившего бы администрацию муниципального образования. В данном случае реализовалась бы «идеальная» формула развития автономии городского местного самоуправления с позиций теории демократии. Однако очевидно, что этот вариант означал бы неизбежную актуализацию конфликта по линии «губернатор – мэр», столь характерного для России конца 1990-х – начала 2000-х гг. Лидер городского местного самоуправления всегда рассматривается как один из главных потенциальных конкурентов действующего губернатора на выборах. Но парадокс этой модели заключается также

в том, что действующие главы местного самоуправления вряд ли заинтересованы в прямых муниципальных выборах.

Стратегия согласия региональной власти на сохранение «статус-кво» в лице О. Грищенко как муниципального лидера предполагает выбор моделей сити-менеджера. При этом сохранение нынешнего главы в должности председателя городской думы означало бы его политическую смерть, а в контексте сложившейся по региональной вертикали практики отношений это невозможно. Поэтому в качестве минимаксного решения и был выбран третий вариант. Он выгоден региональной власти, так как позволяет установить не только бюджетный контроль над главным городом региона.

При исследовании режимных характеристик политической системы, в том числе и на местном уровне, отдельного внимания заслуживают тема партийной составляющей представительного органа власти и тип избирательной системы, по которой он формируется.

Саратовская городская дума избирается по смешанной системе с 2006 г. и до момента переизбрания в 2011 г. отличалась от региональной legislatures большей степенью партийной конкуренции. На данный момент в ее состав входят только 3 депутата от КПРФ, 1 депутат от «Справедливой России». Следовательно, в новом составе реализация тактики пакетного соглашения с доминирующей «Единой Россией» фактически исключена.

По результатам выборов в Саратовскую городскую думу четвертого созыва в марте 2011 г. в структуру городского собрания вошли представители трех политических партий: «Единой России», КПРФ, «Справедливой России». Однако показатель эффективного числа политических

партий (ЭЧП), по формуле М. Лааксо и Р. Таагера, составляет только 2,3, что свидетельствует о сокращении партийной конкуренции почти в два раза по сравнению с ситуацией 2006 г. В Саратовскую городскую думу третьего созыва по результатам выборов входили три политические партии («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР), но ЭЧП, по нашим подсчетам, составляло 4,1. Этот результат демонстрирует сильные позиции политической партии «Единая Россия» в регионе, неформальным лидером которой по-прежнему для Саратовской области остается В. В. Володин. Количество инкубентов, по нашим подсчетам, в новом созыве составило 12 депутатов (из 41), из которых 8 – одномандатники. Два депутата-инкубента – представители партии КПРФ, два – переизбрались по списку партии «Единая Россия». Таким образом, расхожее утверждение о неконтролируемой изменчивости состава партийных списков и неизвестности для избирателей кандидатов, входящих в него, подтверждается.

В соответствии с действующим законодательством представительные органы власти Энгельса, Балаково и Маркса формируются по мажоритарной избирательной системе¹⁴. Исследование предполагает анализ результатов выборов, прошедших в 2005 г. (по новому законодательству) и 2011 г.

По данным результатов выборов в Балаково и Энгельсе за 2005 г., можно сделать некоторые, актуальные на тот момент выводы. Как мы видим, в Балаково большинство депутатов представляли партию «Единая Россия», в то время как голосование в Энгельсе привело к совершенно другому результату. Выборы прошли таким образом, что «единороссы» остались в явном меньшинстве (по сравнению с сегодняшним положением дел), заняв лишь 7 мест из 25 в Совете депутатов. «Единая Россия» по результатам выборов 2005 г. в Энгельсе осталась «не у дел», прежде всего, из-за высокого рейтинга среди местного населения главы муниципального района Михаила Лысенко, который открыто выступал оппонентом складывающейся партийной системы в регионе, дабы сохранить свою личную сферу влияния, в том числе и путем поддержки со стороны депутатов-самовыдвиженцев, вероятно, имевших совместные с ним интересы.

В то же время мы наблюдаем единообразие социально-профессионального происхождения депутатов в Балаково, Энгельсе и Марксе. Доминируют представители бизнеса, что говорит о наличии у депутатов одних и тех же интересов вне зависимости от партийной принадлежности. Партийная принадлежность депутатов дает возможность, прежде всего, федеральному центру спускать директивы местному самоуправлению по линии «партии власти». Таким образом, власть заинтересована в наличии «большинства» в любых собраниях или советах депутатов по всей России для принятия спускаемой директи-

вы без каких-либо противоречий органами самоуправления на местах. Пример бывшего главы Энгельсского муниципального района Михаила Лысенко показывает, насколько важно для верховной власти, особенно в кризисные времена, наличие подконтрольной партийной системы. Власти отреагировали на неподконтрольность Энгельсского Совета депутатов достаточно болезненно – такой вывод напрашивается, так как впоследствии Михаил Лысенко был арестован и провел в следственном изоляторе более четырех лет. Сделано это было в преддверии предстоящих выборов 2011 г., на которых, согласно заявлениям многих экспертов и местных жителей, Михаил Лысенко набрал бы большинство в Совете, как и в 2005–2006 гг.

В 2011–2012 гг. прошли очередные выборы в органы местного самоуправления Саратовской области. Данные табл. 1 показывают, что на выборах 2011 г. представители «Единой России» значительно укрепили свои позиции в Энгельском муниципальном районе, в то же время Балаковский муниципальный район сохранил прежние показатели без каких-либо существенных изменений. Также стоит отметить преемственность соотношения депутатов с высшим образованием, в обоих районах по-прежнему 23 из 25 депутатов имеют высшее образование. Доля представителей бизнеса, как и в прошлый раз, велика и составляет основу в собраниях депутатов муниципальных районов.

Согласно итоговым данным, два из двадцати депутатов вновь избранного состава Совета депутатов города Маркса относились к «Справедливой России», еще два кандидата отмечены в качестве самовыдвиженцев. Шестнадцать депутатов оказались членами «Единой России». Примечательно, что в списках не оказалось ни одного представителя КПРФ, которая традиционно присутствует практически во всех представительных органах Саратовской области.

Выборы 2011 г. привели к власти в обоих муниципальных районах новых людей. Главой Балаковского муниципального района стал Александр Иванович Алексеев, который ранее занимал ответственные должности в различных коммерческих и государственных компаниях. Главой администрации (сити-менеджер) Балаковского муниципального района назначен известный в Балаково бизнесмен Иван Васильевич Чепрасов, который имеет в собственности молочный комбинат и ряд других предприятий¹⁵.

Главой Энгельсского муниципального района был избран Дмитрий Юрьевич Лобанов, владелец консервного завода¹⁶. По данным некоторых оппозиционных СМИ Саратовской области, он имеет весьма сомнительную репутацию. Недовольные инкриминируют Лобанову произвол и превышение должностных полномочий, а также некомпетентность главы района, при-

ведшую к увеличению долговых обязательств муниципального района перед коммерческими банками при том, что социальные показатели в целом ухудшились¹⁷. Главой администрации Энгельсского муниципального района назначен Андрей Викторович Куликов, в прошлом председатель комитета по ЖКХ администрации города Саратова.

Марковский муниципальный район в период с 2006 по 2012 гг. возглавлял Юрий Михайлович Моисеев, который продолжил карьеру в правительстве Саратовской области в качестве зампреда. Сейчас район возглавляет Николай Александрович Косарев, избранный на должность в марте 2013 г. Действующий глава администрации Олег Андреевич Тополь, бывший глава администрации Энгельса.

Исследование местного самоуправления в Саратовской области дает неутешительные результаты, одним из которых является прямое присутствие ставленников финансово-промышленных групп в местных представительных органах власти. Помимо этого, в текущем политическом процессе ключевое значение имеет наличие/отсутствие коалиции между доминирующими акторами муниципального уровня, их принадлежность к определенным политическим лагерям, в том числе и по партийной линии¹⁸.

С одной стороны, муниципальная власть Саратовской области на городском уровне в большей степени стремится существовать независимо от воли принципала в лице региональной власти, что подтверждается достаточным количеством конфликтных прецедентов по линии «губернатор – мэр», «федеральный уровень власти – мэр», которые сопровождалась в том числе случаями уголовного преследования¹⁹. Эта «традиция» сложилась еще во времена губернаторства Д. Аяцкова – мэр Балаково А. Саурин, продолжилась в период губернаторства П. Ипатова – мэр Энгельса М. Лысенко, экс-мэр Саратова Ю. Аксененко; имеет определенные проявления и сейчас – например, уголовное дело против экс-сити-менеджера Саратова А. Прокопенко.

Однако бюджет города Саратова обеспечен только на 33,5% от потребности²⁰. В этих условиях обязательства не выполняются в полном объеме. Это порождает иски и штрафы, выплаты которых еще больше уменьшают долю бюджета.

С другой стороны, позиции главы города О. Грищенко достаточно сильны и стабильны в основном за счет выбора стратегии компромисса с действующей региональной властью, прежде всего по линии «Единой России». На выборах в Саратовскую областную думу 2012 г. можно было отметить усиление «городского» лобби за счет проведения 5 кандидатов. Более того, одним из сенаторов от региона стал М. Исаев – «выхо-

дец» из команды О. Грищенко. В Энгельсе, Балаково и Марксе также работают лояльные региональной власти и «Единой России» ставленники. Поэтому на данный момент можно вести речь об отсутствии традиционной оппозиции региональной власти со стороны представителей городских политических элит.

В России местное самоуправление, вопреки Европейской хартии, Конституции РФ, всегда является зависимой переменной, что предопределяет его нестабильность как системы и бесперспективность как института гражданского общества.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-03-00392).

Примечания

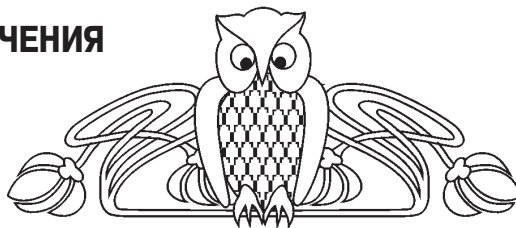
- 1 См.: Гельман В. Я., Рыженков С. Локальные режимы, городское управление и «вертикаль власти» в современной России // Политическая экспертиза. 2010. Т. 6, № 4. С. 130–151; Туровский Р. Ф. Местное самоуправление в России как агент в принципал-агентских отношениях с государственной властью // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 12 (058). С. 159–167.
- 2 См.: Вилков А., Шестов Н. Политическая субъектность региональных социумов и элит // Власть. 2014. № 7. С. 186–191.
- 3 См.: Скорородова О. С. Муниципальная власть в Саратовской области : городское измерение // Четверть века политической науки в российской провинции : сб. науч. тр. / ред. кол. О. Н. Фомина [и др.]. Саратов, 2015. С. 121–125.
- 4 См.: Устав города Саратова. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=home#doc/RLAW358/10615/4294967295/0> (дата обращения: 15.11.2014).
- 5 См.: Мамонов М. В. Новые риски электоральной социологии (по результатам анализа осенних выборов 2013) // Мониторинг общественного мнения. 2014. № 1 (119). С. 56–69.
- 6 См.: Выборы в органы местного самоуправления 13 сентября 2015 года. URL: <http://saratov.izbirkom.ru/way/436A5C4A-BE6C-4EFD-95A3-2434DA0C4A5A/obj/FCCB048F-5452-4823-9479-284E72CD89F0.html> (дата обращения: 09.10.2015).
- 7 См.: Туровский Р. Ф. Электоральное пространство России : от навязанной национализации к новой регионализации? // Полития. 2012. № 3 (66). С. 100–120.
- 8 См.: Ледаев В. Г. Социология власти : теория городских политических режимов // Социологический журнал. 2006. № 3–4. С. 46–68.
- 9 См.: Бывший сити-менеджер Алексей Прокопенко заочно арестован. URL: <http://www.om-saratov.ru/novosti/09-april-2015-i23244-byvshii-siti-menedjer-aleksei> (дата обращения: 09.10.2015).
- 10 См.: Глава администрации муниципального образования «Город Саратов». URL: <http://www.saratovmer.ru/administraciya/contact/1> (дата обращения: 09.10.2015).

- ¹¹ См.: О порядке избрания глав муниципальных образований в Саратовской области : закон Саратовской области от 30.09.2014 № 109-ЗСО (ред. от 05.08.2015). URL: <http://www.srd.ru/index.php/component/docs/?view=zak&id=448&menu=508&selmenu=510> (дата обращения: 09.10.2015).
- ¹² См.: Устав муниципального образования «Город Саратов». URL: <http://www.saratovduma.ru/regulations/> (дата обращения: 09.10.2015).
- ¹³ См.: Теория и методы в современной политической науке : Первая попытка теоретического синтеза / под ред. С. У. Ларсена М., 2009.
- ¹⁴ См.: Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 29.06.2015). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=176377> (дата обращения: 01.10.2015); О выборах в органы местного самоуправления Саратовской области : закон Саратовской области от 31.10.2005 № 107-ЗСО (ред. от 29.06.2015). URL: <http://www.srd.ru/index.php/component/docs/?view=zak&id=92&menu=508&selmenu=510> (дата обращения: 01.10.2015).
- ¹⁵ См.: Глава администрации Балаковского муниципального района. URL: <http://www.admbal.ru/adm/glava> (дата обращения: 09.10.2015).
- ¹⁶ См.: Глава Энгельсского муниципального района. URL: <http://www.engels-city.ru/glavaraion> (дата обращения: 09.10.2015).
- ¹⁷ См.: Дмитрий Лобанов : свинцовая ноша Энгельсского района. URL: <http://www.om-saratov.ru/po-sushchestvu/27-october-2014-i16367-dmitrii-lobanov-svincovaya> (дата обращения: 12.11.2014).
- ¹⁸ См.: Скорородова О. С. Политический режим Саратовской области : определение «извне» // Политическая наука. 2011. № 4. С. 235–241.
- ¹⁹ См.: Гельман В. Я. Реформа власти в городах России : мэры, сити-менеджеры и местная демократия // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 6. С. 143–152.
- ²⁰ См.: Копиева О. Им скучно и грустно : Депутатам Саратовской городской думы скоро нечего будет обсуждать. URL: <http://fn-volga.ru/newspaperArticle/view/id/4312> (дата обращения: 29.09.2015).

УДК 323

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ

Д. Е. Петров

филиал «Восход» МАИ в г. Байконуре, Республика Казахстан
E-mail: baikonur001@gmail.com

В статье проанализированы нормативные правовые и практические аспекты формирования институциональных основ обеспечения территориальной безопасности в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях. В качестве ключевых институциональных основ обеспечения территориальной безопасности рассмотрены региональные и муниципальные правовые акты, прежде всего утверждаемые ими целевые программы по вопросам безопасности, а также функционирующие в регионах и на местах органы управления территориальной безопасностью, подведомственные им организации и соответствующие координационные структуры. Представленный в статье материал основан на критическом анализе российского регионального и местного опыта институционального строительства в сфере территориальной безопасности в сравнительном контексте.

Ключевые слова: национальная безопасность, региональная безопасность, территориальная безопасность.

Institutional Framework Ensure the Territorial Security Concerns of Russian Federation Subjects and Municipal Levels

D. E. Petrov

The paper analyzes the legal framework and practical aspects of the formation of the institutional framework to ensure territorial security

in the Russian Federation and municipalities. As a key institutional framework to ensure territorial security discussed regional and municipal legal acts primarily targeted programs approved by them on security issues, as well as functioning in the regions and local governments territorial security, subordinate organizations and appropriate coordination structures. The following material is based on a critical analysis of the Russian experience of regional and local institution-building in the field of territorial security in a comparative context.

Key words: national security, regional security, territorial security.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-79-86

В Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию РФ от 4 декабря 2014 г. В. В. Путин обозначил гарантированное обеспечение безопасности России одним из приоритетов деятельности государства и общества¹.

Развитие системы территориальной безопасности, прежде всего институциональных основ ее обеспечения, в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях в условиях нарастания международной напряженности и усиления угроз внутривнутриполитической стабильности государства и общества является актуальной задачей укрепления си-

стемы национальной безопасности современной России.

При этом эффективное решение данной задачи является обязанностью не только федеральных органов государственной власти, но и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления. В соответствии с п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. защита прав и свобод человека и гражданина и обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности отнесены к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации². В соответствии с ч. 1 ст. 132 Основного закона Российской Федерации органы местного самоуправления самостоятельно осуществляют охрану общественного порядка, а также решают иные вопросы местного значения³.

Указанные конституционные положения нашли свое развитие в Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (с изм.) (далее – Закон № 390-ФЗ), ст. 12 которого определено, что органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления в пределах своей компетенции обеспечивают исполнение законодательства Российской Федерации в области обеспечения безопасности⁴.

При этом ст. 5 Закона № 390-ФЗ установлено, что правовую основу обеспечения безопасности наряду с Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации, нормативными правовыми актами составляют также законы и иные нормативные правовые акты субъектов Федерации, органов местного самоуправления, принятые в пределах их компетенции в области безопасности, а ч. 3 ст. 4 Закона № 390-ФЗ определено, что государственная политика в области обеспечения безопасности реализуется федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Федерации, органами местного самоуправления на основе стратегии национальной безопасности Российской Федерации, иных концептуальных и доктринальных документов, разрабатываемых Советом безопасности и утверждаемых Президентом РФ.

Таким образом, в современной России имеет место нормативное правовое закрепление решения отдельных вопросов обеспечения национальной безопасности за органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления муниципальных образований с соответствующей их привязкой к территории субъекта Федерации и муниципального образования.

Это и позволило современным теоретикам и практикам российской национальной безопасности ввести в научно-практический оборот

устойчивый термин «территориальная безопасность» применительно как к регионам России, так и к муниципальным образованиям. При этом законодательно эти термины не определены, а по поводу политической субъектности региональных социумов и элит продолжаются дискуссии⁵. В целях настоящей статьи под территориальной безопасностью мы будем понимать отсутствие недопустимых рисков, связанных с возможностью причинения вреда и (или) нанесения ущерба личности, обществу и государству в границах конкретной административно-территориальной единицы.

Функционирование системы обеспечения территориальной безопасности в каждом конкретном субъекте Российской Федерации (муниципальном образовании) обусловлено не только нормами федерального законодательства, но теми институциональными основами обеспечения территориальной безопасности, которые формируются непосредственно региональными (местными) властями.

Институциональные основы обеспечения территориальной безопасности в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях представлены, в первую очередь, нормативными правовыми актами, издаваемыми органами государственной власти субъектов Федерации и органами местного самоуправления в пределах их компетенции, а также уполномоченными органами исполнительной власти субъектов РФ и исполнительно-распорядительными органами местного самоуправления в сфере территориальной безопасности.

В связи с тем, что базовые нормы и положения в сфере регулирования вопросов национальной безопасности Российской Федерации определены в нормативных правовых актах РФ, в нормотворчестве региональных и местных органов власти акцент делается на издании нормативных правовых актов, закрепляющих расходные обязательства региональных (местных) бюджетов по вопросам территориальной безопасности и целевые направления расходования средств этих бюджетов, – утверждению государственных региональных (муниципальных) целевых программ в сфере территориальной безопасности или отдельных ее аспектов, например, безопасности дорожного движения, профилактики правонарушений, создания и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город».

Показательным примером одной из таких государственных региональных программ в сфере территориальной безопасности является государственная программа Мурманской области «Обеспечение общественного порядка и безопасности населения региона», утвержденная постановлением Правительства Мурманской области от 30 сентября 2013 г. № 575-ПП (с изм.)⁶ (далее – региональная программа).

Изданная в целях обеспечения защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, обеспечения пожарной и общественной безопасности населения Мурманской области, региональная программа рассчитана на 2014–2020 гг. и включает в себя четыре подпрограммы («Профилактика правонарушений», «Обеспечение пожарной безопасности», «Обеспечение защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций», «Обеспечение реализации государственной программы») с общим объемом финансирования в 10 855 716,4 тыс. руб. из областного бюджета. Ответственным исполнителем региональной программы определен Комитет по обеспечению безопасности населения Мурманской области, соисполнителями – областные Министерство строительства и территориального развития и Комитет по культуре и искусству.

Региональная программа для решения определенных в ней задач (повышение общественной безопасности, развитие системы обеспечения пожарной безопасности и системы предупреждения чрезвычайных ситуаций и ликвидации их последствий) предусматривает реализацию широкого комплекса основных мероприятий, в том числе разработку концепции дальнейшего развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» на период 2015–2020 гг. с учетом возможного использования технических средств, размещенных на объектах транспорта и объектах экономической инфраструктуры; пресечение нарушений в сфере миграционного законодательства; повышение уровня правовой культуры и информированности населения; выявление и устранение причин и условий, способствующих безнадзорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних; модернизация материально-технической базы подразделений государственной противопожарной службы Мурманской области; поддержание в необходимой готовности сил и средств реагирования на угрозы возникновения чрезвычайных ситуаций; обеспечение информирования и оповещения населения об опасностях; развитие системы мониторинга и прогнозирования чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

В региональной программе достаточно конкретно обозначены ожидаемые конечные результаты ее реализации, а именно: 1) снижение материального ущерба от чрезвычайных ситуаций и пожаров на 30 млн руб.; 2) число спасенных на одного погибшего, травмированного и пострадавшего на пожарах возрастет до 3,5 чел.; 3) сокращение числа преступлений, совершенных в общественных местах, на 1,3%; 4) повышение уровня безопасности граждан за счет сокращения числа правонарушений, совершенных в общественных местах; 5) формирование у граждан законопослушного поведения путем

проведения мероприятий профилактической направленности.

Изучение содержания региональной программы с учетом того, что с теми или иными отличиями такие программы действуют во многих субъектах Российской Федерации, позволяет утверждать о преобладании программного метода решения задач в сфере территориальной безопасности и комплексном подходе к ее обеспечению, а также о значительных объемах финансирования вопросов территориальной безопасности, выделяемых из бюджетов субъектов РФ.

Такой подход находит свое развитие и на муниципальном уровне. В качестве подтверждения этому можно привести муниципальную программу ЗАТО городской округ Восход Мурманской области «Безопасность ЗАТО Восход», утвержденную постановлением руководителя администрации ЗАТО городской округ Восход от 21 октября 2014 г. № 179⁷ (далее – муниципальная программа).

Муниципальная программа имеет своей целью комплексное обеспечение безопасности населения на территории ЗАТО Восход, которую планируется достичь за период 2014–2018 гг. ценой 23 399 тыс. руб. расходов местного бюджета. Для муниципальной программы также характерно деление на подпрограммы: 1) профилактика преступлений и иных правонарушений на территории ЗАТО Восход; 2) снижение рисков и смягчение последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера на территории ЗАТО Восход; 3) развитие и совершенствование систем оповещения и информирования населения; 4) обеспечение пожарной безопасности на территории ЗАТО Восход; 5) обеспечение мероприятий гражданской обороны в ЗАТО Восход.

Перечень основных мероприятий муниципальной программы в сравнении с региональной программой более детален и конкретен (например, включает в себя такое мероприятие, как приобретение средств телефонной связи с записью разговоров и определителем номера, а также прочих специальных средств, их обслуживание и содержание для муниципальных организаций). Довольно широк круг ответственных исполнителей основных мероприятий муниципальной программы, включающий в себя наряду со структурными подразделениями администрации ЗАТО Восход подведомственные ей муниципальные организации, но реализация большей части основных мероприятий муниципальной программы возложена на одно структурное подразделение администрации ЗАТО Восход в полном соответствии с профилем его деятельности – отдел территориальной безопасности, гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и мобилизационной работы.

Осуществление предусмотренных муниципальной программой мероприятий призвано

решить следующие задачи: закрепление достигнутых результатов в обеспечении правопорядка и безопасности граждан; предупреждение террористических акций и повышение степени защищенности объектов социальной сферы и мест с массовым пребыванием людей; обеспечение занятости несовершеннолетних в целях профилактики их противоправного поведения; повышение роли систем видеонаблюдения аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» в правоохранительной деятельности; преодоление негативного развития наркоситуации, связанного с вовлеченностью несовершеннолетних в совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков; выявление на ранней стадии лиц из числа несовершеннолетних и молодежи, незаконно потребляющих наркотические средства, больших наркоманией и токсикоманией; обеспечение развития системы противодействия проявлениям экстремизма и ксенофобии; обеспечение готовности сил и средств к предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера; создание комплексной системы экстренного оповещения населения при чрезвычайных ситуациях или об угрозе возникновения чрезвычайных ситуаций (происшествия) Московской области, развертывание системы обеспечения вызова экстренных оперативных служб по единому номеру «112»; организация и осуществление профилактики пожаров, проведение мероприятий по повышению уровня пожарной безопасности, обучение населения мерам пожарной безопасности; создание и содержание имущества гражданской обороны; обеспечение безопасности жизни и здоровья населения на водных объектах.

Подробное перечисление круга решаемых муниципальной программой задач позволяет оценить широту и глубину вопросов, обобщенных в понятии «территориальная безопасность», для эффективного решения которых все более необходимым становится наличие в системе органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления специально созданных уполномоченных подразделений по вопросам территориальной безопасности. В ЗАТО Восход, как отмечалось выше, таким подразделением является отдел территориальной безопасности, гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и мобилизационной работы.

Подобные управленческие структуры имеют место и в других муниципальных образованиях. Например, в администрации городского округа «Электросталь» функционирует Управление по территориальной безопасности в составе четырех подразделений (отдел территориальной безопасности и дежурной службы, отдел по делам гражданской обороны и чрезвычайных си-

туаций, военно-учетный стол и единая дежурно-диспетчерская служба)⁸.

В наукограде Королёве создано и действует Управление по территориальной безопасности, гражданской обороне и чрезвычайным ситуациям администрации города Королёва, на которое в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации возложено решение таких основных задач, как обеспечение первичных мер пожарной безопасности, участие в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, организация и осуществление мероприятий по гражданской обороне, защите населения и территории городского округа от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, обеспечение безопасности дорожного движения, участие в профилактике терроризма и экстремизма, организация охраны общественного порядка, создание, содержание и организация деятельности аварийно-спасательных служб и (или) аварийно-спасательных формирований, осуществление мероприятий по обеспечению безопасности людей на водных объектах, охране их жизни и здоровья; создание условий для деятельности добровольных формирований населения по охране общественного порядка⁹.

В целом изучение структуры исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления на основе информации, размещенной на их официальных сайтах, позволяет утверждать, что на уровне муниципального образования создаются, как правило, либо управления, либо отделы территориальной безопасности – в зависимости от размеров территории муниципального образования, численности его населения, специфики решаемых задач в области территориальной безопасности и, безусловно, возможностей местных бюджетов.

Значительно разнообразие уполномоченных органов исполнительной власти в субъектах Российской Федерации в сфере территориальной безопасности: в городе Москве действует Департамент региональной безопасности и противодействия коррупции¹⁰; в городе Севастополе – Департамент кадровой политики, региональной безопасности и противодействия коррупции¹¹; в Московской области – Главное управление региональной безопасности¹², такое же главное управление действует в Тверской области¹³; в Краснодарском крае – министерство гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и региональной безопасности¹⁴; в Рязанской области – министерство региональной безопасности и контроля¹⁵; в Брянской области – управление региональной безопасности администрации губернатора и правительства области¹⁶; в Нижегородской области – управление региональной безопасности и мобилизационной подготовки¹⁷; департаменты региональной безопасности соз-

даны в Костромской¹⁸ и Ярославской областях¹⁹ и др.

Представленный перечень органов территориальной безопасности свидетельствует о разнообразии форм их институализации (управление, главное управление, департамент, министерство) и, как следствие, подходов к их подчинению (соответствующему региональному министру, заместителю губернатора или непосредственно губернатору), а также о практической апробации объединения в одном органе смежных с территориальной безопасностью направлений деятельности – противодействие коррупции, внутренний государственный финансовый контроль, контроль в сфере закупок. Отсутствие единых подходов в этом вопросе во многом связано с его новизной (перечисленные органы территориальной безопасности созданы в 2011–2014 гг.) и различными финансовыми возможностями региональных бюджетов, но в целом по практическому наполнению содержания территориальной безопасности субъекты Российской Федерации едины.

Одним из наиболее емких с точки зрения определения сущности территориальной безопасности является перечень основных задач, возложенных на Главное управление региональной безопасности Тверской области, а именно: 1) обеспечение реализации полномочий Тверской области по обеспечению защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности на территории области; 2) организация защиты информации, содержащейся в государственных информационных системах Тверской области, обладателями которых являются исполнительные органы государственной власти области; 3) взаимодействие с федеральными органами исполнительной власти, осуществляющими правоохранительную деятельность и контрольно-надзорные функции на территории Тверской области, исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления муниципальных образований Тверской области, воинскими формированиями, общественными объединениями и иными организациями по вопросам, входящим в компетенцию Главного управления; 4) обеспечение реализации полномочий Тверской области в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций межмуниципального и регионального характера; 5) обеспечение реализации соглашений правительства Тверской области с федеральными органами исполнительной власти в сфере деятельности Главного управления; 6) обеспечение реализации полномочий правительства области по осуществлению мер по противодействию терроризму и экстремизму, в решении задач в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также в области противодействия их не-

законному обороту; 7) организация разработки и реализация антикоррупционной политики на территории Тверской области; 8) организационное, материально-техническое, информационное обеспечение деятельности мировых судей Тверской области; 9) формирование общего и запасного списков кандидатов в присяжные заседатели Тверской области для федеральных судов общей юрисдикции; 10) оказание содействия исполнительным органам государственной власти области в обеспечении безопасности их деятельности в рамках компетенции Главного управления²⁰.

Весьма разнообразно и внутреннее устройство таких органов территориальной безопасности. Для понимания направлений деятельности системы обеспечения безопасности интересна структура Департамента региональной безопасности и противодействия коррупции города Москвы, включающая в себя руководителя департамента, первого заместителя руководителя департамента, двух заместителей руководителя департамента, управление координации деятельности правоохранительных органов по обеспечению безопасности населения и массовых мероприятий, управление разработки и сопровождения программ безопасности и осуществления закупок, управление по вопросам противодействия коррупции, управление по обеспечению деятельности антинаркотической комиссии города Москвы и взаимодействию с органами военного управления, отдел координации деятельности по обеспечению законности в сфере азартных игр и лотерей, отдел по взаимодействию с правоохранительными органами в сфере экономической безопасности, отдел по работе с органами обеспечения безопасности, отдел финансового обеспечения и отчетности, отдел по работе с документами и обращениями граждан, отдел государственной службы и кадров²¹.

Столь разветвленная структура и статус юридического лица, позволяющий выступать заказчиком по закупкам товаров, работ, услуг для соответствующих нужд и самостоятельно реализовать предусмотренное на обеспечение территориальной безопасности финансирование, характерны для органа территориальной безопасности, которому к тому же подведомственно четыре государственных учреждения: Государственное бюджетное учреждение г. Москвы «Московский исследовательский центр», Государственное казенное учреждение «Московский городской штаб народной дружины», Государственное казенное учреждение «Московский городской совет общественных пунктов охраны порядка» и Государственное казенное учреждение «Московская безопасность»²².

И если функциональное предназначение первых трех учреждений в той или иной степени понятно из официальных наименований,

то по Государственному казенному учреждению «Московская безопасность» необходимо пояснить, что основными видами его деятельности являются: 1) разработка и внедрение во взаимодействии с ГУВД по г. Москве и Управлением Федеральной службы безопасности Российской Федерации по г. Москве и Московской области паспортов комплексной безопасности на объектах жизнеобеспечения города с учетом особенностей каждого предприятия или их объединений (групп) и последующей (при необходимости) их корректировки; 2) ведение Реестра особо важных объектов города; 3) анализ и прогнозирование состояния исполнения подрядными (субподрядными) организациями обязательств перед городом в части соблюдения сроков выполнения работ по обеспечению комплексной безопасности объектов и городских территорий с массовым пребыванием людей; 4) организация контроля в пределах компетенции за исполнением государственных (муниципальных) контрактов и договоров с частными охраняемыми предприятиями по обеспечению безопасности (охраны) объектов городского хозяйства Москвы²³.

Одним из важнейших условий реализации властных полномочий региональных и местных органов власти в сфере территориальной безопасности является облечение их силой государственного принуждения через санкции в отношении нарушителей норм права, установленных законодателем в сфере безопасности. В этом случае наряду с Уголовным кодексом РФ и Кодексом РФ об административных правонарушениях особое значение приобретают законы субъектов Российской Федерации, устанавливающие административную ответственность за невыполнение предписаний регионального законодательства, прямо или косвенно связанных с обеспечением безопасности, например, за парковку автомобилей на дворовых территориях, нарушение комендантского часа в случае его установления и т. п.

Частью 1 ст. 1.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях установлено, что законодательство об административных правонарушениях состоит из настоящего Кодекса и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях²⁴, а п. 1 ч. 1 ст. 1.3.1 к ведению субъектов РФ в области законодательства об административных правонарушениях относятся установление законами субъектов Федерации об административных правонарушениях административной ответственности за нарушение законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и нормативных правовых актов органов местного самоуправления.

Реализуя эти положения законодательства Российской Федерации, органы законодательной

(представительной) власти субъектов РФ повсеместно издают законы субъектов Федерации об установлении административной ответственности за правонарушения, административная ответственность за совершение которых федеральным законодательством не предусмотрена. В качестве примера можно указать Закон Московской области от 2 марта 2004 г. № 36/2004-ОЗ «Об административной ответственности за правонарушения, посягающие на институты государственной власти Московской области» (с изм.)²⁵, ст. 1 которого установлено, что невыполнение законов Московской области, постановлений и распоряжений губернатора области, постановлений Московской областной думы, областного правительства, принятых в пределах их компетенции и вступивших в силу в установленном законодательством порядке, если иная ответственность не установлена законодательством Российской Федерации, законодательством Московской области, влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от 1000 до 2000 руб.; на юридических лиц – в размере от 2000 до 5000 руб. Очевидно, что такие законодательные акты субъектов Российской Федерации являются мощным инструментом региональных и местных властей для реализации их полномочий в сфере территориальной безопасности.

Необходимо отметить, что институциональные основы системы территориальной безопасности образуют не только региональные и местные органы власти, но и территориальные подразделения федеральных органов исполнительной власти, в том числе правоохранительных органов и силовых структур, которые, как правило, активно привлекаются по согласованию с установленным порядком к реализации региональных и муниципальных целевых программ в сфере региональной (территориальной) безопасности

В связи с этим крайне важной является эффективная координация всех уполномоченных органов и организаций по вопросам обеспечения безопасности, в которой ключевая роль отводится высшим должностным лицам субъекта Российской Федерации и муниципального образования (например, постоянно действующее координационное совещание по обеспечению правопорядка в субъекте Российской Федерации создается высшим должностным лицом (руководителем высших исполнительных органов государственной власти) субъекта Российской Федерации²⁶, который также является председателем антитеррористической комиссии в субъекте Федерации²⁷, и др.).

Следовательно, направляющими и координирующими основами функционирования системы территориальной безопасности являются уполномоченные органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и испол-

нительно-распорядительные органы местного самоуправления в сфере территориальной безопасности и издаваемые органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в пределах их компетенции, установленной федеральным законодательством, нормативные правовые акты по вопросам обеспечения территориальной безопасности.

Таким образом, в современной России последовательно формируются институциональные основы обеспечения территориальной безопасности как элементы единой системы национальной безопасности страны, которые являются необходимыми и обязательными условиями реализации органами государственной власти субъектов Федерации и органом местного самоуправления полномочий в сфере национальной безопасности, определенных для них законодательством Российской Федерации.

Примечания

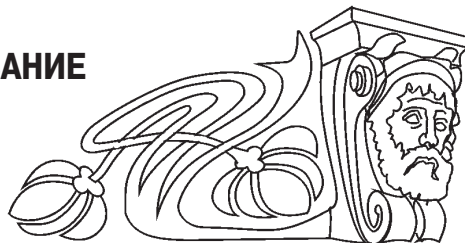
- 1 См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. // Парламентская газ. 2014. № 43. 05–11 дек.
- 2 См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
- 3 Там же.
- 4 См.: О безопасности : федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // Рос. газ. 2010. 29 дек.
- 5 См.: Вилков А., Шестов Н. Политическая субъектность региональных социумов и элит // Власть. 2014. № 7. С. 186–191.
- 6 См.: О государственной программе Мурманской области «Обеспечение общественного порядка и безопасности населения региона» : постановление Правительства Мурманской области от 30 сентября 2013 г. № 575-ПП // Электронный бюллетень «Сборник нормативных правовых актов Губернатора Мурманской области, Правительства Мурманской области, иных исполнительных органов государственной власти Мурманской области». (11 октября 2013 г.; 3 апреля 2014 г.; 29 мая 2014 г.; 21 октября 2014 г.; 25 ноября 2014 г.). URL: <http://www.gov-murmansk.ru> (дата обращения: 16.03.2015).
- 7 См.: Закрытое административно-территориальное образование «Городской округ Восход» : [официальный сайт]. URL: <http://www.go-voshod.ru/> (дата обращения: 12.03.2015).
- 8 См.: Городской округ «Электросталь» : [официальный сайт]. URL: <http://electrostal.ru/administracia/90-utb.html> (дата обращения: 16.03.2015).
- 9 См.: Администрация города Королёва : [официальный сайт]. URL: <http://www.korolev.ru/main/gochs/utb/> (дата обращения: 16.03.2015).
- 10 См.: О переименовании Департамента региональной безопасности города Москвы и утверждении Положения о Департаменте региональной безопасности и противодействия коррупции города Москвы : постановление Правительства Москвы от 25 февраля 2014 г. № 79-ПП (в ред. постановления Правительства Москвы от 08 сентября 2014 г. № 512-ПП). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 11 См.: Об образовании управления безопасности и противодействия коррупции Департамента кадровой политики, региональной безопасности и противодействия коррупции : указ Губернатора города Севастополя от 28 ноября 2014 г. № 82. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 12 См.: Об установлении штатной численности и об утверждении Положения о Главном управлении региональной безопасности Московской области : постановление Губернатора Московской области от 05 июня 2012 г. № 161-ПГ (в ред. постановлений Губернатора Московской области от 25 июня 2012 г. № 184-ПГ, от 24 августа 2012 г. № 247-ПГ, от 19 марта 2013 г. № 64-ПГ, от 21 октября 2013 г. № 271-ПГ, от 07 февраля 2014 г. № 19-ПГ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 13 См.: Об утверждении Положения о Главном управлении региональной безопасности Тверской области : постановление Правительства Тверской области от 18 октября 2011 г. № 78-пп (в ред. постановлений Правительства Тверской области от 28 октября 2011 г. № 159-пп, от 15 августа 2012 г. № 480-пп, от 13 ноября 2012 г. № 694-пп, от 4 марта 2013 г. № 74-пп, от 13 августа 2013 г. № 390-пп, от 3 декабря 2013 г. № 605-пп, от 4 февраля 2014 г. № 54-пп, от 20 мая 2014 г. № 250-пп). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 14 См.: О министерстве гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и региональной безопасности Краснодарского края : постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 28 июня 2012 г. № 744 (в ред. постановлений главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 1 марта 2013 г. № 166, от 5 августа 2013 г. № 853, от 3 декабря 2013 г. № 1407, от 31 декабря 2013 г. № 1627, от 27 января 2014 г. № 20, от 9 июня 2014 г. № 586, от 28 августа 2014 г. № 893, от 28 ноября 2014 г. № 1354). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 15 См.: Об утверждении Положения о министерстве региональной безопасности и контроля Рязанской области : постановление Правительства Рязанской области от 14 сентября 2012 г. № 254 (в ред. постановления Правительства Рязанской области от 16 ноября 2012 г. № 329). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 16 См.: Об утверждении Положения об управлении региональной безопасности администрации Губернатора Брянской области и Правительства Брянской области : указ Губернатора Брянской области от 1 апреля 2013 г. № 310. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 17 См.: Об утверждении Положения об управлении региональной безопасности и мобилизационной подготовки Нижегородской области : постановление Правительства Нижегородской области от 22 мая 2012 г. № 295 (в ред. постановлений Правительства Нижегородской области

- от 15 июня 2012 г. № 343, от 23 октября 2013 г. № 766). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
- 18 См.: О департаменте региональной безопасности Костромской области : постановление Губернатора Костромской области от 14 мая 2009 г. № 104 (в ред. постановлений губернатора Костромской области от 29 октября 2009 г. № 231, от 31 декабря 2009 г. № 298, от 06 июня 2011 г. № 87, от 28 декабря 2011 г. № 189, от 08 февраля 2012 г. № 41). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 19 См.: О департаменте региональной безопасности Ярославской области : постановление Правительства Ярославской области от 2 декабря 2011 г. № 960-п (в ред. постановлений Правительства Ярославской области от 27 февраля 2012 г. № 126-п, от 14 марта 2012 г. № 179-п, от 9 августа 2012 г. № 756-п, от 12 сентября 2012 г. № 884-п, от 26 декабря 2012 г. № 1517-п, от 24 января 2014 г. № 46-п, от 26 марта 2014 г. № 243-п, от 4 июня 2014 г. № 537-п, от 12 сентября 2014 г. № 887-п). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 20 См.: Об утверждении Положения о Главном управлении региональной безопасности Тверской области : постановление Правительства Тверской области от 18 октября 2011 г. № 78-пп.
- 21 См.: Организационная структура Департамента региональной безопасности и противодействия коррупции города Москвы // Департамент региональной безопасности и противодействия коррупции города Москвы : [офиц. сайт]. URL: <http://drbez.mos.ru/about/structure/> (дата обращения: 16.03.2015).
- 22 См.: Подведомственные организации Департамента региональной безопасности и противодействия коррупции города Москвы // Там же. URL: http://drbez.mos.ru/about/subordinate/type_15337/ (дата обращения: 16.03.2015).
- 23 См.: ГКУ «Московская безопасность» // Там же. URL: <http://drbez.mos.ru/about/subordinate/15947/> (дата обращения: 16.03.2015).
- 24 См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // Интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 18.03.2015).
- 25 Об административной ответственности за правонарушения, посягающие на институты государственной власти Московской области : закон Московской области от 2 марта 2004 г. № 36/2004-ОЗ (в ред. Законов Московской области от 22 июля 2013 г. № 80/2013-ОЗ, от 15 ноября 2012 г. № 172/2012-ОЗ, от 19 октября 2007 г. № 183/2007-ОЗ, от 14 июня 2005 г. № 144/2005-ОЗ, от 30 декабря 2004 г. № 212/2004-ОЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 26 См.: О дополнительных мерах по обеспечению правопорядка : указ Президента РФ от 11 декабря 2010 г. № 1535 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 50. Ст. 6656 ; 2013. № 26. Ст. 3309.
- 27 См.: О мерах по противодействию терроризму : указ Президента РФ от 15 февраля 2006 г. № 116 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 8. Ст. 897 ; № 32. Ст. 3535 ; 2007. № 46. Ст. 5562 ; 2008. № 9. Ст. 824 ; № 32. Ст. 3768 ; 2009. № 23. Ст. 2798 ; № 46. Ст. 5460 ; 2012. № 37. Ст. 4988 ; 2013. № 26. Ст. 3307 ; 2014. № 26 (ч. II). Ст. 3526.

УДК 323.1

ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ (МЕЖЭТНИЧЕСКИХ) ОТНОШЕНИЙ В ГОРОДЕ БАЙКОНУР: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ю. В. Зевако

филиал «Восход» МАИ в г. Байконуре, Республика Казахстан
E-mail: milirita@rambler.ru

В статье проанализированы современное состояние и перспективы развития политико-административного регулирования межнациональных (межэтнических) отношений в городе Байконур, функционирующем в условиях аренды. Последовательно рассмотрены особенности политико-правового статуса города Байконур, изучен практический опыт органов исполнительной власти города Байконур по регулированию межнациональных (межэтнических) отношений. Выработаны предложения по совершенствованию политико-административного регулирования межнациональных (межэтнических) отношений в города Байконур, в том числе путем углубления международного сотрудничества в этих вопросах с Республикой Казахстан.

Ключевые слова: национальная политика, межнациональные отношения, межэтнические отношения, Байконур.

Political and Administrative Regulation of International (Inter-ethnic) Relations in the City of Baikonur: Current State and Prospects

Yu. V. Zevako

The article analyzes the current state and prospects of development of political and administrative control of international (inter-ethnic) relations in the city of Baikonur, functioning in the conditions of the lease. Consistently the features of the political and legal status of the city of Baikonur, studied experience of the executive authorities of the city of Baikonur to regulate international (inter-ethnic) relations. To develop proposals for improving the political and administrative regulation of interethnic (ethnic) relations in the city of Baikonur, including by deepening international cooperation on these issues with the Republic of Kazakhstan.

Key words: national policies, international relations, inter-ethnic relations, Baikonur.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-86-91

Вопросы политико-административного регулирования межнациональных (межэтнических) отношений в городе Байконур представляют интерес как для теоретиков, так и для практиков национальной политики в современной России. Специфику этих вопросов во много определяет особый политико-правовой статус города Байконур, установленный международными договорами и соглашениями.

В соответствии со ст. 2 Договора аренды комплекса «Байконур» между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан от 10 декабря 1994 г.¹ (далее – Договор аренды комплекса «Байконур») Арендодатель (Правительство Республики Казахстан) сдает, а Арендатор (Правительство Российской Федерации) принимает в аренду комплекс «Байконур». К числу арендованных объектов в соответствии с приложением № 1 к Договору аренды комплекса «Байконур» относится и город Ленинск (ныне – Байконур) с расположенными на его территории зданиями, сооружениями и объектами инфраструктуры. Частью 4.1 ст. 4 Договора аренды комплекса «Байконур» было установлено, что данный комплекс передается в аренду на 20 лет, но согласно Соглашению между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о развитии сотрудничества по эффективному использованию комплекса «Байконур», совершенному в Астане 9 января 2004 г.², срок аренды продлен до 2050 г.

В соответствии с ч. 1 ст. 1 Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о статусе города Байконур, порядке формирования и статусе его органов исполнительной власти от 23 декабря 1995 г.³ (далее – Соглашение о статусе города Байконур) город Байконур является административно-территориальной единицей Республики Казахстан, функционирующей в условиях аренды. На территории города размещены объекты космодрома, а также другие объекты, создающие необходимые коммунально-бытовые и социально-культурные условия для персонала космодрома «Байконур», членов их семей и других жителей города Байконур. На период аренды комплекса «Байконур» город Байконур в отношениях с Российской Федерацией наделяется статусом, соответствующим городу федерального значения Российской Федерации, с особым режимом безопасного функционирования объектов, предприятий и организаций, а также проживания граждан.

Статьей 6 Соглашения о статусе города Байконур определено, что администрация города Байконур – это органы исполнительной власти, действующие под непосредственным руководством главы этой администрации. Глава администрации города Байконур назначается совместно Президентом Российской Федерации и Президентом Республики Казахстан по представлению российской стороны. На период действия Договора аренды комплекса «Байконур» администрацию

города Байконур формирует Правительство РФ по представлению главы этой администрации.

При этом по своему статусу и набору полномочий администрация города Байконур не вписывается в рамки только Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (с изм.)⁴ или только Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм.)⁵, а, по сути, объединяет в себе полномочия как органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, так и исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления, что нашло отражение в решении Экономического суда СНГ от 11 марта 2004 г. № 01–1/6–03⁶, но при этом город Байконур отсутствует в перечне субъектов Российской Федерации, приведенном в ст. 65 Конституции РФ⁷, что даже с учетом ч. 4 ст. 15 Конституции РФ⁸, устанавливающей приоритет международных договоров Российской Федерации над федеральным законодательством, вызывает серьезные правовые споры. Безусловно, это имеет существенное значение для определения статуса администрации города Байконур как субъекта регулирования межнациональных (межэтнических) отношений в контексте реализации Стратегии и Программы. Более того, администрация города Байконур функционирует в условиях отсутствия в городе органов представительной власти, которые в соответствии с Соглашением о статусе в городе Байконур не формируются.

Частью 1 ст. 4 Соглашения о статусе города Байконур введено определение жителя города Байконур, которым признается гражданин Российской Федерации или гражданин Республики Казахстан, проживающий на территории города и зарегистрированный (прописанный) в администрации города Байконур. Военнослужащие кадрового состава (офицеры, прапорщики) космодрома «Байконур» и члены их семей относятся к жителям города Байконур. При этом согласно ч. 2 ст. 4 Соглашения о статусе города Байконур не допускаются какие-либо ограничения прав жителей города Байконур по политическим убеждениям, расовой и национальной принадлежности, социальному происхождению, полу, социальному или имущественному положению, языку, отношению к религии. В свою очередь, ч. 1 ст. 20 данного Соглашения установлено, что прием на работу граждан Российской Федерации, Республики Казахстан в учреждения, организации и предприятия, функционирующие на комплексе «Байконур», осуществляется на основании профессиональной пригодности в соответствии с действующими в этих учреждениях, организациях и предприятиях критериями отбора, что также работает на исключение дискриминации граждан двух государств.

Категория «жители города Байконур», объединяющая на паритетных началах граждан России и граждан Казахстана, официально зарегистрированных на территории города Байконур, является ключевой при определении адресата реализуемых администрацией города мероприятий в сфере социальной политики и, безусловно, носит принципиальный при регулировании межнациональных (межэтнических) отношений в городе Байконур, в контексте данных последней переписи населения, характер: по данным 2010 г., из около 72 000 человек, проживающих в городе Байконур, граждане Российской Федерации составили 20 100 человек, т. е. примерно 28% от общей численности жителей города Байконур.

В таких политико-правовых и демографических условиях администрация города Байконур реализует достаточной шириной комплекс мероприятий, направленных на профилактику экстремизма, ксенофобии, религиозной нетерпимости и укрепление дружбы народов. Данная проблема оценивается исследователями как одна из самых социально и политически значимых в современной России⁹.

Так, в целях противодействия экстремизму и терроризму в 2014 г. профилактическая работа проводилась в рамках реализации мероприятий городской целевой программы «Противодействие и профилактика преступлений и правонарушений на 2013–2015 годы», утвержденной постановлением Главы администрации города Байконур от 29 декабря 2012 г. № 257 «Об утверждении городской целевой программы “Противодействие и профилактика преступлений и правонарушений на территории города Байконур на 2013–2015 годы”» (с изм.)¹⁰.

Управлением культуры, молодежной политики, туризма и спорта администрации города Байконур (далее – УКМППТиС) во взаимодействии с представителями правоохранительных органов и ведущих конфессий организуются и проводятся встречи-беседы со студентами функционирующих в городе Байконур профессиональных образовательных организаций и образовательных организаций высшего образования, а также в трудовых коллективах организаций с высокой долей молодежи среди работников.

Только в течение 2014 г. на страницах городской еженедельной газеты «Байконур» опубликованы статьи «Религиозная безграмотность – кратчайший путь к терроризму», «Боль, которую время не лечит», посвященная 10-й годовщине теракта в Беслане (Северная Осетия), «Поставить заслон терроризму и экстремизму», «Терроризму – нет».

УКМППТиС разрабатываются и распространяются среди учащихся образовательных организаций города Байконур буклеты антиэкстремистской направленности, систематически проводятся мероприятия, направленные на укрепление дружбы народов, патриотическое воспитание и профилактику экстремизма.

Так, 3 сентября 2014 г. состоялась городская молодежная акция, приуроченная к Дню солидарности в борьбе с экстремизмом и терроризмом. 12 марта 2014 г. в УКМППТиС проведен круглый стол, в котором приняли участие представители субъектов профилактики молодежного экстремизма, обсудившие наиболее актуальные вопросы по профилактике экстремизма и терроризма, согласовали совместный план работы. 7 апреля 2014 г. проведена конференция на тему «Роль общественных организаций ветеранов боевых действий в патриотическом воспитании молодежи», в которой приняли участие руководители и специалисты субъектов патриотического воспитания. Ежегодно проводятся патриотические акции «Георгиевская ленточка» и «Свеча памяти».

Важным элементом системы противодействия идеологии экстремизма и терроризма являются библиотеки Государственного бюджетного учреждения «Централизованная библиотечная система», в которые регулярно закупается литература по гармонизации межнациональных (межэтнических) отношений, в том числе по противодействию и профилактике экстремизма и терроризма. В указанном учреждении постоянно отслеживается и обновляется размещенный на официальном сайте Министерства юстиции Российской Федерации список материалов, признанных российскими судами экстремистскими.

С большим вниманием в городе Байконур относятся к празднованию государственных праздников Российской Федерации и Республики Казахстан, народных праздников русского и казахского народов, подтверждением чему служат издаваемые Главой администрации города Байконур распоряжения¹¹ об организации соответствующих мероприятий.

Администрацией города Байконур проводятся и мероприятия, направленные на мониторинг межнациональной (межэтнической) напряженности на территории города Байконур. Так, с февраля по май 2014 г. УКМППТиС проведено методом анкетирования среди учащейся и работающей молодежи города Байконур социологическое исследование, посвященное выяснению отношения байконурцев к проявлениям экстремизма и терроризма¹².

Однако даже столь интенсивная и достаточно результативная работа по политико-административному регулированию межнациональных (межэтнических) отношений в городе Байконур имеет широкие перспективы дальнейшего развития.

Принимая во внимание накопленный опыт администрации города Байконур в разработке и реализации городских целевых программ (в 2015 г. в городе Байконур действовали 10 городских целевых программы по вопросам социальной политики, профилактики правонарушений, благоустройства, поддержки малого и среднего предпринимательства) и специфику с политико-правовой и практической точек зрения сложившейся в городе Байконур ситуации в области

межнациональных (межэтнических) отношений, наиболее перспективным путем повышения эффективности деятельности администрации города Байконур в сфере обеспечения межнационального (межэтнического) согласия в нормативной правовой плоскости является программный метод, который при правильном содержательном наполнении может приобрести инновационный характер.

Программный метод предполагает разработку и утверждение в соответствии с Положением о городских целевых программах, утвержденным постановлением Главы администрации города Байконур от 15 апреля 2013 г. № 44¹³, постановления Главы администрации города Байконур об утверждении городской целевой программы, например, с названием «Гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений в городе Байконур» на среднесрочный период (3–4 года), который позволит в достаточной степени апробировать предусмотренные этой программой мероприятия и при необходимости скорректировать их.

Финансирование указанной целевой программы может быть как за счет исключительно средств бюджета города Байконур, а также – при защите проекта бюджета города Байконур в федеральном центре – рассмотреть возможность обосновать необходимость предоставления бюджету города Байконур межбюджетных трансфертов на решение вопросов гармонизации межнациональных (межэтнических) отношений.

В числе мероприятий, включение которых в городскую целевую программу представляется первоочередным, можно выделить:

– создание и развитие в городе Байконур системы мониторинга состояния межнациональных (межэтнических) отношений, в том числе с учетом возможностей информационно-коммуникационной сети Интернет;

– осуществление профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации муниципальных служащих города Байконур по вопросам регулирования межнациональных (межэтнических) отношений;

– создание и развитие методической базы по воспитанию толерантности и профилактики экстремизма среди различных категорий населения для уполномоченных должностных лиц органов и организаций, функционирующих на территории города Байконур;

– развитие в образовательных организациях города Байконур преподавания дисциплины «Байконуроведение» с историческим экскурсом во взаимоотношения русских и казахов, начиная с конца XVII в. – начала XVIII в. и акцентом на осуществление «общего дела» при строительстве космодрома во взаимоотношениях россиян и казахстанцев, сегодня проживающих в городе Байконур;

– строительство в городском парке культуры и отдыха «национальной деревни» города Байконур, отражающей богатство и многообразие культур проживающих в городе народов;

– проведение ежегодного фестиваля культур народов Байконура;

– проведение в общеобразовательных организациях города Байконур классных часов, посвященных культурам народов, живущих в городе, профилактике межнациональной неприязни;

– развитие на базе городского Дворца культуры культурно-досуговой и культурно-просветительской деятельности в целях укрепления дружбы народов;

– поддержка создания и развития на территории города Байконур национально-культурных объединений и других институтов гражданского общества, настроенных на конструктивное взаимодействие с органами власти по вопросам обеспечения межнационального (межэтнического) согласия;

– разработка и проведение мероприятий по патриотическому воспитанию молодежи в современных формах на основе общих позитивных точек социальной памяти народов России и Казахстана;

– разработка, изготовление и распространение полиграфической продукции с сюжетами, пропагандирующими дружбу между представителями разных народов, проживающих в городе Байконур;

– проведение мероприятий по активизации музейной деятельности, способствующей знакомству многонациональной молодежи города Байконур с «общим делом» первой космической гавани;

– разработка и проведение актуальных по форме и содержанию мероприятий по профилактике экстремизма среди учащейся и работающей молодежи города Байконур.

В организационно-структурном направлении необходимыми мероприятиями по совершенствованию системы политико-административного регулирования межнациональных (межэтнических) отношений в городе Байконур являются создание в структуре администрации города уполномоченного органа по этим вопросам, а также образование при Главе администрации города Координационного совета по гармонизации межнациональных (межэтнических) отношений в Байконуре.

С учетом опыта субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, а также политико-административной и социальной-экономической реальности города Байконур для решения задач по гармонизации межнациональных (межэтнических) отношений на территории города возможно создать отдел межнациональных (межэтнических) отношений в структуре УКМПТиС, наделив его следующими функциями:

– участие в формировании правовых, организационных и социально-экономических основ регулирования межнациональных (межэтнических) отношений в городе Байконур;

– стимулирование социально-культурного диалога между представителями разных народов, проживающих в Байконуре;

– проведение постоянного мониторинга межнациональных и межконфессиональных отношений в городе Байконур;

– создание эффективной системы просвещения и информирования населения о культуре, обычаях, конфессиональных особенностях разных народов, проживающих в городе Байконур;

– содействие религиозным и общественным организациям в проведении благотворительных акций, направленных на воспитание толерантных отношений в обществе;

– содействие созданию и развитию национально-культурных автономий, иных общественных объединений и организаций народов, проживающих в Байконуре;

– содействие национально-культурным автономиям, иным общественным объединениям и организациям народов, проживающих в Байконуре, в проведении мероприятий, направленных на сохранение и развитие национальной, культурной, языковой самобытности представителей разных народов, проживающих в городе;

– проведение научно-практических конференций, семинаров, встреч и круглых столов по проблемам межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных отношений;

– взаимодействие в пределах компетенции с органами и организациями, функционирующими в городе Байконур, по вопросам гармонизации межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных отношений;

– разработка и представление Главе администрации города Байконур предложений по перспективам развития системы регулирования межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных отношений;

– сбор оперативной информации о состоянии и динамике развития межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных отношений в городе Байконур;

– анализ и разработка соответствующих прогнозов и предложений о состоянии и перспективах развития межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных отношений в Байконуре;

– подготовка информационно-аналитических материалов по вопросам межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных отношений, обеспечение Главы администрации города Байконур и подразделений администрации города оперативной информацией по этим вопросам;

– обеспечение взаимодействия с общественными и религиозными организациями города Байконур, Российской Федерации, Республики Казахстан и международными организациями по вопросам, входящим в компетенцию отдела.

В качестве основных задач Координационного совета по гармонизации межнациональных (межэтнических) отношений в городе Байконур видятся:

– стимулирование поддержания на территории города стабильной обстановки в сфере

межнациональных (межэтнических) отношений, укрепление доверия и дружбы между различными этносами;

– обсуждение и подготовка (участие в подготовке) проектов городских целевых программ, нормативных правовых актов Главы администрации города Байконур, решений и рекомендаций по вопросам регулирования межнациональных (межэтнических) отношений;

– обеспечение учета предложений действующих в городе Байконур национально-культурных объединений, касающихся решения экономических, социальных, экологических, политических, духовных, миграционных и других проблем.

Стоит отметить, что своевременное и эффективное решение проблемных вопросов регулирования межнациональных (межэтнических) отношений в городе Байконур и гармонизация межэтнических (межнациональных) отношений на его территории возможны только при условии российско-казахстанского сотрудничества в этой области.

Это обусловлено как объективными характеристиками города Байконур, в котором большую часть жителей составляют граждане Республики Казахстан, а в общественно-политические и социально-экономические процессы активно включены также казахстанцы, проживающее в близлежащих к городу поселке Тюра-Там и аульном округе Акай, многие из которых трудятся в организациях города и космодрома «Байконур» (но юрисдикция России на эти населенные пункты не распространяется), так и той высокой степенью внимания, которое уделяется в Республике Казахстан вопросам регулирования межнациональных (межэтнических) отношений.

Статус вопросов государственной национальной политики в Казахстане действительно высок, что положительно сказывается и на ее эффективности. Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев в Послании Президенту Республики Казахстан – Лидера Нации Н. А. Назарбаева народу Казахстана от 14 декабря 2012 г. отметил: «Гражданский мир и межнациональное согласие – наша главная ценность. Мир и согласие, диалог культур и религий в нашей многонациональной стране справедливо признаны мировым эталоном. Ассамблея народа Казахстана стала уникальной евразийской моделью диалога культур. Казахстан превратился в центр глобального межконфессионального диалога»¹⁴.

В пользу сотрудничества с Казахстаном в вопросах национальной политики свидетельствуют также следующие цифры. В Республике Казахстан проживают представители 140 этносов (для сравнения – в Российской Федерации, существенно превосходящей Казахстан по площади территории, проживает 190 этносов) и 17 конфессий. В Казахстане действует 820 этнокультурных объединений (24 республиканских, 267 региональных, 156 городских, 371 районное), 11 специализированных

областных домов дружбы, в которых ежегодно бывают 720 тыс. посетителей, работают национальные театры, в том числе 14 русских театров, уйгурский, корейский, немецкий, узбекский, а также музеи и выставочные залы этнокультурных объединений. Действует 88 школ, в которых обучение полностью ведется на узбекском, таджикском, уйгурском и украинском языках. В 108 школах языки 22 этносов Казахстана преподаются в качестве самостоятельного предмета. Кроме того, открыто 195 специализированных лингвистических центров, где не только дети, но и взрослые могут изучать языки 30 этносов. На протяжении многих лет Республика Казахстан не знает крупных межнациональных (межэтнических) конфликтов, имевших широких общественный резонанс¹⁵.

Реализация предложенных мероприятий по развитию системы политико-административного регулирования межнациональных (межэтнических) отношений в городе Байконур позволит повысить ее эффективность с учетом особого статуса города, функционирующего в условиях аренды, и создаст институциональные основы для развития российско-казахстанского сотрудничества в области гармонизации межнациональных (межэтнических) отношений на территории города Байконур в технологиях партнерства.

Примечания

- ¹ См.: Договор аренды комплекса «Байконур» между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан от 10 декабря 1994 г. // Бюллетень международных договоров. 1998. № 10. С. 9–16.
- ² См.: Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о развитии сотрудничества по эффективному использованию комплекса «Байконур» от 09 января 2004 г. // Бюллетень международных договоров. 2012. № 7. С. 98–100.
- ³ См.: Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о статусе города Байконур, порядке формирования и статусе его органов исполнительной власти от 23 декабря 1995 г. // Бюллетень международных договоров. 1999. № 5. С. 56–67.
- ⁴ См.: Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : федер. закон от 06 октября 1999 г. № 184-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 42. Ст. 5005 ; 2003. № 27. Ст. 2709 ; 2005. № 1. Ст. 25 ; 2006. № 1. Ст. 10 ; № 23. Ст. 2380 ; 2007. № 1. Ст. 21 ; № 30. Ст. 3747 ; № 43. Ст. 5084 ; № 46. Ст. 5553 ; 2008. № 48. Ст. 5516 ; № 52. Ст. 6236 ; 2009. № 51. Ст. 6163 ; 2010. № 15. Ст. 1736 ; № 19. Ст. 2291 ; № 49. Ст. 6409 ; 2011. № 30. Ст. 4590 ; № 49. Ст. 7039 ; 2013. № 48. Ст. 6165 ; 2014. № 45. Ст. 6138 ; 2015. № 1. Ст. 11 ; № 14. Ст. 2017.
- ⁵ См.: Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822 ; 2007. № 1. Ст. 21 ; № 43. Ст. 5084 ; 2008. № 48. Ст. 5517 ; № 52. Ст. 6236 ; 2009. № 48. Ст. 5733 ; № 52. Ст. 6441 ; 2010. № 49. Ст. 6409 ; 2011. № 50. Ст. 7353 ; 2012. № 29. Ст. 3990 ; № 31. Ст. 4326 ; № 53. Ст. 7596 ; 2013. № 27. Ст. 3477 ; 2014. № 22. Ст. 2770 ; № 26. Ст. 3371 ; № 30. Ст. 4218, 4257 ; 2015. № 13. Ст. 1808.
- ⁶ См.: Решение Экономического суда СНГ от 11 марта 2004 г. № 01-1/6-03. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ⁷ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
- ⁸ Там же.
- ⁹ См.: Вилков А. А. Политические аспекты проблемы толерантности в современной обществоведческой литературе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2008. Т. 8, вып. 1. С. 88–93.
- ¹⁰ См.: Об утверждении городской целевой программы «Противодействие и профилактика преступлений и правонарушений на территории города Байконур на 2013–2015 годы» : постановление Главы администрации города Байконур от 29 декабря 2012 г. № 257 (с изм.) // Администрация города Байконур : [официальный сайт]. URL: <http://www.baikonuradm.ru/index.php?mod1=npb1&npbid=902> (дата обращения: 14.04.2015).
- ¹¹ См., например: Распоряжение Главы администрации города Байконур от 09 июня 2014 г. № 01-203р «Об организации подготовки и проведения праздничных мероприятий, посвященных Дню России», Распоряжение Главы администрации города Байконур от 10 декабря 2014 г. № 01-421р «О национальном празднике Республики Казахстан – Дне Независимости», Распоряжение Главы администрации города Байконур от 10 февраля 2015 г. № 01-21р «О народном гулянии “Широкая Масленица”», Распоряжение Главы администрации города Байконур от 17 марта 2015 г. № 01-58р «Об организации проведения в городе Байконур государственного праздника Республики Казахстан Наурыз мейрамы».
- ¹² Социологическое исследование организовано и проведено ведущим специалистом отдела молодежной политики и туризма Управления культуры, молодежной политики, туризма и спорта, выпускницей кафедры политических наук СГУ им. Н. Г. Чернышевского А. С. Завариной.
- ¹³ См.: Об утверждении Положения о городских целевых программах в новой редакции : постановление Главы администрации города Байконур от 15 апреля 2013 г. № 44 // Администрация города Байконур : [официальный сайт]. URL: <http://www.baikonuradm.ru/index.php?mod1=npb1&npbid=956> (дата обращения: 25.04.2015).
- ¹⁴ Стратегия «Казахстан-2050» : новый политический курс состоявшегося государства. Послание Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Н. А. Назарбаева народу Казахстана от 14 декабря 2012 г. // Казахская правда. 2012. 15 дек.
- ¹⁵ См.: Ассамблея народа Казахстана : [официальный сайт]. URL: <http://assembly.kz/> (дата обращения: 15.04.2015).

УДК 32.001

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ИММАНЕНТНЫЙ МЕХАНИЗМ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕС-СООБЩЕСТВА

А. Х. Сукиасян, О. Г. Евстифеева

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова
(Волгоградский филиал)
E-mail: satha@inbox.ru

В статье авторы рассматривают политическую культуру как имманентный механизм институционализации социальной ответственности бизнес-сообщества. Роль политической культуры также состоит в снижении стохастичности (случайности, непредсказуемости) политических процессов и рисков. Особенности политической культуры формируют специфическую модель социальной ответственности бизнеса. основополагающими чертами современной российской политической культуры являются партикуляризм и аскриптивность. Поэтому российская деловая культура является отношенческой, т. е. характеризуется высокой ролью личного фактора, порой даже преобладанием «личного над профессиональным», значительно «связей и знакомств». Как результат, значительный диапазон накопившихся социокультурных изменений, которые не соответствуют уровню институционального развития. Более того, транзитный тип политической культуры обуславливает устойчиво-незавершенный характер институционализации социальной ответственности бизнеса.

Ключевые слова: политическая власть, бизнес-сообщество, заинтересованные группы, нуминозность, институциональный, условие, социокультурный раскол, социальная ответственность.

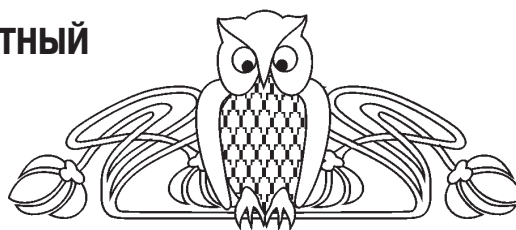
Political Culture is as an Immanent Mechanism Institutionalization Social Responsibility Business Community

A. Kh. Sukiasyan, O. G. Evstifeeva

In article the author examines the political culture as an inherent mechanism for institutionalizing social responsibility the business community. The role of political culture is also to reduce the stochasticity (randomness, unpredictability) of political processes and risks. Features of the political culture of form-specific model of corporate social responsibility. Fundamental characteristics of contemporary Russian political culture is particularism and ascription. Therefore, the Russian business culture is relational, ie, characterized by high role of personal factors, and sometimes even dominated by «the personal over the professional» considerably «relationships and dating». As a result, a significant range of accumulated social and cultural changes that do not correspond to the level of institutional development. Moreover, transitory type of political culture determines the steady-incompleteness of the institutionalization of social responsibility.

Key words: political power, business community, stakeholders, numinous, institutional, condition, socio-cultural divisions, social responsibility.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-92-97

Институционализация социальной ответственности бизнес-сообщества неотделима от конкретной социокультурной матрицы, которая определяет константу равновесия в гетерогенной институциональной среде. Институциональная система включает в себя такие уровни, как формальные правила, которые фиксируются в нормативно-правовых актах; неформальные правила, представляющие собой социальные нормы; и третий уровень – культура. Уровни институциональной системы преобразуются с разными темпами. Наибольшей инертностью характеризуется третий уровень. Процесс институционализации социальной ответственности не существует как самостоятельный феномен, но всегда детерминирован набором инструментальных и терминальных ценностей, которые господствуют в конкретной культурной среде. Поэтому не существуют отдельно, сами по себе социально-политические, экономические превосходства. Они всегда часть и следствие культурного доминирования. Поскольку в России государство, находясь на оси порядка и изменения, согласно А. Турену¹, обуславливает контуры институциональной среды, то целесообразным представляется именно анализ политической культуры.

Концепция политической культуры позволяет более глубоко исследовать мотивацию акторов политического поведения, выявить причины кризисов политического развития: кризисы идентичности и легитимности, перераспределение ресурсов и т. д., что позволяет преодолеть узость понятийно-категориального аппарата институционального анализа в политических исследованиях, который не эксплицирует должным образом феномен «трансцендентности институтов» – способность институтов функционировать в разных социокультурных контекстах, т. е. одинаковые по форме социальные институты и их деривативы действуют совершенно по-разному. Концепции политической культуры включают в себя своеобразный аксиологический каркас, позволяющий глубже исследовать мотивацию политического поведения, выявить причины дивергенции между значительным диапазоном накопившихся социокультурных изменений и несоответствующим уровнем институционального развития.

Следовательно, при становлении института следует учитывать социокультурные характери-

стики общества во избежание функционального вакуума. Данное обстоятельство требует выхода за рамки институциональных представлений об обществе и кооперации с представителями, в первую очередь, социокультурного подхода. На это обстоятельство указывает Д. Ф. Тюрин, считая, что у этих подходов есть общее проблемное поле и основание теоретических предпосылок². Если институциональный подход выявляет устойчивые микро- и макроструктуры социальных взаимодействий, то социокультурный подход позволяет проанализировать исторический социокультурный процесс, соотнося контекст социальных взаимодействий с преобладающими ценностями социальных групп, общностей и общества в целом.

Основанием социальной ответственности является социальное действие, которое характеризуется преднамеренностью, мотивированностью и ориентированностью на другого (других), причем ориентация эта стандартная, а потому и ожидаемая. Наличие взаимно согласованных, разделяемых стандартов формирует не только эффект предсказуемости, но и эффект обязательности выполнения. Тем самым посредством культуры возникает обязывающая сила символов. Таким образом, взаимная откорректированность и отрегулированность, переплетение смыслов, ожиданий и поведения, основанного на взаимной ориентации³, становятся возможными благодаря принятым в обществе идеям, нормам, правилам, образцам поведения, т. е. благодаря культуре.

В науке сложились два основных подхода к трактовке политической культуры. Одни ученые отождествляют ее с субъективным содержанием политики, подразумевая под ней всю совокупность духовных явлений (Г. Алмонд, С. Верба, Д. Дивайн, Ю. Краснов и др.) и символов (Л. Диттмер). Неудивительно, что понятие «политическая культура» расценивается некоторыми из них не более чем «новый термин для старой идеи», обобщенно характеризующий субъективный контекст властно-политических отношений. Согласно Г. Алмонду и С. Вербе, политическая культура – особый тип ориентации на политическое действие, отражающий специфику каждой политической системы. Шестидесятые годы XX в. считаются периодом наивысшей популярности исследований проблем политической культуры. Важнейшим импульсом, приведшим к активным исследованиям политической культуры, стала потребность выяснения несостоятельности попытки развивающихся стран копировать западноевропейские образцы при создании собственных политических систем. Кроме того, большую роль сыграли кризисные явления в жизни развитых демократий, связанные с бурным проявлением молодежной контркультуры, усилением расовых волнений, формированием экологического движения, усилением фемин-

нистского движения, и, наконец, стала очевидной сила так называемой «четвертой власти» – средств массовой информации. Девяностые годы и «третья волна» демократизации также вызвали значительный интерес к политической культуре, так как до некоторой степени именно этот термин позволял отделить страны, предрасположенные к демократии, от стран, предрасположенных к авторитаризму. Другая группа ученых, видя в политической культуре проявление нормативных требований (С. Байт), совокупность типичных образцов поведения (Дж. Плейно), способ политической деятельности (У. Розенбаум) и т. д., считают, что это особый, специфический субъективный ракурс политики.

Наиболее последовательно такой подход выражается в понимании политической культуры как явления, базирующегося на ценностных, т. е. глубинных представлениях человека о политической власти, которые воплощаются в самых типичных для него способах взаимодействия с государством, формах практической деятельности. Характеризуя, таким образом, неразрывную связь практических действий человека с длительным и подчас мучительным поиском им своих политических идеалов, политическая культура отражает только самые устойчивые и отличительные черты его поведения, не подверженные каким-либо стремительным изменениям под воздействием конъюнктуры или перепада настроений. В силу этого политическая культура выражает воплощаемый на практике внутренний кодекс человеческого поведения и потому выступает как стиль деятельности индивида в сфере политической власти (И. Шапиро, П. Шаран). Характеризуя самые устойчивые представления человека и наиболее типичные формы его взаимоотношений с властью, стиль его политической деятельности демонстрирует, насколько им восприняты и усвоены общепризнанные нормы и традиции государственной жизни, как в повседневной активности сочетаются творческие и стереотипизированные приемы реализации ими своих прав и свобод и т. д. Тот же разрыв (противоречие), который складывается между освоенными и неосвоенными человеком нормами политической игры, стандартами гражданского поведения, является важнейшим внутренним источником эволюции и развития политической культуры.

В целом политическая культура способна оказывать тройственное влияние на политические процессы и институты. Во-первых, под ее воздействием могут воспроизводиться традиционные формы политической жизни. Причем такая возможность сохраняется даже в случае изменения внешних обстоятельств и характера правящего режима. Так, например, в традиционных обществах (аграрных, построенных на простом воспроизводстве и натуральных связях) политическая культура даже в период реформации,

как правило, поддерживает прежнюю архаическую структуру власти, противодействуя целям модернизации и демократизации политической системы. Такая способность политической культуры хорошо объясняет то, что большинство революций (т. е. стремительных, обвальных изменений) чаще всего заканчивается либо возвратом к прежним порядкам (означающим невозможность населения адаптировать новые для себя цели и ценности), либо террором (только и способным принудить людей к реализации новых для них принципов политического развития). Во-вторых, политическая культура способна порождать новые, нетрадиционные для общества формы социальной и политической жизни, а, в-третьих – комбинировать элементы прежнего и перспективного политического устройства⁴.

Роль политической культуры также состоит в снижении стохастичности (случайности, непредсказуемости) политических процессов и рисков – рисков невыгодных, ухудшающих условия деятельности социально-экономических субъектов, решений органов власти⁵. Культурными факторами, связанными с особенностями предшествующего исторического развития, исключительно трудно манипулировать. Политические институты меняются с большей легкостью. Поэтому те, кто озабочен укреплением возможности перехода к стабильному демократическому управлению, сосредотачивают свое внимание на них (культурных факторах)⁶.

В зависимости от культурного потенциала как социально-политического ресурса, согласно С. В. Цирелю⁷, по устойчивости институтов общества делятся на теплые и холодные. Холодные общества – это те общества, где люди договорились о правилах игры (неважно, как они называются – законы, обычаи, традиции, сакральные заповеди и т. д.) и более не нуждаются в налаживании личных отношений для разрешения стандартных ситуаций (наиболее близки к этой дефиниции западные страны и страны Юго-Восточной Азии). В таких обществах основное разнообразие институтов сосредоточено на верхних уровнях их иерархии и предназначено для разрешения сложных ситуаций. Теплые общества (в первую очередь Россия и Латинская Америка) – это те, где люди, наоборот, не сумели договориться об общих правилах и вынуждены компенсировать их отсутствие (иначе говоря, одновременное существование различных правил) личными взаимоотношениями (в том числе коррупционного характера) или временными драконовскими правилами и виртуальной мистической связью каждого с вождем. Отсутствие действенного права вынуждает перманентно обращаться к его первоисточникам, в том числе представлениям о справедливости, поэтому справедливость, часто понимаемая как всеобщее равенство доходов и даже равное бесправие, занимает высокое место в шкале ценностей. И в

то же время отсутствие регулятора справедливости (права, обычая и т. д.) очень часто ведет к большей несправедливости и большему имущественному расслоению, чем в холодных обществах. Следовательно, культурные особенности обуславливают контуры бизнес-общества как политического института. На самом деле высокий уровень коллективизма и дистанцированности от власти, патернализм, система ценностей, характеризующаяся как «наложение», т. е. новые ценности накладываются в виде пласта на уже укоренившиеся нормы и ценности, образуя новые социальные группы с неопределенными правилами поведения и т. д., детерминируют особенности взаимоотношений бизнеса, власти и общества в современной России. Сообразно теоретическим разработкам Г. Хофстеде, дистанцированность от власти – восприятие власти, степень, с которой наделенные относительно меньшей властью члены общества, института или организации ожидают и допускают неравномерность распределения власти; для культур с большой дистанцированностью от власти (арабские страны, Латинская Америка, Юго-Восточная Азия, Россия) характерно восприятие власти как наиболее важной части жизни, преклонение перед начальством; для культур с малой дистанцированностью от власти (Австрия, Дания, США, Германия) характерно построение отношений на основе равенства, уважения к личности. Избегание неопределенности (неприятие неопределенности) – степень восприятия и реагирования на незнакомые ситуации; для стран с большим значением показателя избегания неопределенности типично недопущение неопределенных, неясных ситуаций, стремление к установлению четких правил поведения, доверие традициям и устоям, склонность к внутригрупповому согласию, нетерпимость по отношению к людям с иной жизненной позицией, образом мышления; для стран с низким показателем избегания неопределенности характерно проявление личной инициативы, приемлемость риска, спокойное принятие разногласий, иных точек зрения⁸.

Особое значение для политических институтов имеет легитимность. Понятие легитимности важно во всех культурах. Отсутствие легитимности способно свести на нет влияние культурной, экономической или институциональной составляющих. На степень легитимности могут оказывать влияние культурные представления, но в то же время она зависит от экономических и институциональных факторов, с культурой не связанных. Поэтому легитимность служит мостом между культурными факторами и институциональными переменными⁹. Современный российский бизнес ощущает острый дефицит социокультурной легитимности. В этой связи достаточно интересна логика мысли Ю. Хабермаса. В основе кризиса легитимации лежит кризис мотиваций, который

Хабермас понимает как разногласие между потребностью в мотивах, с одной стороны, и предложением мотива со стороны социокультурной системы, с другой. Кризис системы мотиваций Хабермас понимает как несоответствие между мотивами и потребностями индивида и возможной их компенсацией. Это связано как с недостатком потребительной стоимости для удовлетворения этих потребностей, так и с отсутствием возможностей у государства для их планомерного распределения. «Основное противоречие состоит в недоверии к административным действиям»¹⁰. В странах с многокультурным уровнем ключевую роль также играют социальные нормы. По мнению Харрисона, главное, что надо понять, – это то обстоятельство, что ни капитализм, ни какой-либо другой строй – это не «элемент человеческой природы», но «элемент культуры». Культура формируется под воздействием многих факторов – религиозных, исторических, географических, но сами эти факторы подвержены изменениям и деформации, соответственно, меняется и культура. Здесь важно отметить, что культуры достаточно замкнуты, способностью напрямую изменять факторы, формирующие культуру, обладает лишь общество внутри этой культуры; воздействие извне не может непосредственно влиять на культуру¹¹.

Гвидо Табеллини (Tabellini) провел сравнительный анализ экономических показателей для различных регионов Европы, используя данные социологического исследования «Ценности в мире» («World Values Survey») о доверии, способности определять собственную судьбу и уважении к другим (все это способствует экономическому развитию), а также готовности подчиняться (которая ему препятствует). Исследователь подытоживает следующее: «С указанными культурными особенностями непосредственно связан не только характер экономического развития регионов Европы, но и экономическое и институциональное развитие отдельных стран (на основе широкой выборки)... Таким образом, результат нашего анализа состоит в том, что формальные институты не играют преобладающей роли по отношению к культуре. Напротив, между ними, скорее всего, происходит взаимодействие, определяющее реальное функционирование институтов, влияющее на стимулы и поведение экономических и политических субъектов»¹².

В свете данного контекста особого внимания заслуживает модель общества, представленная в исследованиях А. С. Ахиезера¹³. Он доказывает объективное существование в российском обществе двух разнонаправленных процессов и соответствующих им двух социокультурных идеалов, как в среде интеллигенции и духовной элиты общества, так и в глубине народной жизни, в деятельности миллионов, внутри самого социу-

ма. Основной объект анализа при этом – раскол целостности, выражающийся в борьбе этих противоположных идеалов: вечевого (соборного, либерального) и авторитарного (абсолютистского, тоталитарного). Раскол между ними обуславливает невозможность медиации (внутренняя закономерность поиска нового смысла в сфере между полюсами, незначительно воплощенная в русской культуре), но задает циклическое инверсионное развитие. В ходе каждого исторического цикла осуществляется переход между двумя крайними точками инверсии (логика метания между полюсами-абсолютами, игнорирующая смыслоформирующую «середину» и характерная для динамики русской культуры¹⁴) – от вечевого идеала (соборности) к авторитаризму (абсолютизму) и обратная инверсия. Развитие представляет собой поиск постоянного компромисса между этими полюсами, более удачный – в период развития страны и менее удачный – в период катастроф. Именно расколу, по мнению Ахиезера, принадлежит главная роль в возникновении общественных кризисов. При этом основное содержание конфликта – «конфликт двух типов конструктивной напряженности (локального и общества в целом)», внутреннее противоречие между локализмом и государственностью, конфликтом частей общества между собой и государством как целым. Следуя методологии социокультурного анализа, осмысление и, соответственно, преодоление раскола, как полагает Ахиезер, прежде всего, должно быть достигнуто в культуре, в нарастании рефлексии истории, ибо раскол – это состояние общественного сознания, неспособного осмыслить целостность понимаемого¹⁵. Логика соответствующих исследований в России такова, что центр внимания постепенно смещается к проблемам социокультурной модернизации.

В XXI в. многие государства с традиционной политической культурой сталкиваются с необходимостью осуществления современных форм преобразований, которые связаны с такими ключевыми понятиями, как «трансформация», «модернизация», «рациональность», «партнерство», «глобализация» и т. д. Именно они определяют степень соответствия происходящих здесь процессов модернизационным преобразованиям, а также содержание, тип и структуру государственности. Показатели традиционной культуры (архаичность, анимизм) и их общие характерные черты (синкретизм, традиционализм, ритуализм) следует рассматривать как отклоняющиеся от культурных норм факторы, которые выступают в качестве пусковых механизмов кризиса культуры в обществах традиционного типа. Здесь в силу вступают предвзятость выборов, нерациональность действий, спонтанность побуждений и т. д. Взаимодействие государства, бизнеса и общества регулируется неформальностью нравов, обычаев, ритуалов, а не правовым законо-

дательством. Подобное взаимодействие является почвой для создания модели девиантной культурной институционализации, в рамках которой традиционная культура выполняет следующие функции: коммуникативную, дезинтегративную, мобилизационную, приспособленческую. Однако все перечисленные функции имеют деструктивный характер и вызывают в обществе своеобразную реакцию, благодаря которой люди готовы пожертвовать собственными потребностями во имя того, чтобы отстаивать нереальные идеи¹⁶.

Одной из ключевых особенностей российского общества является незавершенность в нем процессов социокультурной модернизации, под которой понимается формирование основанного на экономической рациональности типа мышления, принятие характерной для эпохи Модерна системы ценностей и основанных на них институтов¹⁷. В общественном сознании доминирует идея легитимности всевластия государства, и сращенность власти и собственности по-прежнему воспринимается в России как норма. Сохраняется на нормативном уровне и приоритет интересов общности над правами человека и т. д. Тем не менее, в России уже сформировалась достаточно массовая (свыше 20%) группа приверженцев иной нормативно-ценностной модели. Состав этой группы и динамика утверждения новой модели ценностей, регулирующих систему взаимоотношений человек – общество – государство, свидетельствуют о том, что для объяснения процессов, идущих сейчас в России, концепция социокультурной модернизации подходит в большей степени, чем концепция культурных различий цивилизаций¹⁸.

Некоторые исследователи рассматривают политико-культурную ситуацию в современной России как «конфликт демократической формы и авторитарного содержания»¹⁹. В России своеобразие ситуации состоит в том, что уровень противостояния субкультур здесь крайне высок. Длительное и противоречивое влияние различных факторов в настоящее время привело к формированию политической культуры российского общества, которую можно охарактеризовать как внутренне расколотую, горизонтально и вертикально поляризованную культуру²⁰. Политическая культура современной России является синкретичной, так как наблюдается консервация противоречащих друг другу аттитюдов, которые примиряются в обыденности в соответствии с теми или иными условиями. Российскую политическую практику можно охарактеризовать как минимум тремя яркими особенностями. Во-первых, это стремление к политической целостности через централизацию властных функций. Во-вторых, идеализация целей политической борьбы. В-третьих, персонификация политических институтов. Присущий нашей политической культуре примат целого, общего над частным, идеального над прагматическим,

практическим приводил не однажды в нашей истории к пренебрежению такими «частностями» и «подробностями», как жизнь человека, его свобода, достоинство и права. А охранительные и патерналистские настроения, чрезмерно усиливаясь, подавляли активную общественную среду, приводя к дисфункции институтов развития²¹. Политическая культура характеризуется также «гипертрофированной идеациональностью», ввиду чего прирожденным статусом для нее является идеократическая форма. Для идеократии характерны, например, догматизм, «моноидейная» тоталитарность и консерватизм.

Ввиду вышеизложенного можно констатировать следующее: российская деловая культура является отношенческой, т. е. характеризуется высокой ролью личного фактора, порой даже преобладанием «личного над профессиональным», значительностью «связей и знакомств». Еще более рельефно обосновал этот тезис Эдвард Банфилд²². Им было выдвинуто понятие «аморальной семейственности», которое обозначает культуру, испытывающую недостаток коммунарных ценностей, но при этом поощряющую семейные узы. В обществе аморальной семейственности никто не станет заботиться о групповых или общинных интересах, не имея на то корыстных причин. Здесь почти нет лояльности к «большому сообществу» или уважения к поведенческим нормам, требующим помогать ближним. Иными словами, такого рода семейственность аморальна, она порождает коррупцию и стимулирует отход от универсальных этических установок. По ее логике, хорошо все то, что работает на тебя и твою семью.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что в политической культуре современной России преобладают социокультурные разрывы. Если эти разрывы сохраняются продолжительное время, то имплантация института (имеется в виду институт социальной ответственности бизнеса) характеризуется несформированностью и промежуточностью с ярко окрашенными негативными характеристиками. Более того, устойчиво-незавершенный характер «переходного типа» политической культуры, для которого характерны рассогласованность приоритетов в иерархии ценностей, конфликт эндогенных и экзогенных ценностей и институтов, задает контуры этатистской модели социальной ответственности бизнеса. Согласно данной модели в большинстве случаев бизнес-сообщество инициирует социально значимые проекты сквозь призму запросов органов государственной власти, муниципалитетов в отсутствие целесообразной законодательной базы для реализации таких практик. Подобный формат не позволяет бизнес-сообществу вписываться в сложившуюся систему ценностей и социально-политических отношений, становясь эпифеноменом в разрезе мнений общественности.

Примечания

- ¹ См.: Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М. : Научный мир, 1998. С. 109.
- ² См.: Тюрин Д. Ф. «Запад» и «Восток» в институциональном подходе к цивилизации // Социологический журнал. 2001. № 4. С. 31.
- ³ См.: Бергер П. Приглашение в социологию. М. : Аспект Пресс, 1996. С. 2. (Сер. «Гуманистическая перспектива»).
- ⁴ См.: Пугачев В. П., Соловьев А. И. Введение в политологию. М. : Аспект Пресс, 2002.
- ⁵ См.: Глуценко В. В. Политология : системно-управленческий подход. М. : ИП Глуценко В. В., 2008.
- ⁶ См.: Лунсет С. М. Роль политической культуры // Пределы власти. 1994. № 2–3. С. 35–40.
- ⁷ См.: Цирель С. В. Пути к государственности и демократии : исторический анализ «Либеральная миссия». 11.11.2010. URL: <http://www.liberal.ru/article/4939> (дата обращения: 10.10.2014).
- ⁸ См.: Hofstede G. Culture's Consequences : Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. 2nd ed. Thousand Oaks CA : Sage Publications, 2001.
- ⁹ См.: Лунсет С. М. Размышления о легитимности // Апология. 2005. № 5. С. 15–24.
- ¹⁰ Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М. : Праксис, 2010. С. 72.
- ¹¹ См.: Харрисон Л. Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике. М. : Новое изд-во, 2008.
- ¹² Tabellini G. Culture and Institutions : Economic Development in the Regions of Europe. URL: http://ideas.gerec.org/p/ces/ceswps/_1492.html (дата обращения: 10.10.2014). См. также: Харрисон Л. Культура и экономическое развитие. URL: <http://www.inliberty.ru/library/study/324/> (дата обращения: 10.11.2014).
- ¹³ См.: Ахиезер А. С. Россия : критика исторического опыта : в 3 т. М. : Филос. общ-во СССР, 1991.
- ¹⁴ См.: Давыдов А. Профессия : исследователь // Демоскоп Weekly. 2007. № 305–306. URL: <http://demoscope.hse.ru> (дата обращения: 03.05.2013).
- ¹⁵ Кирдина С. Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России // Социс. 2002. № 12. С. 26.
- ¹⁶ См.: Деметрадзе М. Р. Социокультурные аспекты традиционной политической культуры России (источник девиантного поведения членов современного общества) // Юриспруденция. 2009. № 3 (15). С. 18–30.
- ¹⁷ См.: Вилков А. А., Богданов А. В. Традиционализм и модернизм в политической культуре студенческой молодежи в современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2011. Т. 11, вып. 4. С. 68–74.
- ¹⁸ См.: Тихонова Н. Е. Социокультурная модернизация в России : смена нормативно-ценностной модели. URL: <http://huntington.hse.ru/abs> (дата обращения: 09.09.2012).
- ¹⁹ Механик А. В поисках недостижимого совершенства // Эксперт. 2004. № 1. С. 76.
- ²⁰ См.: Соловьев А. И. Политология : Политическая теория, политические технологии : учебник. М. : Аспект Пресс, 2006.
- ²¹ См.: Русская политическая культура. Взгляд из утопии. Лекция Владислава Суркова. Материалы обсуждения в «Независимой газете». М. : Изд-во «Независимая Газета», 2007.
- ²² См.: Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. (Lawrence Harrison, Samuel Huntington (eds.). Culture Matters : How Values Shape Human Progress. N. Y : Basic Books, 2000). М. : Московская школа политических исследований, 2002. С. 158–159.

УДК 32.019.52

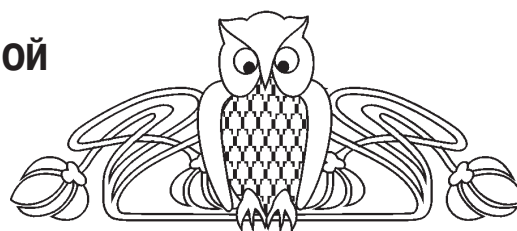
КЕЙС-ТЕХНОЛОГИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ПОЛИТОЛОГОВ

С. В. Дубровская

Саратовский государственный университет
E-mail: dubrik80@mail.ru

Статья посвящена анализу ситуационного обучения как одного из наиболее эффективных методов подготовки профессиональных политологов. Автор выделяет сильные стороны кейс-технологии в процессе освоения теоретического и практического материала.

Ключевые слова: ситуационное обучение, кейс-метод, профессиональная подготовка магистрантов и аспирантов, преимущества использования кейс-метода в процессе обучения.

Case Technology in Professional Training of Political Scientists

S. V. Dubrovskaya

This article analyzes the situational training as one of the most effective methods of training of professional political scientists. The author identifies the strengths of the case in the process of technology development of theoretical and practical material.

Key words: situational teaching, case method, training of undergraduates and graduate students, advantages of using case method in teaching.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-97-99

Сегодня в ряде гуманитарных дисциплин, в том числе в политических науках, особую значимость и актуальность приобретает ситуационное обучение. Этому способствует быстро меняющаяся реальная политическая ситуация в стране и мире, а именно обострение глобальных проблем, появление новых политических игроков в мировой политической жизни.

Об актуальности и своевременности использования ситуационного обучения в рамках профессиональной подготовки магистрантов и аспирантов разных направлений подготовки говорят и нововведения, обозначенные в федеральных образовательных стандартах высшего профессионального образования третьего поколения, где значительно увеличены нормативы времени на самостоятельную работу студентов. К новым условиям можно отнести и малочисленность групп, которые предполагают индивидуально ориентированный подход к каждому обучающемуся. При этом возникает проблема качественного овладения теоретического и практического материала. В решении этого вопроса и призвано помочь ситуационное обучение.

Стоит отметить, что подобного рода подход в преподавании не является новым. Еще знаменитый мыслитель и философ Древних Афин Сократ использовал в своей практике дискуссии, которые были построены весьма оригинальным образом. Как известно, он преимущественно задавал собеседнику уточняющие вопросы, с помощью которых выявлял предмет спора и его сущность. В научной литературе этот метод получил название сократовского диалога или беседы. Приоритетной задачей в данном методе является выявление характерных особенностей конкретного вопроса или ситуации, анализ сущности проблемы, исследование и детальный анализ возможных вариантов решения ситуации. Тем самым исследованию подвергалась конкретная ситуация, требующая разрешения. В этом контексте ситуация понимается как совокупность обстоятельств и действий, совершаемых в них. Это своего рода микросреда, в которой вынужден действовать человек или коллектив людей. В мире политики ситуации возникают стихийно, но есть возможность их типологизировать и прогнозировать с помощью различного рода методов и технологий.

Первоначально ситуационное обучение возникло в сфере менеджмента, хотя успешно употреблялось и естественными науками, там, где требовался эксперимент или опыт. Наиболее эффективно оно использовалось и продолжает использоваться как один из методов активного

обучения в Гарвардской школе бизнеса (школа делового администрирования Гарвардского университета, г. Бостон, США). В России ситуационное обучение приобретает популярность в 1970-х гг. Данная технология заключается еще и в том, что при проведении занятия решаются не только вопросы теоретического закрепления материала и анализа самой ситуации, но и вопрос прогнозирования результатов. Однако действенно это только при условии работы в коллективе с обсуждением и нахождением оптимально аргументированного решения. Ценным является и тот факт, что именно работа в группе по анализу ситуации позволяет обучаемым закрепить теоретические знания, выстроить отношения внутри группы участвующих в обсуждении людей, приобрести навыки и умения критически мыслить и анализировать сложные ситуации.

На сегодняшний момент наиболее востребованной в процессе подготовки профессиональных политологов является технология кейс-метода. Кейс-метод – это особого рода разбор конкретного случая или практической ситуации, содержащей одну или несколько проблемных моментов. Именно эта технология позволяет обучающемуся включиться в сам процесс освоения знания через опыт и наглядность. В преподавании политологии кейс-метод применяется как инструмент для решения практических задач, способствующих развитию у обучающихся самостоятельности мышления, коммуникативной компетентности и метапредметных умений. Особенно востребованными кейсы являются при изучении и анализе тем, связанных с особенностями развития и функционирования политических систем, политических режимов и политических партий. Здесь с помощью ситуационного обучения в виде кейс-технологии или игры возможно совместить и закрепить новые или уже имеющиеся знания о политических процессах и явлениях.

Зачастую разработанный или готовый кейс, представленный обучающимся, имеет в своей основе некоторую ролевую систему. Под ролью здесь понимается совокупность требований, предъявляемых к лицам, занимающим определенные социальные позиции. Решение кейса приводит к действиям по формированию новых ролевых позиций, согласованных с типичными социальными или политическими ролями в обществе. Высокая концентрация ролей в кейсе приводит к превращению его в игровой метод обучения.

При этом если сами действия даются в описании кейса, тогда задача обучающегося состоит в осмыслении, выявлении последовательности и эффективности. Действия также могут быть и самим решением проблемы, тогда целью выступает выработка модели практического действия, которая является одним из наиболее эффективных средств формирования профессиональных качеств обучаемых.

Как справедливо отмечает современный исследователь А. Долгоруков, проблема внедрения кейс-метода в практику высшего профессионального образования обусловлена двумя тенденциями. Первая вытекает из общей направленности развития образования, его ориентации не столько на получение конкретных знаний, сколько на формирование профессиональной компетентности, умений и навыков мыслительной деятельности, развитие способностей личности, среди которых особое внимание уделяется способности к обучению, смене парадигмы мышления, умению перерабатывать огромные массивы информации. Вторая вытекает из развития требований к качеству специалиста, который, помимо удовлетворения требований первой тенденции, должен обладать также способностью оптимального поведения в различных ситуациях, отличаться системностью и эффективностью действий¹.

Наиболее значимым является то, что кейс-метод позволяет развивать целый ряд основных навыков у обучающихся:

– аналитические навыки: умение отличать не имеющие особого значения данные от главной информации, классифицировать информацию или факты, выделять существенную и несущественную информацию, уметь логически выстраивать проблему вне зависимости от последовательности ее подачи;

– практические навыки: решение конкретного случая или кейса способствует формированию и закреплению теоретического и методологического материала на практике;

– коммуникативные навыки: умение выстраивать диалог и вести дискуссию с оппонентами и сторонниками, развивать умения аргументированно и критически мыслить. Развивает умение отстаивать собственную точку зрения;

– самоанализ и прогнозирование: дискуссии, возникающие в процессе решения кейса, способствуют осознанию и анализу мнения дру-

гих и своего собственного. Формируются социальные навыки общения между участниками диалога.

Стоит обратить внимание и на тот факт, что обучающиеся при решении кейсов фактически получают действенное готовое решение проблемной ситуации, которое можно применить как шаблон к примерно таким же ситуациям. Это способствует увеличению навыков и умений решать типовые задачи за счет уже имеющихся проработанных образцов.

Еще одним немаловажным достоинством данной технологии является ее гибкость, вариативность, которая, в свою очередь, развивает у обучающихся и преподавателей творческий подход, креативность, критическое мышление и эмоциональный интеллект.

Конечно, использование кейс-технологий в обучении не решит всех теоретических и практических задач. Здесь необходимо учитывать цели и задачи каждого занятия, предметную и тематическую значимость материала, особенности направления подготовки обучающихся и их личностные качества. Наибольшего эффекта при использовании кейс-технологии можно достичь при взаимовыгодном сочетании традиционных и интерактивных методов обучения.

Кейс-технологии эффективны для получения инновационных знаний по темам политологии, где нет однозначного ответа на поставленный вопрос, а есть несколько ответов, которые могут соперничать по степени истинности. В связи с этим упомянутые технологии целесообразно применять, в первую очередь, при подготовке магистров и аспирантов.

Примечания

¹ См.: Долгоруков А. М. Case study как способ понимания : практ. руководство. М., 2002. С. 227.

УДК 94(420+47+57)

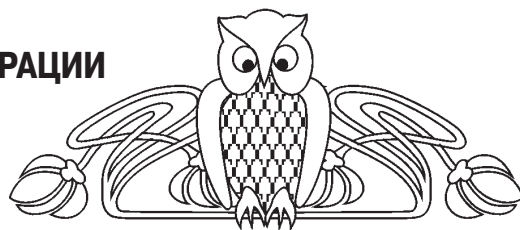
СССР И ВЕЛИКОБРИТАНИЯ НА ПУТИ К ОПЕРАЦИИ «СОГЛАСИЕ», АВГУСТ 1941 г.

Ю. Г. Голуб

Саратовский государственный университет
E-mail: goloub@sgu.ru

В статье рассматривается поиск путей взаимодействия СССР и Великобритании в рамках подготовки совместной военной акции в Иране в августе 1941 г. и разъяснения ее обоснованности другим заинтересованным странам. При написании статьи автор опирался на отечественные и зарубежные документальные источники, в том числе из фондов Национального архива Великобритании.

Ключевые слова: СССР, Великобритания, Иран, Сталин, Черчилль, Криппс, Иден, Молотов, Майский, дипломатия, Вторая мировая война.

The USSR and Great Britain on their Way to Operation «Countenance», the August, 1941

Yu. G. Golub

The searching for ways of cooperation between the USSR and Great Britain in the preparation for joint armed operation in Iran in August, 1941, as well as clarification of its feasibility for the others interested parties are examined in the article. When writing the article the author

relied on Russian and foreign documentary sources, including the collection of the National Archives of Great Britain.

Key words: USSR, Great Britain, Iran, Stalin, Churchill, Cripps, Eden, Molotov, Maisky, diplomacy, Second World War.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-99-108

Мы были рады возможности объединиться с русскими и предложили им провести совместную кампанию в Персии.

Уинстон Черчилль¹

Совместная кампания получила весьма символическое кодовое наименование – операция «Согласие». Она началась на исходе лета 1941 г. вводом 25 августа в Иран советских и британских войск². Тем самым стало практически реализовываться предложение использовать военную силу для защиты интересов СССР и Великобритании в этой стране. Предложение такого рода впервые было высказано британским послом С. Криппсом на приеме у И. В. Сталина (10 июля)³, а затем ввиду очевидной неуступчивости шахского правительства жестко артикулировано У. Черчиллем в беседе с советским послом И. М. Майским (19 июля)⁴.

Проведение совместной военной акции потребовало не только выработки общего политического подхода двух стран и разъяснения его обоснованности другим заинтересованным государствам, но и поиска путей взаимодействия в военной сфере. Именно этим аспектам и посвящена данная статья. При ее написании автор опирался на отечественные и зарубежные документальные источники, в том числе из фондов Национального архива Великобритании.

Попытки политическими средствами убедить Тегеран существенным образом сократить немецкое присутствие в стране, предпринятые советской и британской дипломатией в июле 1941 г., не увенчались успехом. В связи с этим Лондон и Москва были вынуждены всерьез перейти к обсуждению использования для этого своих вооруженных сил. Причем события стали приобретать такую динамику, что в дипломатических кругах военная акция против Ирана не исключалась уже в течение первой недели августа⁵. Ее неожиданным образом притормозил не кто иной, как сам Черчилль. Дело в том, что, не возражая в принципе против использования войск, Кремль проявлял определенную сдержанность, которая, думается, и заставила британского премьера немного «сбавить обороты». Как вспоминал впоследствии Черчилль, он не был в полной мере «уверен в том, что этой персидской операции было обеспечено координированное планирование, необходимое для ее конечного успеха»⁶. Поэтому 31 июля премьер-министр распорядился создать для этой цели специальный комитет во главе с лордом-председателем совета Дж. Андерсеном.

Можно назвать и другие возможные причины сомнений главы британского кабинета относительно возникшей вдруг срочности военных действий против Ирана. Скорее всего, их было несколько, в том числе и прежде всего понимание им важности заручиться в этом непростом деле поддержкой Соединенных Штатов (предстояла важная встреча с президентом Ф. Рузвельтом) и обеспечить сохранение нейтралитета Турции. Были и другие моменты, на них указал сам премьер в инструкциях созданному комитету⁷. В конечном счете Черчилль приказал комитету рассмотреть все возможные альтернативы и последствия и в течение первой недели августа сообщить их военному кабинету.

Заседание специального комитета состоялось 4 августа. Оно началось с обсуждения возможности, согласованной еще за неделю до этого министром иностранных дел А. Иденом и советским послом И. М. Майским, общего советско-британского ультиматума, предполагавшего последующий ввод союзных войск в Иран⁸. Члены комитета не поддержали ультиматум как форму обращения к Тегерану. Они предпочли более гибкий подход, сойдясь во мнении, что иранским властям лучше предъявить строгий, но выдержанный в дружеских тонах меморандум, содержащий привлекательные для Тегерана финансовые предложения в обмен на высылку немцев. В случае же его неприятия комитет так же предлагал использовать силу. 6 августа результаты деятельности комитета были посланы премьер-министру⁹. Что же касается оценки развития ситуации вокруг Ирана, то она сводилась комитетом к предположению, что Тегеран не согласится на транзит военных грузов, не выдворит из страны германских агентов и что в конечном счете придется использовать вооруженные силы. Комитет обратил внимание и на то, что британская сторона пока еще не ознакомлена с деталями военных планов Москвы и ее намерениями, и высказался в пользу обмена миссиями связи с Красной армией¹⁰.

После заседания комитета 4 августа Иден попросил Майского приехать в Форин-офис. Он поинтересовался у посла, обладает ли тот какой-либо информацией относительно советского военного планирования в Иране. Планами дипломат не поделился, ответив лишь, что только что получил сведения из Москвы о том, что к середине августа советские войска будут в полной боеготовности и превысят численность британских войск, предполагаемых к использованию в Южном Иране, примерно в два раза. Посол поддержал идею обмена информацией для координации усилий двух армий и обмена соответствующими миссиями, но предостерег от нарушения в данный момент иранского воздушного пространства для их доставки на Кавказ и в Ирак. Как вариант Майский предложил рассмотреть возможность отправки миссий через территорию Турции.

Советский дипломат также вновь затронул тему транзита через Иран. В связи с этим Иден не стал скрывать своего беспокойства, поскольку полагал, что Берлин мог бы, в свою очередь, потребовать транзит через Турцию, и поэтому не нужно было давать ему соответствующего повода. Министр всецело поддержал намерение Советского Союза оказать поддержку Турции. Британец также с учетом мнения специального комитета скорректировал свою позицию по поводу ранее предлагавшегося им ультиматума Тегерану. Он предложил изменить формат дипломатического документа и пообещал через два дня показать собеседнику проект обновленной ноты. Иден аргументировал это необходимостью «действовать крайне осторожно», дабы не вызывать «воспоминаний об англо-российской политике 1907 года»¹¹.

Майский с этим согласился, заверив собеседника, что у Советского Союза нет посягательств на территорию Ирана. Посол не стал возражать против пересмотра ранее согласованных подходов. Он только отметил важность установления в новом варианте ноты срока, например 19 августа, для уменьшения численности немцев в Иране. Договорились вернуться к этому при рассмотрении уже подготовленного документа¹².

Между тем чем очевиднее становилась неизбежность вхождения союзных войск в Иран, тем большую нервозность проявляла Турция. Британский посол в Анкаре чуть ли не ежедневно докладывал в Форин-офис содержание своих бесед с турецкими официальными лицами, в которых доминировало неприятия доводов союзников о чрезмерном немецком присутствии в Иране¹³.

Анкару можно было понять: появление союзных войск в соседней стране фактически означало установление советско-британского контроля над всей сухопутной границей Турции, за исключением небольшого участка во Фракии, за которым располагались части вермахта. Турецкие власти неизбежно оказывались перед очень непростым выбором. Им нужны были гарантии соблюдения их нейтралитета, заверения со стороны Лондона и особенно Москвы об отсутствии агрессивных намерений. Анкару преследовала мысль, что под тем же предлогом, что и Иран, Турцию, учитывая ее отношения с Германией¹⁴, могла постичь схожая участь. Или же, напротив, Берлин предпринял бы свои превентивные меры.

Чтобы избежать нежелательных последствий чрезмерной обеспокоенности турецких властей вводом войск в Иран, Анкару следовало успокоить общими усилиями британского и советского правительств. В Форин-офис это в полной мере осознавали и подготовили возможный вариант дипломатический действий Лондона и Москвы. 5 августа Криппс вручил Молотову памятную записку, в которой были изложены британские предложения по вопросу о Турции. Речь

шла о том, чтобы два правительства одновременно подтвердили территориальную неприкосновенность Турции и уважение к действующему статусу Проливов¹⁵. Молотов, ознакомившись с запиской, ответил традиционной фразой: предложения английского правительства он доведет до сведения советского правительства и решение сообщит Криппсу¹⁶.

При этом было понятно, что позиция Турции не могла не волновать и Кремль. Неслучайно Молотов ранее в беседах с тем же Криппсом неоднократно подчеркивал дружеское отношение СССР к этой стране. Поэтому неудивительно, что реакция Москвы на британскую инициативу была по дипломатическим меркам более чем стремительной. Уже на следующий день нарком пригласил посла Великобритании и проинформировал его, что советское правительство считает своевременной постановку вопроса об отношениях с Турцией. Молотов добавил, что уже после их вчерашней беседы он получил телеграмму от Майского с информацией о беседе с Иденом. Ознакомив Криппса вкратце с содержанием телеграммы, Молотов обратил внимание собеседника, что в разговоре с советским послом Иден зашел дальше в предложениях, чем это сделал Криппс накануне, затронув вопрос о предоставлении Турции помощи и военной поддержки в случае нажима или нападения на нее со стороны Германии. Иден, однако, по словам Молотова, оговорился, что он не определяет осуществление своего предложения моментом, формой и содержанием, при которых должен был бы сделан демарш перед Турцией.

Приняв к сведению заявление наркома, Криппс уточнил, где будет лучше достигнуть соглашения о мероприятиях в отношении Турции в Лондоне или в Москве. По мнению самого посла, демарш лучше было бы согласовывать в Лондоне. Приняв предложение Криппса, Молотов со своей стороны поинтересовался у него, считает ли он правильным послать телеграмму Майскому с указанием предпринять шаги, чтобы договориться о моменте, форме и содержании демарша Англии и СССР. Криппс с этим с готовностью согласился, добавив, что неплохо было бы информировать Майского и о содержании последней памятной записки. Молотов пообещал. Что же касается предложений, изложенных в упомянутой записке, то советское правительство находит их вполне приемлемыми, способными служить в качестве базы при разрешении вопроса о демарше, позитивно завершил обсуждение этого вопроса Молотов¹⁷.

Такая реакция Москвы позволила сторонам не откладывать дело в долгий ящик. Вечером 7 августа Иден и Майский, обсудив проект, предложенный Форин-офис, согласовали совместный документ по Турции. При этом британский министр настаивал, чтобы он был вручен Анкаре не позднее 11 августа, объясняя это необхо-

димостью перед заключительным демаршем союзников иметь Тегерану небольшой временной запас¹⁸.

Советская сторона отнеслась к этому с полным пониманием. Как поделился Иден с американским послом в Лондоне Дж. Уайнантом, британцы не ожидали, что Москва так быстро согласится с их предложением по Турции и что Лондон был весьма этим удовлетворен¹⁹.

Уже спустя два дня, ушедших на решение чисто технических вещей и согласование в Москве, документ был доведен до сведения турецкого правительства. 10 августа посол СССР в Турции С. А. Виноградов посетил министра иностранных дел М. Ш. Сараджоглу и сделал ему официальное заявление. В нем советское правительство подтверждало свою верность Конвенции в Монтрё и заверяло турецкое правительство, что «оно не имеет никаких агрессивных намерений и притязаний в отношении Проливов». В заявлении советское правительство, так же как и британское правительство, подтверждало свою готовность «скрупулезно уважать территориальную неприкосновенность Турецкой республики». Кроме того, союзные страны декларировали свое намерение «оказать Турции всякую помощь и содействие в случае, если бы она подверглась нападению со стороны какой-либо европейской державы»²⁰.

В тот же день аналогичное заявление сделал в Анкаре и британский посол Х. М. Нэтчбулл-Хьюджесен²¹. Тем самым Турция получала официальное подтверждение того, чего так настойчиво добивалась от Москвы и Лондона. Как сообщил британский посол в Анкаре, турецкое правительство было весьма удовлетворено советским заявлением и выразило пожелание, чтобы и советское, и британское заявления были опубликованы²². 13 августа полный текст документа был напечатан в главной советской газете «Правда»²³.

Однако это отнюдь не означало, что Анкара смягчила свою позицию относительно возможного ввода войск союзников в соседний Иран. Турецкая дипломатия до последнего момента будет пытаться предотвратить подобное развитие событий.

Вернемся, однако, к вечерней беседе британского министра и советского посла 7 августа. Турецкий сюжет не был единственным предметом их обсуждения. На встрече рассматривались и другие не менее важные вопросы. Согласовав совместные шаги по «успокоению» Анкары, собеседники перешли к Ирану. Иден познакомил посла с обновленным вариантом меморандума, подготовленного Форин-офис. Они сразу определили 15 августа в качестве предполагаемой даты окончательного демарша перед Тегераном. Майский внес ряд предложений в текст документа. Он считал необходимым зафиксировать в меморандуме требование, чтобы четыре пятых нем-

цев были высланы из Ирана к 31 августа. Он так же считал, что иранским властям нужно дать три дня для ответа союзникам. В связи с этим Майский попросил Идена порекомендовать своему послу в Тегеране занять в этом отношении такую же жесткую позицию, какую также будет отстаивать советский посол Смирнов, а именно: подчеркнуть официальным лицам в Тегеране, что если в указанный трехдневный срок не будет получен ответ, то правительство «Его Величества будет вынуждено прибегнуть к другим мерам»²⁴.

Иден взял паузу. Утром министр вновь пригласил Майского: согласившись с одним из дополнений, он выразил сомнение относительно включения принципиальной поправки, касающейся сроков и количества депортируемых из Ирана немцев. Майский, однако, проявил твердость и настойчивость. Поспорив, дипломаты согласились с советской формулировкой. Что же касается предоставления трех дней для ответа Тегерану, то в этом случае непреклонность проявил уже Иден, полагавший, что на нынешней стадии преждевременно включать в документ такую норму. Нужно, считал он, сначала получить мнение наших послов на реакцию иранских властей. Майский посчитал это разумным²⁵.

Тем не менее, при том подходе, который возобладал, как бы ни назывался вручаемый документ и какие бы уверения в дружбе ни содержал, он по сути своей являлся ультиматумом. По этой причине британский кабинет, одобрив в целом ноту Ирану, все же посчитал, что было бы слишком опрометчиво настаивать на том, что отказ Тегерана от их выполнения предъявленных требований повлечет за собой «насильственные действия»²⁶.

Такая компромиссная позиция Лондона, думается, была связана с отсутствием у Великобритании каких-либо правовых оснований для применения силы против заявившего о своем нейтралитете государства. Тем более, что на тот момент британских подданных в Иране было заметно больше, чем ставших «яблоком раздора» немцев. При этом Лондон не могло не беспокоить отношение к намеченной в Иране силовой акции со стороны своего основного союзника – США. Дело в том, что расчет британцев на безоговорочную поддержку Вашингтоном их позиции по Ирану поначалу оказался безосновательным. Государственный департамент не скрывал своих сомнений относительно правомерности англо-советской политики по отношению к Тегерану. И в интересах Лондона было разрешить их до применения вооруженных сил против Ирана.

Вот почему 8 августа Иден ознакомил американского посла в Лондоне Дж. Уайнанта с текстом финальной ноты Ирану и уточнил, что она не содержит требований иранской стороне временных рамок для ответа, так как Британии не хотелось придавать документу «характер ультиматума». Проинформировав Уайнанта о

том, что британский посол в Тегеране должен ее вручить 16 августа, Иден попытался заручиться поддержкой США. Он призвал американское правительство дать указание своему послу в Тегеране сделать аналогичное представление иранским властям. Логика министра была понятна: раз США не одобряли применения силы против нейтрального государства, пусть включатся в процесс дипломатического давления на Тегеран, заставив его пойти на депортацию немцев. Необходимость в военной акции, беспокоившей Вашингтон, тем самым отпадет. Именно поэтому Иден и заметил, что, как он надеется, «прямые действия» не понадобятся. Но Лондон должен учитывать возможность того, что немецкая армия на Кавказе выйдет к иранской границе. И при вероятности такого развития событий нельзя позволить немецкой агентуре остаться в Иране. Уайнант обещал доложить о встрече в государственном департаменте²⁷.

Лондону стало понятно, что при такой позиции госдепа времени на обсуждение доводов сторон уйдет немало. Дипломатическую рутину встряхнул Черчилль. Интуиция подсказывала ему, что этот щекотливый вопрос лучше урегулировать сразу на самом высшем уровне. Тем более, что для этого подвернулся шанс – предстояла встреча премьер-министра с президентом Ф. Рузвельтом. Мастер эпатажа, Черчилль не смог отказать себе в удовольствии отправиться на переговоры на новейшем линкоре «Принц Уэльский». Утром 9 августа лидеры встретились в бухте Пласенсия на острове Ньюфаундленд. Протокольные мероприятия, предварявшие переговоры, прошли в тот же день на американском крейсере «Огаста».

Следующим утром президент Ф. Рузвельт поднялся с ответным визитом на борт британского линкора, где в основном и велись переговоры. Они продолжались почти непрерывно, иногда с глазу на глаз, чаще в более широком кругу. Основные результаты этой встречи широко известны, прежде всего, по принятой на ней так называемой Атлантической хартии. Встречу Черчилль описал в своих мемуарах²⁸, но далеко не все. Понятно, что первое за годы войны личное общение с президентом США он использовал для обсуждения самого широкого круга вопросов, в том числе и весьма деликатных. В какой-то момент премьер затронул тему Ирана. Точные и прямые данные о разговоре на эту тему пока отсутствуют. Достоверно известно лишь, что сам разговор, безусловно, был. Но и смысл сказанного можно предположить. Черчилль не мог не сказать Рузвельту о той опасности, которую представляет немецкое присутствие в Иране, и не коснуться мер политического и военного характера, обсуждаемых в связи с этим Лондоном и Москвой. Не мог не отметить и важности установления союзнического контроля над транс-иранской железной дорогой для американских

поставок Советскому Союзу. Очевидно и то, что своей реакцией президент поддержал премьер-министра. По крайней мере, именно так можно трактовать содержание телеграммы Черчилля своему министру иностранных дел: «Я рассказал президенту о наших планах в Персии, кажется, что он вполне с ними согласен»²⁹.

Отмашка Вашингтона развязывала Лондону руки. Тем более, что ситуация требовала немедленных действий. Иранцы, всячески пытаясь уйти от навязываемой им союзниками депортации немцев, стали не просто тянуть время, они всемерно активизировали свои дипломатические усилия, прежде всего в Вашингтоне и Анкаре, и по-прежнему поддерживали контакты с Берлином. Вот почему Иден и Майский продолжили согласование действий своих стран по отношению к Тегерану.

12 августа Иден напомнил советскому послу об их предварительном разговоре недельной давности, касавшемся установления прямой связи между советскими и британскими военными силами, «если и когда мы будем вынуждены войти в Иран». Собеседники условились, что в нужный момент британская миссия связи вылетит на Кавказ, а советская присоединится к британским войскам уже в Иране. Майский пообещал чуть позже уточнить конкретное место на Кавказе³⁰.

Уже следующим утром дипломаты встретились вновь. На этот раз инициатором встречи стал Майский. Он считал необходимым незамедлительно сообщить британскому министру о готовности советского правительства вручить иранским властям окончательную ноту уже завтра, 14 августа³¹. Это оказалось довольно неожиданным, поскольку ничто не предвещало такой стремительности действий Москвы³². Вручив Идену текст ноты, Майский также обратил внимание на то, что советский посол в Тегеране получил указание обеспечить получение шахом копии ноты.

Иден сразу выразил беспокойство тем, что последняя фраза инструкции советскому послу в Тегеране предполагала установление трехдневного срока для ответа иранских властей. Стороны уже это обсуждали, и Лондон полагал, что такое требование придаст намечаемому демаршу «привкус» ультиматума, чего он хотел пока избежать. Майский ответил на это дипломатически витиевато, но по смыслу безапелляционно: если есть желание унифицировать действия дипломатов в Тегеране, можно принять советский подход. Иден, демонстрируя истинное британское хладнокровие, возразил, что на этот счет уже есть решение кабинета министров. И тут же решил снять назревавший скандал, сказав, что возникшие «разногласия не так уж и важны сами по себе»³³.

Думается, что Иден решил не продолжать бесполезный спор, определив для себя главное. Что бы ни заявил в Тегеране советский посол и

какой бы ни была реакция иранцев на это, Москва едва ли решится применить военную силу в одиночку³⁴. Майский это фактически сразу же подтвердил, заявив, что после представления союзниками нот советское правительство будет готово предпринять военные действия, но сделает это вместе с англичанами³⁵.

В развитие сказанного посол добавил, что советский военный атташе в Лондоне, в свою очередь, получил указание связаться с британскими коллегами относительно военных мер, которые могли быть предприняты в Иране. По мнению советской стороны, такие меры должны были быть применены, если ответ Тегерана на врученный 14 августа меморандум будет неудовлетворительным. В связи с этим Майский обозначил и возможные даты начала совместной кампании, если оба правительства примут такое решение, – 18, 19 или 20 августа. И, прощаясь, опять заверил британского министра, что советское правительство ни при каких обстоятельствах не применит вооруженную силу в одностороннем порядке³⁶.

Утром 14 августа Майский позвонил Идену и сообщил ему последние новости, полученные им из Москвы. Речь, однако, зашла не о действиях Москвы в Иране, о которых собеседники говорили накануне, а о поручении советского правительства своему послу в Анкаре заранее проинформировать турецкие власти о дате советского демарша в Иране, но только в тот же день, когда меморандум будет вручен в Тегеране. Это делается для того, пояснил Майский, чтобы избежать возможных осложнений в советско-турецких отношениях. И добавил, что все свои действия посол Виноградов будет координировать с британским послом в Анкаре.

На уточняющий вопрос министра, идет ли речь об обсуждавшейся ими недавно необходимости предоставить совместные гарантии Турции в связи с намечаемой союзной акцией в соседнем Иране, дипломат определенно ответить не смог. В итоге сошлись на том, что в сложившихся обстоятельствах стороны будут ждать результатов действий двух послов в Анкаре³⁷.

Спустя несколько часов, уже днем, Иден встретился с Майским. Разговор снова пошел о планах давления на Иран. Министр убедил посла отправить в Москву телеграмму с предложением своему руководству «не делать на этом этапе любых конкретных намеков по поводу обязательности иранского ответа в течение трех дней после получения меморандума»³⁸. При этом Майский оговорился, что не уверен, что это его сообщение успеет прибыть в Москву до момента назначенных в Тегеране дипломатических шагов и будет ли оно вообще принято во внимание. Но в любом случае, как он неоднократно говорил, советское правительство считает важным согласовывать свои действия с британским, и «не предпримет никаких военных шагов без его со-

гласия»³⁹. Тем самым Майский в очередной раз снял обеспокоенность британских партнеров относительно возможных односторонних действий Москвы. Иден был вполне удовлетворен беседой и в конце разговора не удержался от пафосности: «То, что мы смогли сделать (по поводу Ирана. – Ю. Г.), является наиболее успешным в наших нынешних отношениях»⁴⁰.

Между тем намеченный на 14 августа в Тегеране советский дипломатический демарш был перенесен на 16 августа. Узнав об этом, посол Буллард согласовал с Иденом вручение британского меморандума на это же число⁴¹.

Субботним утром 16 августа в Тегеране советский посол А. Смирнов вручил премьер-министру А. Мансуру ноту советского правительства, содержащую наряду с уверениями уважения нейтралитета, суверенитета и территориальной целостности Ирана и ряд весьма жестких требований. А именно немедленную депортацию четырех пятых находившихся в стране немцев до 31 августа. Мансур нервно прочитал документ, а затем отказался его принять, усмотрев в нем скрытый ультиматум. Премьер также попытался отказаться от персональной копии для шаха. Только когда Смирнов пригрозил Мансуру добиться личной аудиенции у монарха, Мансур был вынужден принять ноту для передачи Резашаху.

Вечером в резиденцию премьер-министра прибыл и посол Буллард. В какой-то степени его миссия облегчалась предыдущим визитом советского коллеги. Мансур и исполнявший обязанности министра иностранных дел Амери, предполагая причину его посещения, попробовали убедить посла не вручать меморандум британского правительства. Естественно, на это посол согласиться просто не мог. Тогда Мансур квалифицировал союзные ноты как ультиматум и обвинил британцев в том, что они преследуют иные цели, нежели устранение немцев⁴². Буллард, однако, был непреклонен.

Уже через день, в понедельник, еще не ответив официально на полученные ноты, иранские власти попытались как-то переломить ситуацию. Исполнявший обязанности министра иностранных дел Амери изложил послу Булларду устное контрпредложение, фактически не содержащее ничего нового. Речь шла о поэтапном выдворении примерно тридцати немцев ежемесячно. Буллард резонно возразил, что результаты этого будут заметны лишь через год, что для Лондона неприемлемо⁴³.

Посол Соединенных Штатов в Иране Л. Дрейфус 18 августа также имел длинный разговор с Амери и получил «определенное впечатление, – как он информировал государственный департамент, – что иранцы, маневрируют, тянут время, не осознавая всей серьезности их положения». Казалось, что они «ищут волшебную формулу, способную удовлетворить все сто-

роны, – заметил он и добавил: – Если они... не взглянут в лицо реальной ситуации, возможно, через несколько дней они поймут, что уже слишком поздно»⁴⁴.

Оценка американского дипломата была на редкость точной. Тегеран еще не ответил на полученные ноты союзников, когда все тем же днем 18 августа посол Майский и министр Иден встретились для обсуждения последующих действий своих стран. Обсудив позицию Турции в контексте происходивших событий, перешли к Ирану. Иден был убежден, что Лондон и Москва должны исходить из того, что реакция Тегерана будет предсказуемо негативной. Он поинтересовался у Майского, что, по его мнению, союзники должны делать дальше. Советский дипломат начал с того, что предложил выдвинуть Ирану 48-часовой ультиматум для «изменения своей позиции». В противном случае союзникам придется прибегнуть к «другим мерам». Посол не исключил и другого варианта действий: Великобритания и Советский Союз могли бы начать военную акцию без предупреждения, поскольку одновременно врученные их послами ноты объясняют причины их действий. Майский заявил, что лично он склоняется к ультиматуму, хотя и не получал никаких специальных указаний из Москвы.

Иден считал иначе. Поскольку он не верил, что шах капитулирует, британский министр настаивал на том, что «дальнейшее промедление» лишь даст Тегерану возможность обратиться к Турции и «остальному миру» за помощью. В итоге Иден и Майский договорились действовать без предупреждения. Советский посол предложил атаковать утром 22 августа, чтобы у обеих армий осталось немного времени на окончательную подготовку⁴⁵.

О совместно принятом решении союзников начать наступление был сразу же проинформирован Черчилль. Он находился на борту линкора «Принц Уэльский», возвращаясь со встречи с Рузвельтом, и был уже недалеко от берегов Шотландии. Премьер немедленно послал радиogramму Идену и был весьма категоричен: «Я думаю, у русских есть все основания⁴⁶, и мы должны присоединиться к ним, пока есть время»⁴⁷. Соответствующая депеша из советского посольства поступила и в Москву.

Тем временем британские и советские войска заканчивали подготовку к операции в Иране. Неожиданно произошла заминка. В последний момент было принято решение сопроводить интервенцию массивной кампанией по разбрасыванию листовок, призванных объяснить населению причины появления в их стране иностранных войск⁴⁸. На изготовление сотен тысяч листовок, естественно, требовалось время, что ставило под угрозу ранее согласованную дату начала операции. Советская сторона, тем не менее, одобрила такое ее пропагандистское сопровождение,

оговорив, что свои листовки она изготовит сама и будет распространять в зоне движения своих войск самостоятельно. Москва согласилась и с предложением британцев разбрасывать листовки именно в первый день наступления⁴⁹.

Наконец, 21 августа иранское правительство предоставило союзникам официальный ответ на их ноты от 16 августа. Написанный на фарси, ответ акцентировал внимание на уверениях союзников уважать нейтралитет Ирана и сохранить с ним дружеские отношения. Касаясь существа предъявленных требований, иранские власти заверяли Лондон и Москву, что «количество иностранцев в Иране за последнее время было намеренно снижено и вскоре их число подвергнется более заметному уменьшению». Подчеркивалось также, что Иран не сойдет с избранного «нейтрального курса» и «не примет никакого предложения, противоречащее иранской политике нейтралитета»⁵⁰. Стало понятно, что Тегеран решил рискнуть, надеясь на то, что что-то может помешать наступлению изготовившихся войск союзников. И, надо сказать, это было не упование на чудо, а не лишенный практического смысла расчет. Ситуация на фронтах была в пользу «держав оси». Открыто не скрывала своего неприятия намеченной акции Анкара⁵¹, не сформулировал публично свою позицию Вашингтон, с которой не все было однозначно⁵². Наконец, Берлин обещал скорую и реальную помощь⁵³.

Союзники должны были реагировать⁵⁴. Утром 21 августа первый заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский пригласил посла Криппса. Он проинформировал посла, что Москва согласна с намеченным совместным вступлением английских и советских войск в Иран на 23 августа. Соответствующие указания даны, изготовлены листовки, предприняты и другие необходимые меры. Вышинский сообщил также состав военной миссии СССР, направляемой в иракский Мосул для связи с британскими военными. Собеседники обговорили способ их прибытия. Криппс предложил переправить всех троих членов советской миссии самолетом, ночью перелетев через территорию Ирана в Мосул, с тем, чтобы на этом же самолете два члена английской военной миссии могли прибыть в СССР. Вышинский принял это предложение, уточнив, что английская миссия должна прибыть в Тбилиси (именно там располагался штаб Закавказского округа). В конце пятнадцатиминутного разговора дипломаты условились, что все технические вопросы, связанные с обменом военными миссиями, будут разрешены непосредственно военными⁵⁵.

Однако очень быстро, в течение дня, Москва неожиданном образом посчитала необходимым изменить названную Вышинским дату начала операции в Иране⁵⁶. Об этом уже ночью был проинформирован посол Майский. Едва дождавшись утра, взволнованный Майский по-

звонил Идену и попросил о срочной встрече. Прибыв в Форин-офис, посол поставил в известность министра о том, что советская сторона хочет перенести ввод войск в Иран на 25 августа. Не дожидаясь естественного вопроса о причинах, дипломат сказал, что доподлинно о них не знает, хотя полагает, что, скорее всего, они «технического характера». Главное, что беспокоило советского посла, это готовность Лондона согласиться на перенос даты начала своих действий на юге Ирана, чтобы сохранить согласованность начала проведения военной операции.

Вопрос был непростой, требовалось отменить уже отданные войскам приказы. Это вышло за рамки компетенции министра иностранных дел. Иден провел необходимые консультации с премьер-министром Черчиллем и начальником имперского генерального штаба Дж. Диллом. Лишь после этого он сообщил о согласии Лондона на перенос даты совместного выступления.

Так или иначе, 23 августа начался обратный отсчет времени. Именно в этот день вооруженные силы СССР и Великобритании получили приказы о начале операции в Иране. В 5 часов утра за подписью Верховного главнокомандующего И. В. Сталина и начальника Генерального штаба Б. М. Шапошникова командующему войсками Среднеазиатского военного округа была направлена директива о формировании и вводе в Иран 53-й отдельной армии. Спустя десять минут соответствующая директива Ставки была направлена командующему войсками Закавказского военного округа. В ней приказывалось развернуть Закавказский фронт за счет Закавказского военного округа. Директивы содержали детальное определение задач нового фронта и отдельной армии в ходе утвержденной иранской операции. Инициатива отдавалась закавказской группировке, войска которой с утра 25 августа должны были перейти иранскую границу. Обе директивы также сообщали о вхождении в этот день в Иран с юга британских войск⁵⁷.

Тогда же, 23 августа, в 5 часов дня генерал А. Уэйвелл, главнокомандующий войсками в Индии, и генерал Э. Куинэн, командующий войсками в Ираке, получили приказ из Лондона, объяснявший политические и военные цели Британии в иранской операции и характер предстоявшего взаимодействия с советскими войсками⁵⁸.

Между тем обмен информацией между военными инстанциями обеих стран о планируемых действиях в Иране был явно недостаточным. Особенно на фоне политического диалога советских и британских дипломатов, который носил постоянный и конструктивный характер. Иден и Майский, наделенный необходимыми полномочиями, встречались чуть ли не ежедневно, и стороны достигли в иранском вопросе высокого уровня взаимопонимания. Москва и Лондон согласовали дату ввода своих войск в эту страну, но даже после этого все еще не рас-

полагали достоверными данными о направлениях и характере действий своих вооруженных сил в этой совместной кампании, не разграничили зоны ответственности сторон⁵⁹.

До начала совместной кампании оставалось менее двух суток. Вечером 23 августа британский посол в Тегеране Буллард получил указание вручить премьер-министру Мансуру ноту, в которой сообщалось о вхождении 25 августа британских войск в Иран. При этом послу было рекомендовано обговорить точное время вручения с советским коллегой, «это должно быть утром, в максимально раннее, но приемлемое для вас обоих время»⁶⁰.

Британские дипломаты в Тегеране сразу же проинформировали об этом посла США Дрейфуса. Буллард сообщил также американцу о своем намерении вручить ноту иранским властям в 8.00 утра 25 августа. При этом британский военный атташе генерал У. Фрейзер уточнил, что военные операции союзников начнутся на рассвете. Дрейфус сразу же отправил срочную депешу в Вашингтон⁶¹.

Однако вечером накануне серьезного дипломатического демарша первоначальные планы Булларда пришлось изменить. Когда он узнал, что советский посол Смирнов собирался вручить ноту своего правительства значительно раньше, в 4.15, то посчитал необходимым сделать то же самое, чтобы ноты были вручены вместе двумя послами. Оставшуюся часть ночи Смирнов и Буллард провели, обсуждая свою предстоящую миссию и возможные последствия решительных действий союзников⁶².

Тем временем в Москве глубокой ночью 25 августа в иранском посольстве раздался телефонный звонок. Послу М. Саеду предложили срочно прибыть в Кремль. Спустя некоторое время, в 3.30 утра, высокопоставленный дипломат с недобрим предчувствием вошел в кабинет Молотова. Нарком иностранных дел сразу же заявил, что вызвал посла для того, чтобы вручить ноту советского правительства⁶³. Передавая ноту, Молотов сказал несколько слов. Смысл его заявления сводился к тому, что все попытки дипломатическими средствами убедить иранские власти выдворить из страны немецкую агентуру, создавшую угрозу интересам Советского Союза, ни к чему не привели, и это вынуждает советское правительство в полном соответствии с советско-иранским договором временно ввести войска в Иран.

Подавленный услышанным, Саед пытался убедить наркома приостановить ввод войск, обещая немедленное выполнение всех советских требований. В течение тридцатиминутной встречи он несколько раз повторял это. Молотов был непреклонен. Тогда отчаявшийся посол, оговорившись, что не имеет указаний своего правительства, заявил от себя лично протест. Полный драматизма разговор с послом закончился пожеланием Моло-

това иранской стороне принять все меры, чтобы ввод войск прошел мирным путем⁶⁴.

Практически в это же самое время в Тегеране происходили не менее значимые события. В преддверии рассветной мглы к особняку иранского премьер-министра одновременно подъехали два дипломатических лимузина. Советский посол А. Смирнов и британский Буллард вместе подошли к большим железным воротам. Они позвонили ровно в 4.15. Их немедленно проводили в гостевую комнату. Спустя некоторое время к ним вышел Мансур. Нежданные гости действовали быстро и синхронно. Они напомнили, что иранское правительство проигнорировало ноты их правительств от 19 июля и 16 августа с настоятельными пожеланиями существенно сократить немецкое присутствие в стране. К сожалению, теперь, заявили дипломаты, у их правительств не осталось выбора: они решили применить силу. Пришедший в себя после понятного замешательства иранский премьер попытался убедить послов, что все еще можно уладить, если войска будут остановлены. Однако Смирнов и Буллард не имели полномочий вести переговоры. Вручив ноты своих правительств, они попрощались и ушли⁶⁵.

В это время войска союзников пересекли иранские границы в Закавказье и на юге. Совместная кампания началась.

Примечания

- ¹ Черчилль У. Вторая мировая война : в 6 т. Т. 3 : Великий союз. М. : Terra-Книжный клуб, 1998. С. 249. У. Черчилль, А. Иден и некоторые другие продолжали называть Иран Персией.
- ² См.: Голуб Ю. Г. 1941 : Иранский поход Красной армии. Взгляд сквозь годы // Отечественная история. 2004. № 4. С. 20–27 ; Голуб Ю. Г., Любин Д. М. Закавказский фронт Великой Отечественной войны : участие войск фронта в иранской операции в августе 1941 года // Страницы Великой Отечественной... (К 60-летию Победы). Доклады Академии военных наук. 2005. № 3(15). С. 22–28. (Сер. «Военная история».) ; Оршиев А. Б. В августе 1941-го. М. : Вече, 2011.
- ³ См.: Документы внешней политики. Т. XXIV. 22 июня 1941 – 1 января 1942 (далее – ДВП). М. : Междунар. отношения, 2000. С. 120–123; 129–132.
- ⁴ См.: Майский И. М. Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943 : в 2 кн. Кн. 2. Ч. 2 : 22 июня 1941–1943 год. М. : Наука, 2009. С. 14–18. (Сер. «Научное наследство». Т. 33.)
- ⁵ Такую информацию от британских военных получил, например, посол США в Ираке (См.: Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers (далее – FRUS). 1941. Vol. 3. Washington, 1959. P. 384).
- ⁶ Черчилль У. Указ. соч. Т. 3. С. 249.
- ⁷ См.: Stewart R. A. Sunrise at Abadan : the British and Soviet invasion of Iran, 1941. N. Y. : Praeger, 1988. P. 69–70.
- ⁸ См.: The National Archives of Great Britain (Kew, England) (далее – TNA), FO 954/19A/127.
- ⁹ См.: Черчилль У. Указ. соч. Т. 3. С. 249. 4 августа Черчилль отбыл с базы Скапа-Флоу на линкоре «Принц Уэльский» на встречу с президентом США в районе острова Ньюфаундленд, так что рекомендации комитета он изучал в Атлантике.
- ¹⁰ См.: TNA, CAB 65/19/13.
- ¹¹ См.: TNA, FO 954/19A/128
- ¹² Ibid.
- ¹³ См.: Stewart R. A. Op. cit. P. 73–74.
- ¹⁴ См.: Голуб Ю. Г. Иранский фактор англо-советского сближения после нацистского нападения на Советский Союз (июнь–июль 1941 г.) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 33.
- ¹⁵ См.: ДВП. Т. XXIV. С. 584–585.
- ¹⁶ Там же. С. 218.
- ¹⁷ Там же. С. 221–222.
- ¹⁸ См.: Stewart R. A. Op. cit. P. 75.
- ¹⁹ См.: FRUS. 1941. Vol. 3. P. 392.
- ²⁰ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы : в 2 т. М. : ОГИЗ, 1946. Т. 1. С. 145–146.
- ²¹ См.: FRUS. 1941. Vol. 3. P. 391.
- ²² Ibid. P. 392.
- ²³ Правда. 1941. 13 авг.
- ²⁴ Stewart R. A. Op. cit. P. 75.
- ²⁵ См.: TNA, FO 954/19A/129.
- ²⁶ Stewart R. A. Op. cit. P. 75.
- ²⁷ См.: FRUS. 1941. Vol. 3. P. 388–390.
- ²⁸ См.: Черчилль У. Указ. соч. Т. 3. С. 215–228.
- ²⁹ Stewart R. A. Op. cit. P. 77.
- ³⁰ TNA, FO 954/19A/130.
- ³¹ Иден сразу же после беседы с Майским поспешил уведомить об этом советском намерении американское посольство (См.: FRUS. 1941. Vol. 3. P. 393).
- ³² Возможно, это связано с полученными Москвой данными о прибытии в Тегеран высокопоставленных сотрудников немецких спецслужб с целью активизации прогерманских сил в Иране и располагавшими для этого большими средствами в американской валюте (См.: TNA, FO 954/19A/131).
- ³³ Ibid.
- ³⁴ При этом Иден решил подстраховаться и чуть позже дал указание послу в Тегеране Булларду устно заверить иранские власти, что им не предъявляют ультиматум (См.: Stewart R. A. Op. cit. P. 78). Таким изящным образом британцы пытались предоставить шаху возможность спасти репутацию в случае согласия на условия союзников.
- ³⁵ См.: Черчилль У. Указ. соч. С. 221, 222.
- ³⁶ См.: TNA, FO 954/19A/131.
- ³⁷ См.: TNA, FO 954/19A/132.
- ³⁸ TNA, FO 954/19A/133
- ³⁹ Ibid.
- ⁴⁰ Ibid.
- ⁴¹ См.: Stewart R. A. Op. cit. P. 78.
- ⁴² Ibid. P. 85–86.

- ⁴³ См.: FRUS. 1941. Vol. 3. P. 399.
- ⁴⁴ Ibid. P. 400.
- ⁴⁵ См.: TNA, FO 954/19A/135 ; *Stewart R. A.* Op. cit. P. 87.
- ⁴⁶ Речь шла о правовых основаниях в соответствии со ст. 6 советско-иранского договора 1921 г., которая гласила: «Обе Высокие Договаривающиеся Стороны согласны в том, что в случае, если со стороны третьих стран будут иметь место попытки путем вооруженного вмешательства осуществлять на территории Персии захватническую политику или превращать территорию Персии в базу для военных выступлений против России, если при этом будет угрожать опасность границам Российской Социалистической Федеративной Советской Республики или союзных ей держав и если Персидское Правительство после предупреждения со стороны Российского Советского Правительства само не окажется в силе отвести эту опасность, Российское Советское Правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы в интересах самообороны принять необходимые военные меры. По устранению данной опасности Российское Советское Правительство обязуется немедленно вывести свои войска из пределов Персии» (Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях : сб. документов. М., 1946. С. 76).
- ⁴⁷ *Churchill W. S.* The Second World War. Grand Alliance. Boston : Houghton Mifflin, 1950. P. 480.
- ⁴⁸ См.: TNA, FO 954/19A/136.
- ⁴⁹ См.: TNA, FO 954/19A/137.
- ⁵⁰ *Prasad B.* Campaign in Western Asia. Pentagon Press, 2012. P. 308.
- ⁵¹ См.: *Кожанов Н. А.* Реакция стран региона (Афганистан, Британская Индия, Египет, Ирак, Турция) на ввод английских и советских войск в Иран. URL: <http://www.ru.journal-neo.com/node/1028> (дата обращения: 10.08.2015).
- ⁵² См.: *Stewart R. A.* Op. cit. P. 94–96.
- ⁵³ 19 августа посол Германии в Тегеране Этель встретился с премьер-министром Мансуром. Посол уверял его, что шах мог рассчитывать на лояльность со стороны Германии, и указал на захват Николаева в тот день как на доказательство неизбежной победы Германии. Этель настаивал, что ни Советский Союз, ни Англия не смогут долго существовать. Поэтому иранское правительство должно и дальше быть непоколебимым под давлением союзников. Он заметил, что если вмешается Британия, Германии придется вторгнуться в Иран. Мансур заявил, что «каждая выигранная неделя, в течение которой германские силы победоносно продвигались, укрепляла позицию Ирана» и что «Иран никогда не присоединится к лагерю германских врагов» (Documents on German Foreign Policy, 1918–1945. Series D. Vol. XIII. The War Years. June 23 – December 11, 1941. Washington : United States Government Printing Office, 1954. P. 335–338). В свою очередь, Гитлер 22 августа распорядился, что «из соображений политического характера крайне необходимо как можно быстрее выйти в районы, откуда Россия получает нефть, не только для того, чтобы лишить ее этой нефти, а прежде всего, чтобы дать Ирану надежду на возможность получения в ближайшее время практической помощи от немцев в случае сопротивления угрозам со стороны русских и англичан (курсив наш. – Ю. Г.). В свете вышеупомянутой задачи... проблема Москвы по своему значению существенно отступает на задний план» (*Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки, документы и материалы : в 2 т. Т. 2. Агрессия против СССР. Падение «третьей империи» (1941–1945 гг.). М. : Наука, 1973. С. 236. (Сер. «Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах»)).
- ⁵⁴ 21 августа 1941 г. в 03 ч 50 мин. Ставка ВГК за подписью И. Сталина и Б. Шапошникова направила командующим войсками Закавказского и Среднеазиатского военных округов директиву № 001145. В директиве приказывалось: «С целью предотвращения неожиданностей со стороны Ирана немедленно с получением настоящей директивы придвинуть войска округа непосредственно на границу с Ираном, но границы не переходить и не перелетать» (Русский архив : Великая Отечественная : Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год (далее – Русский архив : Великая Отечественная). Т. 16 (5–1). М. : Терра, 1996. С. 123). Аналогичные подготовительные меры были предприняты и британскими военными (См.: *Despatch on operations in Iraq, East Syria and Iran, from 10th April, 1941 to 12th January, 1942 // Supplement to The London Gazette, 14 August, 1946. P. 4098.*)
- ⁵⁵ См.: ДВП. Т. XXIV. С. 246.
- ⁵⁶ О причинах этого достоверно судить сложно. Возможно, это связано с недостатком времени для завершения всесторонней подготовки намеченной операции. Так, приписной состав частей и соединений Среднеазиатского военного округа стал призываться на «сборы» только после 20 августа, когда на их основе началось формирование 53-й отдельной армии для вступления в Иран. Соответствующие директивы Ставки Верховного Главного Командования (№ 1196 и № 1197) будут утверждены лишь 23 августа 1941 г. (См.: Русский архив : Великая Отечественная. Т. 16 (5–1). С. 126–129).
- ⁵⁷ Там же..
- ⁵⁸ См.: *Stewart R. A.* Op. cit. P. 98–99.
- ⁵⁹ 21 августа британское военное ведомство поручило своей военной миссии в Москве выяснить, какие силы привлечет Советский Союз для действий в Иране и каковы будут цели и линии продвижения его войск. Одновременно британское Военное министерство направило своей миссии план действий британских войск на юге Ирана для передачи советскому командованию (См.: *Stewart R. A.* Op. cit. P. 92).
- ⁶⁰ Ibid. P. 100.
- ⁶¹ См.: FRUS. 1941. Vol. 3. P. 414.
- ⁶² См.: *Bullard R.* The camels must go : An autobiography. L. : Faber, 1961. P. 227.
- ⁶³ См.: ДВП. Т. XXIV. С. 256–259.
- ⁶⁴ См.: Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 06. Оп. 3. П. 16. Д. 201. Л. 1–4.
- ⁶⁵ См.: *Bullard R.* Op. cit. P. 227 ; *Stewart R. A.* Op. cit. P. 107–108.

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

УДК 32(019.51)

РОЛЬ ТРАДИЦИЙ И НОВАЦИЙ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Д. М. Чердайко

Саратовский государственный университет
E-mail: cheredayko@bk.ru

В статье представлена авторская позиция по проблеме взаимодействия традиций и новаций и их влияния на управление обществом. Сама система традиционных ценностей рассматривается в качестве востребованного и действенного инструмента политики. Автор исследует значение и место традиции в условиях процесса глобализации и противоборства разных центров силы. **Ключевые слова:** модернизация, ценность, глобализм, идентичность, новация, управление.

Role of Traditions and innovations in Socio-political Dynamics of Modern Society

D. M. Cheredayko

The author's position on a problem of interaction of traditions and innovations and their influence on society governance is presented in the article. The system of traditional values is considered as the popular and effective tool of policy. The author investigates importance and place of tradition in the situation of globalization process and confrontation of different centers of force.

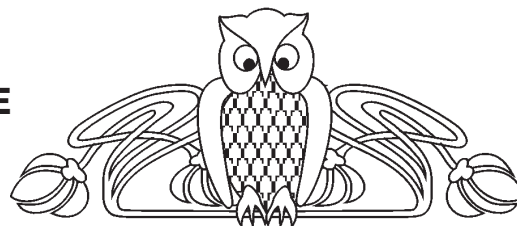
Key words: modernization, value, globalism, identity, innovation, governance.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-109-112

В последнее десятилетие в политическом дискурсе России одними из наиболее часто употребляемых терминов стали «модернизация» и «инновации». Они звучат из уст политиков самых разных уровней, подчеркивая насущность перемен в различных сферах жизни общества. Одновременно с этим все чаще в выступлениях политиков самого высокого ранга мы слышим обращение к нормам христианской морали, к категориям традиционных ценностей, становящихся инструментами политической деятельности¹.

Эффективность подобных инструментов в многонациональном, многоконфессиональном, сохранившем различные формы укладов жизни российском обществе должна быть обеспечена наличием серьезной интегративной составляющей. Выявление данной составляющей, на наш взгляд, представляет научный интерес.

Представляется целесообразным рассмотреть традиции и инновации не с точки зрения характеристик динамики общественных процессов, а в качестве функций в процессах управления. По нашему мнению, такой подход позволит

выделить прикладную, инструментальную составляющую сложных категорий, обладающую политическим потенциалом.

Мы исходим из того, что процесс глобальной модернизации является совокупностью процессов управления. В этом ракурсе модернизация предстает как результат действий, осуществляемых элитами в поиске новых и эффективных форм управления социальными системами с целью перераспределения, захвата или удержания власти. Этот поиск происходит в условиях объективного сокращения ресурсной базы и спорадического достижения пределов развития управляемых систем.

Необходимо отметить, что борьба за ресурсы (не только материальные, но и духовные) определяет всю историю человечества. В XV в. в этой борьбе наметился переход от экстенсивных методов к интенсивным (технологичным). Этот переход реализовался в колониальных захватах, успешность которых обусловило технологическое превосходство колонизаторов. Борьба за ресурсы продолжается и в наши дни, на современном этапе модернизации – глобализации.

Завершение колониального периода в 60-х гг. XX в. изменило форму управления ресурсами. Технологическое превосходство было реализовано с помощью правовых, финансовых инструментов и подкреплено военной мощью стран Запада. При этом процесс модернизации продолжился в направлении концентрации власти и ресурсной базы.

Современный этап модернизации – глобализация – сложно трактуемое понятие. Этимология термина «глобальный» указывает на характер и цели данного процесса управления. В его рамках часть элит, претендующая на признание себя глобальной по отношению к другим, решает в том числе задачи по захвату общемировых (глобальных) ресурсов для реализации власти над человечеством в целом (глобально). Реализуются эти задачи различными методами и с помощью разных инструментов. В данном исследовании мы сделаем акцент на некоторых направлениях этого воздействия.

Воздействие оказывается в различных сферах. Наиболее очевидным является давление на основные конфессии. Не столь явно, но не менее агрессивно оно осуществляется на национальные культуры. Еще более опосредованному воздействию подвергаются национальные государства.

Национальное государство осуществляет суверенитет над ресурсами, необходимыми для существования и воспроизводства социума.

Оказывая давление в указанных сферах, силы, реализующие цели глобализации, решают задачи разрушения или трансформации идентичности, устранения у членов социума и социума в целом потребности и возможности самоидентификации по национальному, географическому, этническому, религиозному, культурному и другим признакам. Традиционные ценности замещаются новациями, смещающими цели социальной системы и разрушающими ее структуру. В результате потеря идентичности создает условия для размывания основ государственного суверенитета и позволяет добиваться «самоотчуждения» социума от ресурсов.

Именно такой алгоритм политического развития мы можем наблюдать в Европейском союзе, где в рамках «общеευропейского дома» национальные государства постепенно в разных сферах государственной политики передают свой суверенитет Европейской комиссии и НАТО.

Надо отметить, что некоторое время европейцы спокойно принимали новации. О проблемах размывания национальной идентичности заявляли в основном силы, не определявшие реальную политику. Позиция этих сил, противоречащая целям глобализации, подвергалась обструкции. Для этого были задействованы мощные ресурсы – СМИ, находящиеся под контролем транснационального капитала. Воздействие глобальных СМИ было направлено на формирование общественного мнения, в котором постановка вопроса о национальной идентичности в культурной сфере воспринималась бы как отставание (архаика), а в политической – ассоциировалась с категориями национализма, шовинизма, нацизма и расизма. В результате проблема национальной идентичности переводилась в разряд маргинальных тем. Однако в последние несколько лет в европейских странах наметился новый тренд: объединения «националистического» толка стали увеличивать число своих сторонников.

Говорит ли это об актуализации проблемы национальной идентичности? На наш взгляд – да, говорит. Убедительные результаты на выборах в местные органы управления во Франции², продемонстрированные «Народным Фронтом» под руководством Марин Ле Пен, в значительной степени обусловлены намерением пересмотреть миграционную политику и взаимоотношения с Евросоюзом в пользу большей самостоятельности Франции как в экономике, так и в других областях.

В этом же ряду находится победа партии «Сириза» на парламентских выборах в Греции³. По сути, это результат мощного выплеска недовольства не только широких масс, но и части элиты политикой унификации Европейским союзом всех сторон жизни общества в «духе немецкой

рациональности». Именно в рамках подобной унификации стало возможным появление в политическом дискурсе Европы двусмысленной аббревиатуры PIGS⁴.

Глобальный, транснациональный капитал игнорирует то, что каждый народ является плодом своей среды, а способы хозяйствования, экономические интенции формировались столетиями. Так, интерпретируемый как проявление лени послеполуденный отдых (сиеста) отражает различия в ментальности населения стран севера Европы и юга, для которого «сиеста» является вынужденной из-за высокой дневной температуры. Приведенные примеры демонстрируют изменения, происходящие под воздействием глобализации в общественном мнении на Западе.

Российская экономика глубоко интегрирована в мировую. Культурное пространство является неотделимой частью глобального. Информационное пространство открыто для западных СМИ. Таким образом, российское общество (как и западное) вовлечено в процессы глобализации. В этой связи представляется важным выявить общие причины проявления политической субъектности обществ на Западе и в России.

Сильнейшим импульсом политизации российского общества стали процессы, связанные с восстановлением исторической справедливости, – воссоединение Крыма и Севастополя с Россией. Эти события послужили триггерами, включившими небывалый подъем патриотизма у россиян. Принадлежность к России и ощущение сопричастности с ее историей были главными движителями духовного подъема. Можно предположить, что в обществе происходило осознание своей идентичности по признакам «русский – советский – российский».

В результате мы стали свидетелями прорыва глубинного уровня самосознания общества, преодолевшего пласт накопленного на протяжении XX в. трагического опыта противостояний, расколов, переселений, перестроек. Появилась уникальная возможность – по-новому осмыслить события последнего столетия. В его метаморфозах российское общество из традиционно-патриархального превратилось в индустриальное, пройдя по траектории «капитализм – социализм – капитализм». Воссоединение Крыма с Россией проявило высший уровень идентичности, определяемый не столько национальными, религиозными или культурными составляющими. Речь, скорее, идет об идентичности цивилизационного уровня. В данном случае уместно говорить о русской цивилизации – цивилизации русского мира, в которой термин «русский» несет интегративный, а не этнический или национальный смысл.

Представляет интерес, почему одни традиционные ценности в состоянии мобилизовать большие человеческие массы для решения политической задачи, а другие – только небольшие группы. Мы предположили, что речь может идти

о разной мере ценности. В этой связи становится логичной постановка вопроса об эталоне ценности и о ценностной иерархии.

В определении, данном в БЭС, сказано: «ЦЕННОСТЬ – положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, социальной группы, общества в целом, определяемая не их свойствами самими по себе, а их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей, социальных отношений; критерий и способы оценки этой значимости, выраженные в нравственных принципах и нормах, идеалах, установках, целях»⁵.

В данном определении наиболее важными, с точки зрения управленческого процесса, нам представляются цели. Мы рассматриваем традиции и новации в рамках процесса управления большими социальными системами (государствами) и исходим из того, что высшей целью для системы является существование. Это высший приоритет. Следующим приоритетом являются ресурсы, необходимые для поддержания жизнедеятельности, далее – воспроизводство и т. д.

Если рассмотреть упомянутые события в Европе и в России через призму приоритетов социальной системы, то можно обнаружить, что эти события обусловлены высшими приоритетами. Так, французское общество (автохтонная часть) ощутило угрозу своему жизненному пространству на всех уровнях существования: национальном, этническом, политическом, социальном, культурном, экономическом. Греки также столкнулись с ситуацией, в которой экономическая политика, с одной стороны, согласованная с внутренней политикой Евросоюза, а с другой стороны – не соответствующая их ментальности, поставила значительную часть общества на грань физического существования. На грани физического существования оказалась и система в целом.

Что касается подъема патриотизма в России, то речь идет опять же о явлении, относящемся к высшему приоритету. В возврате Россией своей территории, в событиях, происходящих на Украине в наши дни, в санкциях Запада доминантами, определяющими восприятие россиян, стали понятия витального характера. Это физическое, социально-культурное, жизненное пространство русского мира и сам русский мир.

Необходимо отметить, что подавляющая часть российского общества осознает угрозы, исходящие со стороны Запада. Сказывается историческая память, в которой запечатлены многочисленные агрессии против России. Актуальность угрозам придают откровенные заявления западных политиков, сделанные в последние два десятилетия

Восприятие сложившейся политической ситуации россиянами было образно озвучено Президентом России В. В. Путиным в ходе пресс-конференции 18 декабря 2014 г. В частности, он

сказал: «Я напомним наш наиболее узнаваемый символ – медведя. Если аналогию продолжить, мне приходит в голову: может, нашему мишке посидеть спокойно? Не гонять поросят и свинок по тайге, а питаться ягодками, медком? Может, его в покое оставят? Не оставят! Потому что всегда будут стремиться посадить его на цепь. А как посадят на цепь, вырвут и зубы, и когти. В нашем случае – это силы ядерного сдерживания. Как только это произойдет – им не мишка же нужен, – так тайгу будут сразу прибирать. Мы почти от официальных лиц слышали, что несправедливо, что Сибирь с ее богатствами неизмеримыми принадлежит одной России»⁶.

Категории, прозвучавшие в речи президента, посвященной присоединению Крыма и Севастополя, такие как «историческая справедливость», «сакральные места», «исконные земли», по сути, являются кодировкой высших приоритетов общества (системы) в лаконичные и содержательные формы. Они ментально легко воспринимаются обществом и оспариваются нашими геополитическими противникам.

Очевидно, что категории традиционных ценностей как функции управления можно разделить на команды (коды) витального характера и команды (коды) общего управления (относящиеся к нормам нравственности, морали, этики). Витальные коды относятся к наивысшей мере ценности (эталонной). Коды общего управления отражают ценности, подверженные девальвации. Степень девальвации в значительной мере определяется уровнем секулярности общества.

В выступлении В. В. Путина 13 декабря 2013 г. с посланием к Федеральному собранию РФ прозвучали слова: «Разрушение традиционных ценностей сверху, которое мы наблюдаем во многих странах, губительно и проводится вопреки воле народного большинства. Нас все больше поддерживают в нашем стремлении сохранить традиционные ценности: ценности гуманизма, ценности традиционного мира, семьи и религиозные ценности»⁷. В сентябре 2013 г. на Валдайском форуме президент сказал следующее: «Мы видим, как многие евро-атлантические страны фактически пошли по пути отказа от... христианских ценностей. Отрицаются нравственные начала... Что еще может быть большим свидетельством морального кризиса человеческого социума, как не утрата способности к самовоспроизводству. А сегодня практически все развитые страны уже не могут воспроизводить себя. Без ценностей, заложенных в христианстве и других мировых религиях, без формировавшихся тысячелетиями норм морали и нравственности люди неизбежно утратят человеческое достоинство. И мы считаем естественным и правильным эти ценности отстаивать»⁸.

На наш взгляд, в рамках управленческого процесса данные заявления можно рассматривать в двух аспектах: как прямое действие по кор-

рекции процесса глобализации и как действие по организации процесса, способного скорректировать глобализацию.

Мы исходим из того, что процесс глобализации управляется западными элитами, для которых Россия является источником ресурсов. При этом необходимо понимать, что Запад неоднороден и, по сути, управляется частью агрессивной транснациональной элиты, приватизировавшей институты государств. В этой связи логично предполагать, что Запад не откажется от попыток их захвата, поскольку ресурсы необходимы ему для выживания. Таким образом, коррекция невозможна.

В рамках политического процесса, не имея возможности определять его развитие, проблематично добиваться собственных целей. На наш взгляд, обращение В. В. Путина к традиционным ценностям нацелено на формирование нового процесса, в котором Россия сможет решать собственные задачи с сильной позиции. В этом смысле слова Президента России следует рассматривать, как действие по инициации, распознаванию и поддержке политических сил, видящих в глобализации угрозу потери идентичности. Учитывая приверженность российской политики идее многополярного мира, уважение к традициям, религиям как основам идентичности, фактор национальной идентичности (по сути, отличия) приобретает интегративный потенциал. Это подтверждает развитие интеграционных процессов в рамках БРИКС, углубление сотрудничества с Китаем, Индией, Ираном, Ираком и Египтом.

УДК [321.01:316.3](470+571)

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОДУКТИВНОСТЬ И ОГРАНИЧЕННОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ «ЭФФЕКТИВНОСТЬ» ДЛЯ ОЦЕНКИ ЛЕГИТИМНОСТИ ВЛАСТИ

К. Ю. Мишин

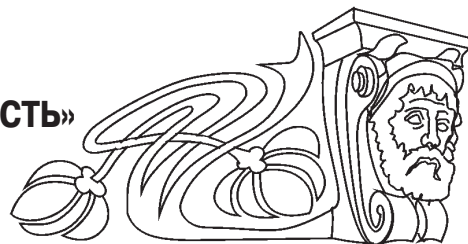
Саратовский государственный университет
E-mail: jediluke@yandex.ru

В статье представлены основные теоретико-методологические подходы к использованию экономической категории «эффективность» для оценки легитимности государственной власти и ее отдельных институтов. Рассмотрена продуктивность и ограниченность возможностей ее применения и сделан вывод о том, что в целях обеспечения объективности анализа данное понятие должно быть выведено из идеологического контекста.

Ключевые слова: эффективность государственной власти, легитимность власти, трактовки понятия «эффективность власти».

Примечания

- 1 См.: Вилков А. А., Захарова Т. И. Сакральные основания власти в политической жизни России. Саратов : ИЦ «Наука», 2010.
- 2 См.: Саркози вырвал у Марин Ле Пен первое место на выборах в департаментах Франции («Русская служба RFI», Франция). URL: <http://inosmi.ru/world/20150323/227053040.html#ixzz3pdoghNtr> (дата обращения: 26.10.2015).
- 3 См.: На выборах в Греции победила леворадикальная «Сириза» («Русская служба BBC», Великобритания). URL: <http://inosmi.ru/world/20150126/225824055.html> (дата обращения: 26.10.2015).
- 4 См.: Для обозначения стран-аутсайдеров экономисты придумали новую аббревиатуру – PIGS. URL: <http://newsru.com/finance/15feb2010/pigs.html> (дата обращения: 26.10.2015).
- 5 Большой энциклопедический словарь // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/319990> (дата обращения: 26.10.2015).
- 6 Большая пресс-конференция Владимира Путина 18 декабря 2014 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47250> (дата обращения: 26.10.2015).
- 7 Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2013 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825> (дата обращения: 26.10.2015).
- 8 Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения: 26.10.2015).

Theoretical Productivity and Restriction Usage of Economical Category «Efficiency» for Assessing Authority Legitimacy

K. Yu. Mishin

The article describes main theoretical and methodological approaches of economic category «efficiency» usage for evaluation of the state authority legitimacy and its individual institutions. The efficiency and its application limitations were examined. We concluded that in order to ensuring objectivity of analysis this term should be removed from ideological context.

Key words: state authority efficiency, legitimacy of state authority, interpretation of the concept of «efficiency of the power».

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-112-116

Одной из актуальных и социально значимых проблем в современной России является понимание эффективности политической власти. Несмотря на повсеместное присутствие данной экономической категории в политическом и научном дискурсе, его смысл и содержание в обозначенном контексте остается противоречивым и размытым. Поэтому представляется важным проанализировать, что именно в экономическом понимании эффективности соответствует общим подходам к изучению свойств политики, на которые ориентирована современная политическая наука, а что с этими политологическими подходами диссонирует¹. Соответственно, появляются основания для формирования научного представления, в каких границах понятие «эффективность» в его экономическом значении обладает методологической ценностью для политических исследований.

Соответствие экономического смысла понятия «эффективность» нуждам политического исследования связано с рядом обстоятельств. В жизни современных государств и обществ политика и экономика тесно переплетены. Лет двести тому назад европейскими и отечественными политическими философами было замечено, что повсеместно и постоянно экономические интересы государств и обществ становятся руководящими для их участия во внутренней и особенно внешней политике. Современные тенденции глобального развития таковы, что происходит усиление обратной связи. Политика начинает руководить решением внутригосударственных и международных экономических проблем. Иногда соображения политической целесообразности настолько довлеют над соображениями экономической выгоды, что происходит нарушение естественной, выведенной еще в прошлые столетия классиками европейской либеральной теории логики рыночных отношений. Например, по мнению А. А. Вилкова, имеет место общемировая тенденция «политизации вопросов продовольственной безопасности в жизни развитых государств современного мира»², которая проявляется в самых различных государственных предпочтениях для своих производителей сельскохозяйственной продукции.

При решении самых что ни на есть экономических проблем соображения экономической целесообразности и приобретения выгоды, как это демонстрирует, например, антироссийская санкционная политика США и стран Евросоюза, уступают место политическим мотивациям, основанным на апелляциях к гуманитарным ценностям, к политической солидарности развитых в экономическом отношении государств перед

лицом вызовов со стороны геополитических конкурентов и т. д. Такая ситуация объективно благоприятствует переносу в экономическую науку теоретических концептов, выработанных политической наукой, а в политическую науку – экономических концептов.

Нередко участие того или иного субъекта в политике, будь то человек или целое государство, прямо имеет своей целью доступ к государственному и общественному материальному богатству, к рычагам распределения и источникам накопления такого богатства. Понятие «эффективность», примененное к определению свойств такого политического участия, достаточно точно будет характеризовать логику мышления и поведения политического субъекта, приобретающего либо утрачивающего материальные блага по ходу своих политических отношений с другими субъектами.

В этом смысле понятие «эффективность» в своем экономическом значении будет операциональным в исследованиях современной внутренней олигархической политики и политики, которую на международной арене проводят государства, управляемые олигархическими элитами. Участие в политике людей и институтов, в руках которых сосредоточен избыточный для их непосредственной экономической деятельности (не задействованный в данный момент и потому выпадающий из текущего рыночного цикла) материальный ресурс, побуждает их этот ресурс резервировать за пределами сферы экономических отношений. Избыточный материальный ресурс прямо инвестируется в неэкономические сферы, в политику в первую очередь.

Расчет в данном случае прост и рационален: даже если не удастся получить прямых прибылей от инвестирования в социальную политику, в этно-культурную жизнь, в правовое лоббирование (а иногда в прямое финансирование международного терроризма), то, по крайней мере, всегда остается возможность наращивать долю прибылей за счет управления неэкономическими рисками для такой деятельности. Сегодня большинство государств включено в процесс получения спекулятивных прибылей на фондовых рынках от возникающих рисков войн, государственных переворотов, «цветных» революций, атак международных террористов, глобального потепления.

Экономический смысл понятия «эффективность» представляет методологическую ценность для исследований внутристрановой региональной политики. Это тот уровень политического процесса, на котором очень часто многие управленческие намерения и действия региональных элит и их лидеров утрачивают политичность и приобретают выраженную экономичность. Не случайным представляется то, что в последнее десятилетие наблюдается устойчивое доминирование «крепких хозяйственников»

в высшем эшелоне региональных российских элит. Их менеджерский стиль поведения в решении региональных проблем служит прямым основанием для заключения, что все их управленческие действия попадают под квалификацию «эффективная/неэффективная политика».

Можно предположить, что не случайно для характеристики свойств региональной российской политики, отношений в ней обществ и элит российские политологи часто употребляют словосочетание «административно-политические процессы», «административно-политические элиты». Термин «административный» в данном случае фиксирует в качестве предмета политологического исследования как раз тот канал, по которому экономические ресурсы и правила экономического менеджмента властными элитами переносятся явочным порядком в политическую сферу³. Это также канал, по которому в политическую сферу переходят правила финансового и производственного менеджмента и находят свое закрепление в региональном законодательстве и в разного рода административных регламентах.

Когда речь идет об исследовании региональных политических процессов, то порой трудно определить с удовлетворительной точностью, где заканчивается экономическое администрирование и начинается политика, особенно демократическая. Потому что деятельность институтов гражданского общества в российских регионах сегодня тоже нередко определяется их инвестиционной привлекательностью для региональных, федеральных и зарубежных олигархов, и публичная политика становится, таким образом, сферой инвестирования олигархических капиталов⁴.

Понятие «эффективность», используемое политической наукой в его экономическом значении, обладает чисто аналитической продуктивностью и в тех случаях, когда политологу требуется верифицировать результаты своей работы, полученные с применением методов политической науки. Речь идет о необходимости и возможности для политолога осуществлять верификацию таких результатов. В большинстве случаев выводы и оценки, к которым приходят политологи, имеют качественный характер, и потому выводы одного исследователя с большим трудом поддаются верификации при попытке их сравнения с выводами другого исследователя. Ярким примером тому являются продолжающиеся в среде отечественных специалистов вот уже более двух десятков лет дискуссии о том, свидетельствует ли текущая российская политика о возрождении в ней начал авторитаризма⁵, либо о том, что реальной становится перспектива появления в России гражданского общества и правового государства демократического типа⁶. Опора исследователя на концепт «эффективность» позволяет соотносить между собой не только практики политические (в разных, например, регионах), но и политические практики с экономи-

ческими, и тем самым проверять объективность своих научных заключений.

Когда ресурсные материальные затраты общества на реализацию политических инициатив государственных и общественных институтов предельно малы или предельно велики, когда в политическом пространстве возникают конфликты между субъектами политики по поводу целесообразности усиления либо сокращения подпитки политической сферы материальным ресурсом, это политическому аналитику служит весомым основанием для постановки вопроса о кризисном состоянии политических процессов – о таком неравновесном состоянии социально-политической системы, при котором она может эволюционировать либо в сторону авторитаризма, либо в сторону демократии. Такая закономерность не имеет жесткого характера, но мировая политическая история представляет много подтверждений тому, что богатеющая политика имеет склонность становится более публичной, демократической и либеральной. Беднеющая политика, напротив, имеет следствием коллапсирование публичной сферы и, соответственно, открывает дорогу росту авторитарных тенденций в отношениях общества и государства.

Демократическое общество в современном мире – это общество, в котором в идеале гражданское политическое участие гармонично подкреплено доступностью для гражданина материальных ресурсов, находящихся в его руках (частная собственность) и в руках общества и государства. Если вдруг готовность и возможности общества вкладывать свои материальные ресурсы в политику снижаются, это может быть опасным симптомом. Общество стремится дистанцироваться от политики, уходит из ее публичной сферы, не доверяет ей как способу решения своих проблем. Публичной политике оно предпочитает политику как администрирование, и именно с администрированием как с контролируемым использованием материальных ресурсов на неконкурентной основе начинает отождествлять «эффективную политику».

С другой стороны, симптомом кризиса может быть и богатеющая политика. Общество ощущает рост своих политических возможностей как отражение возможностей экономических. Когда прогресс политики общество начинает мерить объемами вложенных в нее ресурсов, то у него появляется повышенный запрос к отдаче от таких вложений. Оно требует от государства, чтобы то функционировало по тем же демократическим принципам и основаниям, что и само общество, руководствовалось в своей политической практике, как это имеет место во многих богатых странах Европы, «общечеловеческими ценностями». Общий уровень демократичности политики, безусловно, при этом возрастает, и политика, какие бы мероприятия по расширению прав и свобод граждан и социаль-

ных групп, включая эмигрантов, она ни включала, выглядит по определению «эффективной».

Но происходит это лишь до момента очередного экономического кризиса (который начался в мире в 2008 г. и с откатами продолжается до сих пор), который делает общество и государство существенно беднее, а социальный запрос к демократичности политики и экономики оставляет в массовом сознании на прежнем высоком уровне. Общество, вложившее свои материальные ресурсы в создание «социального государства» как высшего олицетворения своих политических успехов, вдруг обнаруживает, что это государство лишено того главного признака, который делает его собственно государством, – суверенитета во внутренней и внешней политике.

Это все то, что определяет работоспособность категории «эффективность» в политическом исследовании. Точно так же можно выделить и ряд ограничений для такой методологической работоспособности. Начнем с того, что перенос смысла понятия из предметного поля одной науки в предметное поле другой меняет в этом поле его ранжирование. Первый план исследования «эффективной» политики естественным образом начинают занимать проблемы соответствия политических институтов, процедур, принципов неким условным, выведенным из абстрактной политической философии эталонам. Эти эталоны приобретают в методологии современных политических исследований свойство абсолютной истины. Потому что только так исследователь может определить для себя ту нулевую точку, относительно которой вложение одних материальных ресурсов в политику или решение одних экономических проблем средствами политики он может признать «эффективными» (приближение к эталону), а вложение других ресурсов и решение других проблем «неэффективными» (отход от эталона). Но проблема эталонов традиционно актуальна только для политической мысли либеральной направленности. Для политической науки в целом всегда на переднем плане были иные предметы.

Для политической науки традиционно приоритетным предметом была власть – субстанция, в которой доминирует волевое начало. Для обретения и утраты власти фактор материальных ресурсов, конечно, важен, но часто важнее оказывается фактор легитимности этой власти⁷. Современные исследователи преодолевают данное методологическое противоречие тем, что просто отождествляют «легитимность» власти с ее «эффективностью».

Получается, если следовать экономическому смыслу понятия «эффективность», что легитимная власть – это власть, постоянно приобретающая для себя очевидную материальную выгоду (прибыль) от предоставления обществу властно-распорядительных и нормотворческих услуг. Проще говоря, по этой логике, «эффективной»

должна быть признана та власть, которая богатеет за счет общества. Но чаще бывает совсем наоборот. Некогда русский историк В. О. Ключевский объяснил причину великой Смуты XVII столетия как раз тем, что «государство пухло, а народ хирел». Как, впрочем, не может долго сохранять свою легитимность и материально бедствующая власть, чему примером может послужить опыт Парижской Коммуны 1871 г. и политики «военного коммунизма», проводимой большевиками в начальный период существования советской власти. Власть, чтобы быть легитимной, не должна быть ни слишком богатой, ни слишком бедной. Вопрос, однако, в том, что меру этого «слишком» определяют не принципы экономической эффективности, а огромная совокупность факторов, которые в политической политике обозначаются понятием «имидж власти».

Способность аккумулятировать под своим крылом общественные блага позволяет богатым либерально-демократическим государствам в Старом и Новом свете проводить активную социально-благотворительную политику и в ответ получать сочувственное отношение граждан к принципам, на которых основана государственная власть, к ее институтам, властным инициативам и решениям. Именно это обстоятельство привлекает тех отечественных исследователей, которые с готовностью ставят знак равенства между «легитимностью» власти и ее «эффективностью». Из их поля зрения выпадает тот факт, что само по себе богатство не избавляет даже демократическую государственную власть от постоянной озабоченности тем, как она выглядит в глазах подданных и граждан, и от необходимости поступаться своими прибылями (а значит, намеренно снижать свою эффективность) в интересах распределения общества и тем поддерживать в общественном сознании свою легитимность.

Еще одно ограничение имеет стратегический характер и вытекает из свойств современного политического процесса. Современные общества гораздо охотнее вкладываются в политику как способ решения экономических проблем, чем в экономику как способ решения проблем политических. Отсюда возникают несоответствия между высокими заявляемыми целями либерально-демократической политики и концентрацией материальных благ в руках немногих. В результате в современном мире торжествуют принципы либерально-демократической политики, но мир этот поделен на «золотой миллиард» и остаток. Поделен очень резко, как это выявил катастрофический приток эмигрантов из бедных и разоренных гражданскими войнами и иностранными интервенциями стран «третьего мира» в богатую Западную Европу.

Но противодействие этой проблеме, приобретшей общеевропейский характер, происходит по линии все возрастающих экономических затрат на политику в Европе и за ее пределами, а

не на решение тех экономических проблем, которые провоцируют новое «великое переселение народов». В этой ситуации современный политический процесс теряет ту единую внутреннюю логику, которая позволяла бы специалистам при его исследовании наполнять категорию «эффективность» единым смыслом, необходимым для объективного научного исследования.

Еще одно ограничение вытекает из идеологической (по факту включенности его в идеологический дискурс нынешней российской модернизационной политики) сущности требования к власти быть «эффективной». Идеологемы сами по себе являются ограничивающим фактором для развития научной теории, вводят ее развитие в рамки политических интересов, конфликтов и ресурсов. Дело, однако, не только в этом. Отечественные теоретики не принимают, как правило, во внимание того обстоятельства, что включение идеологемы в состав методологии политологического, экономического, философского либо правового исследования существенно меняет саму структуру такой методологии.

Исследователи требуют от власти «эффективности», имея в виду лишь то, что в перспективе властные институты и их действия должны стать иными, более соответствующими представлениям общества о правовом государстве и гражданском самоуправлении. Речь идет именно о перспективе, а не о сегодняшнем либо вчерашнем состоянии отношений между государством и обществом.

Между тем любая идеология (а также ее элементы – идеологемы) представляет собой политический проект, который кроме контуров будущего состояния общественно-политической жизни включает в себя и контуры перемен в настоящем состоянии государства и общества, а также указания по пересмотру представлений о прошлом социально-политической системы и оценок этого прошлого.

Для научной методологии исследования властных отношений и институтов включение в нее идеологемы «эффективность» означает, что исследователю необходимо каким-то образом оценить и «эффективность» в прошлом и ныне действующих институтов и отношений. По отношению к этой оценке состояния власти как «эффективного», «неэффективного», «не так как надо эффективного» исследователь может наметить показатели, которые характеризуют «эффективность» власти в будущем. Очевидно при этом, что в отношении настоящего и прошлого речь будет идти уже об ином смысле «эффективности», не имеющем даже условно связи с экономическим смыслом этого понятия.

Если речь идет о власти, а не о чем-то другом, то наличие либо отсутствие в политическом процессе властных институтов и властной воли

опознается по конечному результату – были или нет решены те задачи, для решения которых нужна политическая и административная власть. Если не решены, то, следовательно, нет и власти как предмета исследования. Если решены, то рассуждать о балансе затрат ресурсов и полученной обществом и властью политической и иной прибыли не имеет смысла. Это будет прямо противоречить требованию объективности научной оценки.

Объективность требует от исследователя принимать во внимание, в первую очередь, конечный практический результат действий властных институтов, конечные состояния властных отношений и по этим фактам судить о том, состоялась ли власть как власть либо нет, удовлетворила она интересы развития общества и государства либо нет.

Методология политологического исследования в данном случае утрачивает внутреннее единство логики: применительно к будущим состояниям власти политолог будет рассуждать об ее «эффективности», имея в виду экономическую эффективность, а при подкреплении своих рассуждений о будущем власти анализом прошлых и нынешних состояний этой власти исходить преимущественно из отождествления «эффективности» власти с ее «результативностью». Вместо сведения методологии к единому пониманию смысла «эффективности», пусть даже экономическому, у исследователя будет возникать большое разнообразие смыслов этого понятия, логически не связанных между собой.

Примечания

- 1 См.: *Вилков А., Шестов Н.* Политическая субъектность региональных социумов и элит // *Власть.* 2014. № 7. С. 186–191.
- 2 *Вилков А. А.* Политические аспекты обеспечения продовольственной безопасности в России в современном обществоведении // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология.* 2014. Т. 14, вып. 4. С. 60.
- 3 См.: *Власть, общество и бизнес в регионе: перспективы эффективного взаимодействия* / под ред. Г. Н. Комковой. Саратов: Саратовский источник, 2012.
- 4 См.: *Агалин Д. С. [и др.].* Государство и гражданское общество в России: новые практики взаимодействия. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2013.
- 5 См.: *Нуреев Р. М., Латов Ю. В.* Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа экономического развития). Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010.
- 6 См.: *Вилков А. А.* Политическое управление и гражданское общество в современной России // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология.* 2010. Т. 10, вып. 4. С. 62–70.
- 7 См.: *Шмитт К.* Легальность и легитимность // *Социологическое обозрение.* 2013. Т. 12, № 3. С. 76–92.

ХРОНИКА

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ КАК ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В РЕГИОНЕ (обзор Всероссийского круглого стола)

9 октября 2015 г. в Саратове состоялся круглый стол «Этноконфессиональное согласие как фактор общественной стабильности в регионе», организованный социологическим факультетом Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, Уполномоченным по правам человека в Саратовской области и комитетом общественных связей и национальной политики Правительства Саратовской области.

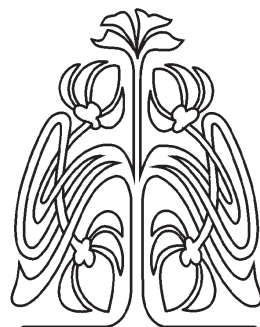
Было зарегистрировано свыше 50 участников, среди них профессора и преподаватели, студенты и аспиранты вузов; представители органов власти и этнокультурных объединений Саратова и российских регионов.

Основное внимание круглого стола было сосредоточено на поиске путей установления и поддержания этноконфессионального добрососедства на территории региона.

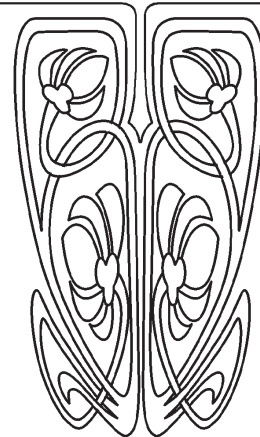
Открыл встречу декан социологического факультета доктор социологических наук, профессор **С. Г. Ивченков**, который огласил повестку дня и представил участникам круглого стола.

От имени организаторов собравшихся поприветствовал **И. Г. Малинский**, проректор по учебно-организационной и воспитательной работе, кандидат социологических наук, доцент. Он отметил, что тема, которая будет обсуждаться, не нуждается в обосновании актуальности. В любой сводке новостей ежедневно появляются сообщения из всех уголков мира об этнически мотивированных столкновениях со всеми вытекающими отсюда последствиями – жертвами, потоками миграции, беженцами и в целом искалеченными человеческими судьбами. В России проблема стоит не так остро, однако является одной из насущных и широко обсуждаемых. Очевидно, что залог мирного этнического и конфессионального взаимодействия лежит в плоскости взаимодействия всех добропорядочно ориентированных общественных сил. Заявленные направления научной дискуссии: вопросы межэтнического добрососедства в современном российском регионе, способы противостояния религиозной и этнической нетерпимости и экстремизму, проблемы межнациональных отношений и т. д., дают основания надеяться, что разговор поможет как ученым нашего города, так и представителям власти, общественных организаций определить векторы будущей деятельности на пути поиска оснований этноконфессионального согласия в регионе.

С обстоятельным докладом выступил **С. А. Калужнов**, заместитель председателя комитета общественных связей и национальной политики Правительства Саратовской области. Он рассказал о состоянии дел с реализацией в 2014–2016 гг. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года на территории области. Комитет активно сотрудничает с Советом при Президенте РФ по межнациональным отношениям, а также Федеральным агентством по делам национальностей. Только за I полугодие 2015 г. в мероприятиях, организованных комитетом, приняли участие председатель комитета по делам национальностей Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации Г. К. Сафаралиев, председатель комиссии Общественной палаты Российской Федерации по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений И. Е. Дискин, заместитель руководителя Фе-

ПРИЛОЖЕНИЯ

дерального агентства по делам национальностей А. В. Меженко, заместитель министра культуры РФ А. В. Журавский.

Главными направлениями работы являются: мониторинг и координация реализации государственных программ Саратовской области, направленных на укрепление и гармонизацию межнациональных отношений; проведение семинаров для должностных лиц органов государственной власти области, органов местного самоуправления, ответственных за состояние межнациональных отношений на соответствующей территории, мероприятий по стимулированию руководителей и иных должностных лиц органов государственной власти области, органов местного самоуправления в сфере профилактики и пресечения межнациональной (межэтнической) и межконфессиональной напряженности и конфликтов; проведение семинаров-совещаний работников органов и учреждений культуры (клубов, библиотек, музеев, национальных культурных центров) по этнокультурному развитию народов Саратовской области, предупреждению межнациональных конфликтов; проведение семинаров с привлечением молодежных и детских общественных объединений в рамках мероприятий по профилактике проявлений межнациональной (межэтнической) нетерпимости либо вражды в детской и молодежной среде.

Особо С. А. Калужнов отметил, что социально опасным трендом последнего времени является стремление некоторых недобросовестных СМИ, общественных организаций и деятелей в интересах привлечения повышенного внимания к некоторым социально-экономическим, политическим, бытовым, криминальным и прочим конфликтам необоснованно придавать им национальную окраску. Он призвал присутствующих бдительнее относиться к подобной практике. Также он сфокусировал внимание участников на данных проводящегося комитетом мониторинга межнациональной напряженности. По результатам опросов общественного мнения, в 2015 г. выявлено 14 приоритетных проблем, которые в наибольшей степени вызывают опасения населения области. «Угрозу национальных и религиозных конфликтов» отмечают лишь 13% респондентов – это 14-е место в рейтинге приоритетных проблем населения.

По субъективной оценке опрошенных респондентов, 15% сталкивались с проявлениями экстремизма и деятельностью радикальных организаций. При этом характер экстремистских проявлений (политический, религиозный, этнический) не уточнялся. Подавляющее большинство респондентов (78%) никогда не сталкивались с указанными явлениями.

С. А. Калужнов заключил, что Саратовскую область можно считать относительно благополучным регионом с точки зрения этноконфессиональной напряженности при наличии положи-

тельной динамики в этой сфере (19% жителей области в 2014 г. межнациональные отношения оценивали как «напряженные и конфликтные», как «способные перейти в открытое столкновение» – 3%. В 2015 г. только 10% респондентов характеризовали межнациональные отношения, как конфликтные). Однако почитать на лаврах не следует, нужно ежедневно проводить пропаганду взаимоуважения, согласия и терпимости, особенно среди молодежи, наиболее подверженной влиянию экстремистской идеологии, негативно настроенной к представителям нетитульной нации страны, и эта задача под силу педагогам и воспитателям, которые ежедневно общаются с подрастающим поколением. «Саратовский университет – один из опорных вузов в области социологических исследований», – подчеркнул С. А. Калужнов и призвал ученых к разработке единой системы мониторинга межнациональных отношений в регионе.

Его точку зрения поддержал руководитель аппарата Уполномоченного по правам человека в Саратовской области **А. П. Пяткин**. Он сообщил, что опыт его работы доказывает очень невысокую долю обращений граждан с проблемами, имеющими этническое или религиозное происхождение. При этом уточнил, что это не связано с общей напряженностью и популярностью деятельности аппарата, которую он оценил как высокую. Среди 5 тысяч ежегодных обращений граждан этноконфессиональная проблематика затрагивалась только в единичных случаях. Также Александр Павлович обозначил наиболее действенные способы преодоления межнациональной розни: постоянная разъяснительная работа, развитие навыков культуры общения, поддержка национальных культурных объединений и создание единой системы мониторинга межнациональных отношений.

В завязавшейся дискуссии приняли участие и преподаватели социологического факультета, и коллеги из вузов Саратова, и другие участники круглого стола.

На замечание профессора кафедры истории, теории и прикладной социологии, доктора социологических наук **Т. А. Калугиной** относительно того, что тема событий в Пугачеве в 2013 г. до сих пор является катализатором активности властей в данном вопросе, **И. А. Дорошин**, начальник отдела по работе с религиозными и национальными объединениями комитета общественных связей и национальной политики правительства области, ответил, что, по результатам интервью с экспертами в области национальных отношений на федеральном уровне, можно уверенно утверждать, что пугачевская история уже давно забыта и не воспринимается как проявление национальной розни.

А. И. Завгородный, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной информатики, акцентировал внимание на теоретико-методо-

логических аспектах обсуждаемой проблемы, предложив ответить на базовые вопросы: какие именно характеристики социального объекта являются индексами высокого или низкого уровня этноконфессиональной напряженности, а также является ли этноконфессиональное согласие практически осуществимым, не станет ли его достижение нивелированием социальной, культурной, бытовой, экономической самобытности между этносами нашей страны, составляющих ее уникальность?

Председатель комитета по общественным отношениям, анализу и информации администрации города **Ю. М. Литневская** в своем выступлении заострила внимание присутствующих на социокультурном ракурсе обсуждаемой проблемы. Как считает Юлия Михайловна, главной задачей, решение которой может работать на созидание этноконфессионального мира в регионе, является продвижение в коллективном сознании саратовцев идеи общего для всех единого пространства проживания, общего дома, уважения к другой культуре и религии. В частности, этому может служить пропаганда исторического опыта, например, средневекового города Укека, где на одной улице находились и православный храм, и францисканский монастырь, и кирха.

Доцент кафедры социальной информатики кандидат социологических наук **Н. Ю. Кравченко** поддержала мысль об Укеке, заметив, что современная молодежь – основной объект воспитательных усилий по созидаанию этноконфессионального согласия – очень нуждается в положительных исторических примерах. Надежда Юрьевна также напомнила собравшимся ученым, что эмпирическая социология институционализировалась в рамках Чикагской школы в первой половине XX в., занимаясь именно проблемами исследования этнических эмигрантских сообществ, что подтверждает традиционно обостренный интерес социологов к рассматриваемой проблеме и свидетельствует о вековом опыте становления методологии ее изучения. Главное, резюмировала Н. Ю. Кравченко, мониторинг этноконфессиональной напряженности в регионе требует создания целой системы совместного взаимодействия власти, ученых, об-

щественных организаций; дело это не простое, не быстрое, необходимы существенные материальные и организационные вложения.

Профессор Поволжского института управления им. П. А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ **А. В. Амбарян** выступил с поддержкой идеи практической совместной деятельности по возвращению в саратовцах этнического и конфессионального добрососедства, обратив внимание на исключительные возможности в этом деле уникального проекта – Национальной деревни.

Доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой экономической социологии, рекламы и связей с общественностью Саратовского социально-экономического института РЭУ им. Г. В. Плеханова **О. А. Романовская** призвала присутствующих более ответственно подходить к сведениям, рекомендациям, которые относятся к деликатной сфере этноконфессиональных отношений, становящимся достоянием гласности, более открыто и прозрачно информировать общественность о результатах проводящегося мониторинга.

Доцент кафедры истории, теории и прикладной социологии кандидат социологических наук **Т. Н. Кошелева** и доцент кафедры социологии молодежи кандидат социологических наук **Е. В. Сайганова** в своих выступлениях подчеркнули методологические сложности социологического изучения этнических проблем, связанные с многосложностью социального объекта и его неполной теоретической разработанностью.

В заключение модератор – профессор кафедры социологии регионов доктор социологических наук **Я. А. Никифоров** подвел итоги круглого стола, поблагодарил участников и пригласил их использовать научно-образовательное пространство социологического факультета для организации будущих дискуссий и сотрудничества всех заинтересованных в созидаании этноконфессионального согласия в Саратовской области.

Я. А. Никифоров,
доктор социологических наук,
профессор кафедры социологии регионов

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бегинина И. А. – кандидат философских наук, профессор, заведующая кафедрой социологии регионов, Саратовский государственный университет. E-mail: begininaia@info.sgu.ru

Великий П. П. – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт аграрных проблем РАН, Саратов. E-mail: iagrap@mail.ru

Вилков А. А. – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: vil57@yandex.ru

Герасимова М. А. – аспирант кафедры социальной информатики, Саратовский государственный университет. E-mail: gerasimova.mary@gmail.com

Голуб Ю. Г. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России, Саратовский государственный университет. E-mail: goloub@sgu.ru

Дубровская С. В. – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: dubrik80@mail.ru

Евстифеева О. Г. – кандидат социологических наук, доцент кафедры торгового дела, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова (Волгоградский филиал). E-mail: satha@inbox.ru

Елутина М. Э. – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии социальной работы, Саратовский государственный университет. E-mail: elutina133@mail.ru

Забуга Е. В. – первый проректор, Сибирский институт бизнеса, управления и психологии, Красноярск. E-mail: info@sibup.ru

Зайнуллина М. Р. – кандидат экономических наук, доцент кафедры общего менеджмента, Институт управления, экономики и финансов Казанского (Приволжского) федерального университета; заведующий отделом микро- и мезоисследований, Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан. E-mail: milyausha-zainul@list.ru, M.Zaynullina@tatar.ru

Зевако Ю. В. – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры Б24 «Социально-экономические и гуманитарные науки», филиал «Восход» МАИ в г. Байконуре, Республика Казахстан. E-mail: milirita@rambler.ru

Ивченков С. Г. – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии молодежи, Саратовский государственный университет. E-mail: ivchenkovsg@mail.ru

Калинкин А. А. – аспирант кафедры социологии регионов, Саратовский государственный университет. E-mail: naiperlit347@gmail.com

Калинникова М. В. – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии регионов, Саратовский государственный университет. E-mail: kalinnikova1@rambler.ru

Карелин М. А. – аспирант кафедры социологии регионов, Саратовский государственный университет. E-mail: karelin15@rambler.ru

Кармацкая Э. В. – директор колледжа, Сибирский институт бизнеса, управления и психологии, Красноярск. E-mail: info@sibup.ru

Коваль И. В. – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента, Сибирский институт бизнеса, управления и психологии, Красноярск. E-mail: istokiv@rambler.ru

Коваль О. И. – индивидуальный предприниматель. E-mail: info@sibup.ru

Кудаев А. В. – адъюнкт, Саратовский военный институт внутренних войск МВД России. E-mail: alex14011977@mail.ru

Мишин К. Ю. – аспирант кафедры политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: jediluke@yandex.ru

Нагимова А. М. – доктор социологических наук, доцент кафедры общего менеджмента, Институт управления, экономики и финансов Казанского (Приволжского) федерального университета; ведущий научный сотрудник, Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан. E-mail: nagais@mail.ru

Петров Д. Е. – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры Б24 «Социально-экономические и гуманитарные науки», филиал «Восход» МАИ в г. Байконуре, Республика Казахстан. E-mail: baikonur001@gmail.com

Плешаков А. П. – доктор социологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной социологии, Саратовская государственная юридическая академия. E-mail: plaleks55@mail.ru

Сайганова Е. В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии молодежи, Саратовский государственный университет. E-mail: saiganovaev@yandex.ru

Семенова В. Г. – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: semenovavg@mail.ru

Скорородова О. С. – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ. E-mail: olsko@yandex.ru

Сукиасян А. Х. – кандидат социологических наук, доцент кафедры торгового дела, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова (Волгоградский филиал). E-mail: satha@inbox.ru

Титова Е. Ю. – старший преподаватель кафедры «Социально-правовые и гуманитарно-педагогические науки», Саратовский государственный аграрный университет им. Н. И. Вавилова. E-mail: a-von-b@yandex.ru

Трофимова О. А. – аспирант кафедры социальной работы, Саратовский государственный университет. E-mail: trofimova2006@mail.ru

Чередайко Д. М. – аспирант кафедры политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: cheredayko@bk.ru

Шахматова Н. В. – доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной социологии, директор Центра региональных социологических исследований, Саратовский государственный университет. E-mail: nadezhdashakhmatova@yandex.ru

Юренков И. Н. – аспирант кафедры социологии регионов, Саратовский государственный университет. E-mail: www.igor1992@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Beginina I. A. – candidate of philosophical sciences, professor, head of the Chair of sociology regions, Saratov State University. E-mail: begininaia@info.sgu.ru

Cheredayko D. M. – postgraduate student, Chair of political science, Saratov State University. E-mail: cheredayko@bk.ru

Dubrovskaya S. V. – candidate of political science, assistant professor of the Chair of political sciences, Saratov State University. E-mail: dubrik80@mail.ru

Elyutina M. E. – doctor of sociological sciences, professor, head of the Chair of sociology of social work, Saratov State University. E-mail: elutina133@mail.ru

Evstifeeva O. G. – candidate of sociological science, associate professor of the Chair of trading business, Plekhanov Russian University of Economics (VB). E-mail: satha@inbox.ru

Gerasimova M. A. – postgraduate student of the Chair of social informatics, Saratov State University. E-mail: gerasimova.mary@gmail.com

Golub Yu. G. – doctor of historical sciences, professor, head of the Chair of International Relations and Russia Foreign Policy, Saratov State University. E-mail: goloub@sgu.ru

Ivchenkov S. G. – doctor of sociological sciences, professor, head of the Chair of sociology of youth, Saratov State University. E-mail: ivchenkovsg@mail.ru

Kalinnikova M. V. – doctor of sociological sciences, associate professor, professor of the Chair of sociology regions, Saratov State University. E-mail: kalinnikova1@rambler.ru

Kalinkin A. A. – postgraduate student of the Chair of sociology regions, Saratov State University. E-mail: naiperlit347@gmail.com

Karelin M. A. – postgraduate student of the Chair of sociology regions, Saratov State University. E-mail: karelin15@rambler.ru

Karmatsky E. V. – director of the college, Siberian Institute of Business, Management and Psychology, Krasnoyarsk. E-mail: info@sibup.ru

Koval I. V. – doctor of sociological sciences, associate professor, professor of the Chair of management, Siberian Institute of Business, Management and Psychology, Krasnoyarsk. E-mail: istokiv@rambler.ru

Koval O. I. – individual entrepreneur. E-mail: info@sibup.ru

Kudaev A. V. – advanced student, Saratov Military Institute of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. E-mail: alex14011977@mail.ru

Mishin K. Yu. – postgraduate student, Chair of political science, Saratov State University. E-mail: jediluke@yandex.ru

Nagimova A. M. – doctor of sociological sciences, assistant professor of the Chair of general management, Institute of Management, Economics and Finance of the Kazan (Volga region) Federal University; leading researcher, Center of Advanced Economic Research in the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. E-mail: nagais@mail.ru

Petrov D. E. – candidate of political sciences, senior lecturer of the Chair B 24 «Socio-economic sciences and humanities», branch «Voskhod» MAI in the city of Baikonur, Republic of Kazakhstan. E-mail: baikonur001@gmail.com

Pleshakov A. P. – doctor of sociological sciences, professor of the Chair of theoretical and applied sociology, Saratov State law Academy. E-mail: plaleks55@mail.ru

Saiganova E. V. – candidate of sociological sciences, associate professor of the Chair of sociology of youth, Saratov State University. E-mail: saiganovaev@yandex.ru

Shahmatova N. V. – doctor of sociological science, professor of the Chair of applied sociology, director of the Center for regional sociological studies, Saratov State University. E-mail: nadezhda shahmatova@yandex.ru

Semenova V. G. – candidate of political science, assistant professor of the Chair of political sciences, Saratov State University. E-mail: semenovavg@mail.ru

Skorokhodova O. S. – candidate of political sciences, associate professor of the Chair of political science, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: olsko@yandex.ru

Sukiasyan A. Kh. – candidate of sociological science, associate professor of the Chair of trading business, Plekhanov Russian University of Economics (VB). E-mail: satha@inbox.ru

Titova E. Yu. – senior teacher of the Chair of socio-legal and humanitarian-pedagogical science, Saratov State Agrarian University named after Vavilov. E-mail: a-von-b@yandex.ru

Trofimova O. A. – postgraduate student of the Chair of social work, Saratov State University. E-mail: trofimova2006@mail.ru

Velikiy P. P. – doctor of philosophical sciences, professor, Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences, Saratov. E-mail: iagpran@mail.ru

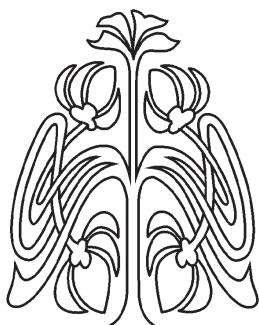
Vilkov A. A. – doctor of political science, professor, head of the Chair of political science, Saratov State University. E-mail: vil57@yandex.ru

Yurenkov I. N. – postgraduate student of the Chair of sociology regions, Saratov State University. E-mail: www.igor1992@gmail.com

Zabuga E.V. – first vice-rector, Siberian Institute of Business, Management and Psychology, Krasnoyarsk. E-mail: info@sibup.ru

Zaynullina M. R. – candidate of economic science, assistant professor of the Chair of general management, Institute of Management, Economics and Finance of the Kazan (Volga region) Federal University; head of Department of micro- and mezoissledovany, Center of Advanced Economic Research in the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. E-mail: milyausha-zainul@list.ru, M.Zaynullina@tatar.ru

Zevako Yu. V. – candidate of political sciences, senior lecturer of the Chair B 24 «Socio-economic sciences and humanities», branch «Voskhod» MAI in the city of Baikonur, Republic of Kazakhstan. E-mail: milirita@rambler.ru

ПОДПИСКА

Подписка на I полугодие 2016 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36016,
раздел 41 «Философия. Социология. Психология. Религия».
Журнал выходит 4 раза в год.

Подписка оформляется по заявочным письмам
непосредственно в редакции журнала.

Заявки направлять по адресу:

410012, Саратов, Астраханская, 83.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2) 51-45-49, 52-26-89; факс (845-2) 27-85-29;

e-mail: BegininalA@info.sgu.ru

Цена свободная.